

ISSN 2311-696X (Print)
ISSN 2782-2761 (Online)

научно-практический журнал

ПРАВОПОРЯДОК

история, теория, практика

1(36)/2023

ПРАВООПОРЯДОК

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

2023 | №1 (36)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал индексируется в библиографической базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Электронная версия журнала доступна на сайте <https://правопорядок74.рф>.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

МАЙОРОВ Андрей Владимирович доктор юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ИГОЛЕВИЧ В. А. кандидат технических наук, доцент, генерал-майор полиции (председатель совета)
АГАПОВ П. В. доктор юридических наук, профессор
БОГДАН В. В. доктор юридических наук, доцент
ВАЛЕЕВ Р. М. доктор юрид. наук, профессор кафедры
ВЫДРИН И. В. доктор юридических наук, профессор
ГОНЧАРОВ Д. Ю. доктор юрид. наук, доцент, проф. кафедры
ГУСАК В. А. доктор юридических наук
ЗУЕВ С. В. доктор юрид. наук, доцент, профессор кафедры
КОБЕЦ П. Н. доктор юридических наук, профессор
КИРЕЕВ В. В. доктор юрид. наук, доцент, проф. кафедры
КУДИНОВ В. В. доктор юридических наук
ЛАЗУТИН Л. А. доктор юридических наук, профессор
МАЙОРОВ В. И. доктор юридических наук, профессор
ПУЧКОВ О. А. доктор юридических наук, доцент
САБИТОВ Р. А. доктор юридических наук, профессор
СЕВРЮГИН В. Е. доктор юридических наук, профессор
СЕРГЕЕВ А. Б. доктор юрид. наук, профессор кафедры
ТУГАНОВ Ю. Н. доктор юрид. наук, проф., заслуженный юрист Российской Федерации
ЧЕРНЯДЬЕВА Н. А. доктор юрид. наук, доцент, проф. кафедры

ШАРОНОВ С. А. доктор юридических наук, доцент
ШАЙХУТДИНОВ Е. М. кандидат юридических наук
БАЗЕЛЮК В. В. доктор педагогических наук, профессор
КОСТЕНОК П. И. доктор педагогических наук, профессор
ТАНАЕВА З. Р. доктор пед. наук, доцент, проф. кафедры
МАХРОВА Т. К. доктор исторических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ВИННИКОВА Р. В. кандидат юридических наук
ВАНЮШИН Я. Л. кандидат юридических наук, доцент
ДОЛГОПОЛОВ К. А. кандидат юридических наук, доцент
КОНДРАТЬЕВ С. М. кандидат юридических наук, доцент
МАГДЕНКО А. Д. кандидат юридических наук, доцент
МАЙОРОВ А. В. доктор юридических наук, доцент
МИХАИЛОВ К. В. кандидат юридических наук, доцент
ОВЧИННИКОВА О. В. кандидат юридических наук, доцент
ТЮЛЬПАНОВ Ф. М. кандидат юридических наук, доцент
ШМИДТ А. А. кандидат юридических наук, доцент
МАЙСАК В. Н. кандидат исторических наук, доцент
СЕМЕНОВ А. И. кандидат ист. наук, доцент, доцент кафедры
ДЕККЕРТ Д. В. кандидат пед. наук, доцент кафедры
СУХОРОУКОВА А. Х. государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса, почётный работник ФССП

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: ООО «ЭСКУЭЛА»

Россия, 454091, г. Челябинск,
ул. Коммуны, 139-39.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № **ФС77-54870** от 26 июля 2013 г.
Подписной индекс **94267 «Урал-Пресс»**

В журнале отражаются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, экспериментальных разработок аспирантов и докторантов, а также практический опыт сотрудников правоохранительных органов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов.

РЕДАКЦИЯ:

Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 139-39.
Тел.: +7 (908) 570-73-15
E-mail: pravoporyadok74@bk.ru
Сайт: <http://правопорядок74.рф>

Корректурa, комп. верстка: **ВОРОНИН С. В.**
Перевод: **ВОЛОШИНА М. А.**

Подписано в печать: 24.02.2023.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 16,97.
Тираж 150 экз. Заказ № 60.
Отпечатано в издательстве
Челябинского государственного университета
454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57-б.
Дата выхода в свет: 27.02.2023.
Цена свободная.

© Редакция журнала «Правопорядок: история, теория, практика», 2023.

В НОМЕРЕ

Колонка редактора

Нацевский О. Д., Семенов А. И.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ.
МУЗЕЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ — 40 ЛЕТ! 6

История и общая теория обеспечения правопорядка

(5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.4 Уголовно-правовые науки)

Бутов С. В., Лысенков С. Г.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЫПОЛНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗАДАЧ
ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ВОЙСК НКВД СССР В БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 11

Кобец П. Н.

ОПЫТ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В ПЕРИОД РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА
КОНЦА XV — НАЧАЛА XVIII СТОЛЕТИЯ 18

Новикова Ю. С.

ЛОКАЛЬНЫЕ АКТЫ КАК СРЕДСТВО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ОРГАНИЗАЦИЯХ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ 25

Суверов Е. В., Фризен П. Д.

ПОЖАРНАЯ ОХРАНА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1953–1964 гг.:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 31

Тимофеева А. А., Павлова А. Д.

КОДИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ 38

Административная деятельность

(5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки)

Шмидт А. А., Нифталиева М. Б.

ЧАСТНЫЙ ОХРАННИК-ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ,
СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ В ОТНОШЕНИЯХ ЗАЩИТЫ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ 46

Уголовное право и процесс

(5.1.4 Уголовно-правовые науки)

Долгополов К. А., Иванов С. А., Голубов М. А.

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ 53

Зацепин М. Н., Глушкова Е. М.

БЕЗОПАСНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 60

Задорожная В. А.

ПРОГРЕССИВНЫЕ И РЕГРЕССИВНЫЕ ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ И СУДОМ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 70

Теория и практика противодействия преступности

(5.1.4 Уголовно-правовые науки)

Горшенков Г. Н.

КРИМИНОЛОГИЯ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ НАУКА 81

Гаджиев Д. М.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
И ГЛАВА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН КАК СУБЪЕКТЫ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ 88

Краснова К. А., Волкова М. А.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ГЕНОЦИДЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 98

Кондратюк С. В.

ФАШИЗМ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
И ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ
В УСЛОВИЯХ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 103

Международное право

(5.1.4 Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки)

Упоров А. Г.

ПОДХОДЫ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ К РАЗРЕШЕНИЮ КОЛЛИЗИЙ,
ВОЗНИКАЮЩИХ МЕЖДУ НОРМАМИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ,
И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 111

Проблемы правопорядка: взгляд молодых исследователей

(Шифры специальностей: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4; 5.1.5)

Авдонин В. А.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ:
ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ 114

Алиев М. М.

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ НАЗНАЧЕНИЯ, ПРОИЗВОДСТВА И ОЦЕНКИ
РЕЗУЛЬТАТОВ КОМПЛЕКСНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 119

Бутов С. В.

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ
В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ. ПРАВОВОЙ ЭПИФЕНОМЕН 125

Белов А. Н.

ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С НАРУШЕНИЕМ
ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 132

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 139

Правила предоставления рукописей статей
в научно-практический журнал
«ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА» 145

CONTENTS

Editor's column

Natsievskiy O. D., Semenov A. I.

PATRIOTIC GROUND OF A SPECIAL PURPOSE. THE MUSEUM OF INTERNAL AFFAIRS OF THE CHELYABINSK REGION IS 40 YEARS OLD!	6
---	---

History and General Theory of Legal Order

(5.1.1 Theoretical and historical legal sciences; 5.1.4 Criminal law sciences)

Butov S. V., Lysenkov S. G.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASES FOR THE PERFORMANCE OF SPECIAL OBJECTIVES BY SERVICE SERVICES OF THE NKVD OF THE USSR IN THE BATTLE OF MOSCOW: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT	11
---	----

Kobets P. N.

EXPERIENCE OF THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION IN THE SPHERE OF THE LEGAL STATUS OF FOREIGN CITIZENS IN THE PERIOD OF THE RUSSIAN CENTRALIZED STATE OF THE END XV — BEGINNING OF THE XVIII CENTURY	18
---	----

Novikova Yu. S.

LOCAL ACTS AS A MEANS OF INDIVIDUALIZATION LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS IN ORGANIZATIONS OF VARIOUS FORMS OF OWNERSHIP	25
--	----

Yevgeniy V. Suverov, Petr D. Frizen

FIRE PROTECTION OF THE TOMSK REGION IN 1953-1964: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS	31
--	----

Timofeeva A. A., Pavlova A. D.

CODIFICATION OF LEGISLATION IN RUSSIA: HISTORICAL AND PRACTICAL ASPECTS	38
---	----

Administrative Activity

(5.1.2 Public law (state law) sciences)

Schmidt A. A., Niftalieva M. B.

A PRIVATE SECURITY GUARD IS A BODYGUARD IN THE SYSTEM OF RELATIONS THAT DEVELOP IN THE RELATIONSHIP OF PROTECTING LIFE AND HEALTH	46
---	----

Criminal Law and Proceeding

(5.1.4 Criminal law sciences)

Dolgopolov K. A., Ivanov S. A., Golubov M. A.

THE CONCEPT AND FEATURES OF MODERN RUSSIAN CRIMINAL LEGAL SCIENCE	53
---	----

Zatsepin M. N., Glushkova Ye. M.

BUSINESS SECURITY AND CRIMINAL LAW	60
--	----

Zadorozhnaya V. A.

THE PRINCIPLE OF EQUALITY BEFORE THE LAW AND THE COURTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROGRESSIVE AND REGRESSIVE FACTORS OF IMPLEMENTATION	70
---	----

Theory and Practice of Combating Crime

(5.1.4 Criminal law sciences)

Gorshenkov G. N.

CRIMINOLOGY AS A CRIMINAL LAW SCIENCE 81

Gadzhiev D. M.

THE STATE COUNCIL OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN
AND THE HEAD OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN
AS SUBJECTS OF REGIONAL CRIME PREVENTION 88

Krasnova K. A., Volkova M. A.

HISTORICAL MEMORY OF THE GENOCIDE OF THE SOVIET PEOPLE
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR:
CRIMINAL AND LEGAL ASPECT 98

Kondratyuk S. V.

FASCISM: A SOCIOLOGICAL STUDY
AND DETERMINING FACTORS IN THE CONDITIONS
OF THE NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION 103

International Law

(5.1.4 Criminal law sciences; 5.1.5 International legal sciences)

Uporov A. G.

APPROACHES OF FOREIGN STATES TO RESOLVING CONFLICTS
ARISING BETWEEN THE NORMS OF INTERNATIONAL TREATIES
AND THE EXPEDIENCY OF THEIR APPLICATION
IN THE RUSSIAN FEDERATION 111

Problems of Legal Order: the View of young Researchers

(Specialty codes: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4; 5.1.5)

Avdonin V. A.

DISTRIBUTION OF THE BURDEN OF PROOF IN THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM:
COMMON AND SPECIFIC WITH THE RUSSIAN FEDERATION 114

Aliev M. M.

FEATURES OF TACTICS OF APPOINTMENT, PRODUCTION
AND EVALUATION OF THE RESULTS OF COMPLEX EXAMINATIONS
IN THE INVESTIGATION OF TRAFFIC CRIMES 119

Butov S. V.

LEGAL STATUS AND LEGAL POSITION OF SUBJECTS
OF LEGAL RELATIONSHIPS IN RUSSIAN LEGISLATION.
LEGAL EPIPHENOMENON 125

Belov A. N.

ON THE OBJECT OF THE CRIME OF VIOLATING FIRE SAFETY REQUIREMENTS 132

INFORMATION ABOUT AUTHORS 139

RULES OF SUBMITTING OF MANUSCRIPTS OF ARTICLES
IN SCIENTIFIC AND PRACTICAL MAGAZINE
LEGAL ORDER: HISTORY, THEORY, PRACTICE 145

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПЛОЩАДКА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ. МУЗЕЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ — 40 ЛЕТ!

Олег Дмитриевич Нациевский
Заслуженный работник МВД СССР
заслуженный сотрудник органов
внутренних дел Российской Федерации,
генерал-майор милиции в отставке

Oleg D. Natsievskiy
Honored Employee of the Ministry
of Internal Affairs of the USSR,
Honored Employee of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
Retired Major General of Militia

В 2022 году исполнилось 40 лет со дня образования особого подразделения органов внутренних дел Челябинской области — музея, созданного для приобщения личного состава к лучшим традициям органов внутренних дел, для сбора, хранения, изучения и публичного представления предметов и документов, связанных с историей становления и развития милиции и полиции Южного Урала, а также для просветительской деятельности среди населения. Став с самого начала важным элементом культурной сферы, наш ведомственный музей на всех этапах развития всегда подтверждал критерии своей общественной полезности. Будучи интегрированным в культурную и социальную практику, он и сегодня достойно представляет исторический опыт и современную деятельность органов внутренних дел Челябинской области.

Музейная система органов внутренних дел страны начала формироваться во второй половине 70-х годов прошлого века в рамках «культурной революции» МВД России, инициатором которой стал Министр внутренних дел СССР Н. А. Щёлоков. В соответствующем указании МВД СССР № 66 от 6 мая 1978 г. «О создании музеев истории и боевой славы органов внутренних дел» этим учреждениям была отведена роль центров по изучению, хранению и экспонированию исторических, боевых, служебных реликвий и материалов, раскрывающих героико профессию сотрудника органов внутренних дел. Инициатива создания ведомственного милицейского музея в Челябинской области, проявленная одним из авторов этого материала, была поддержана начальником УВД Челябинской области генерал-майором милиции А. Т. Руденко. Открытие

Editorial

PATRIOTIC GROUND OF A SPECIAL PURPOSE. THE MUSEUM OF INTERNAL AFFAIRS OF THE CHELYABINSK REGION IS 40 YEARS OLD!

Александр Иванович Семенов
Кандидат исторических наук, доцент,
почетный сотрудник МВД,
полковник полиции в отставке
alex_s2711@rambler.ru

Aleksandr I. Semenov
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Honorary employee
of the Ministry of Internal Affairs,
retired police colonel
alex_s2711@rambler.ru

музея состоялось 10 ноября 1982 года в присутствии 1-го секретаря Челябинского областного комитета КПСС М. Г. Воропаева, членов обкома партии и руководителей облисполкома, что само по себе свидетельствовало о значимости события и отношении партийно-советского актива области к формированию личностных и профессиональных качеств сотрудников органов внутренних дел. Примечательно, что аналогичный факт повторился 3 июля 2000 года, когда на открытии обновленной экспозиции музея присутствовал губернатор Челябинской области П. И. Сумин.

Расположение музея в здании клуба Челябинской межобластной школы подготовки младшего и среднего начсостава УВД Челябинской области было обусловлено тем, что подразделение является центром учебно-воспитательного процесса молодых сотрудников, проходящих первоначальную подготовку, а также местом проведения различных торжественных мероприятий и ритуалов. Работа

по созданию ведомственного музея (составление проекта экспозиций, организация поисковой работы экспонатов, художественное и техническое оформление залов и др.) велась слаженной командой энтузиастов: увлеченных и неравнодушных сотрудников, ветеранов, приглашенных специалистов и других заинтересованных лиц. Особый вклад в создание музейных экспозиций внес преподаватель оперативно-служебных дисциплин межобластной школы капитан милиции В. М. Соломин. Еще проходя службу в 1978–1981 гг. в отделе политико-воспитательной работы областного УВД, Владимир Михайлович собирал документы, воспоминания ветеранов, образцы форменной одежды и другие материалы и предметы из истории южно-уральской милиции, положившие начало первым коллекциям экспонатов в фондах музея. Значительная работа по изучению архивных документов, исследованию истории становления органов правопорядка в Челябинской губернии и области

была проделана первым руководителем музея, выпускницей исторического факультета ЧелГУ Натальей Михайловной Боже. В 90-е годы майор внутренней службы Н. М. Боже служила в должности главного специалиста отдела специальных фондов Информационного центра УВД Челябинской области. Первоначальное художественное оформление музея было выполнено по проекту и под руководством молодых выпускников художественного училища Н. И. Воронова и В. Ф. Митрошина. Николай Иванович Воронов, скульптор, член Союза художников России, в последующие годы был постоянным членом оргкомитета мемориала имени В. Т. Масленникова, автором дизайна призов, медалей и художественного оформления милицейского спортивного мемориала. Заслуженный художник России Виктор Федорович Митрошин в дальнейшем получил мировое признание, персональные выставки скульптуры и живописи которого проходили в крупнейших культурных столицах мира. Специальное техническое оборудование для музея было изготовлено на производстве в одной из исправительно-трудовых колоний области. Облик музея формировался также советами и реликвиями ветеранов органов внутренних дел. Преподаватель автодела и начальник административно-хозяйственной части областной школы среднего начсостава РКМ в 30-е годы Юрий Иванович Черемовский, будучи участником большинства воспитательных мероприятий в межобластной школе, активно делился с музеем предметами и вещами из своей милицейской жизни, а также воспоминаниями о деятельности органов милиции в предвоенный период и годы Великой Отечественной войны. При содействии подполковника милиции в отставке И. В. Сухова, заместителя начальника межобластной школы по политико-воспитательной работе в 1972–1977 гг., разностороннего человека и профессионала, музейные экспозиции пополнились оригинальными образцами исторических документов и коллекциями уникальных фотографий. Роль ветеранов и в дальнейшем функционировании музея, обновлении его экспозиций всегда была велика. Участник Великой Отечественной войны и ветеран органов внутренних дел полковник внутренней службы Виктор Николаевич Яковлев многие годы являлся внештатным консультантом музея, разъясняя особенности развития милиции в послевоенный период, характеризуя оперативную обстановку и управленческую деятельность руководителей областных органов внутренних дел. Важно выделить вклад в создание

и развитие музея командно-преподавательского состава и слушателей межобластной школы милиции, инициатива и творческий подход которых в условиях недостаточного финансирования проекта помогли решить многие технические, хозяйственные и организационные проблемы. На протяжении своей истории музей неоднократно обновлял свои экспозиции и оформление залов, совершенствуя свою работу. Руководили музеем в разное время: Н. М. Боже (1982–1990), А. И. Семенов (1990–1993, на общественных началах), Ю. А. Политицкий (1993–2008, на общественных началах), В. В. Калмыков (2008–2011), П. Я. Дойкин (2011–2016). С 2016 по 2022 год руководство музеем осуществлял ветеран органов внутренних дел майор милиции в отставке В. П. Баландин (1943–2022), к сожалению, ушедший из жизни в юбилейном для музея году. Увлеченный и творческий человек, поэт, Владимир Петрович активно занимался патриотическим и нравственным воспитанием молодых сотрудников органов внутренних дел. Тематические выставки, встречи-экскурсии, уроки мужества в музее со слушателями Центра профессиональной подготовки, учащимися школ, студентами колледжей и вузов всегда проходили с большим творческим подъемом, неординарно, отвечали задачам профессиональной ориентации и способствовали повышению авторитета полиции у молодежи. В 2018 году усилиями директора В. П. Баландина экспонаты были представлены в Государственном историческом музее Южного Урала на выставке, посвященной 300-летию полиции России. В 2020 году В. П. Баландин принимал участие в реализации уникального областного проекта по публикации дневников и писем участников войны. В патриотический сборник «От первого лица. Дневники, письма и воспоминания участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» (Челябинск, 2020) вошли дневник и воспоминания партизана, ветерана войны и органов внутренних дел С. Н. Кугаевского. Стержнем работы В. П. Баландина в музее и ветеранской организации областного главка и Центра профессиональной подготовки, как отмечают его соратники, был дух товарищества и верность служебному долгу.

Опыт патриотического воспитания музейными средствами на протяжении сорока лет позволяет говорить об эффективности использования традиционных форм и методов воспитательной работы: мероприятия юбилейного, праздничного, исторического характера; экскурсионная работа; изучение экспонатов в учебно-воспитательных целях и др. Посещение музея с 1982 года проходит на регулярной

и плановой основе. Начиная с 2015 года, музей ежегодно принимает около 1900 человек. Особое внимание уделяется экскурсионной работе с гражданской молодежью: студентам вузов и колледжей, школьникам, воспитанникам подшефных центров помощи детям, кадетским классам и Детской полицейской академии. В 2018 году двухтысячному посетителю музея студенту Юридического института ЮУрГУ была вручена грамота. Применяются такие формы взаимоотношений между музеем и его целевой аудиторией как использование ведомственных и областных СМИ, уроки мужества, выставки ведомственной литературы, церемонии принятия Присяги, встречи и чествование ветеранов, праздники, посвященные памятным датам МВД. Возможности музея активно использует региональная организация ветеранов органов внутренних дел, Совет ветеранов Центра профессиональной подготовки ГУ МВД России по Челябинской области. Фонды музея составляют более 8 тысяч единиц хранения: вещи, документы, книги, мемуары, письма, статьи, полный комплект милицеской газеты «На боевом посту» и др. В библиотеке хранятся интересные издания по истории, произведения сотрудников и ветеранов органов внутренних дел. Структура музея, его компоненты (экспозиции, тематические выставки, публикации, эрудированный экскурсовод) обеспечивают эффективную коммуникацию с аудиторией. В пяти залах (площадью 350 кв. м) представлено более 4 тысяч уникальных экспонатов. Экспозиции первых четырех залов посвящены этапам развития полиции и милиции и современному состоянию органов правопорядка. Значительная часть экспонатов представляют боевые и трудовые традиции органов внутренних дел Южного Урала, свидетельствуют о героических делах сотрудников полиции (милиции) в борьбе с преступностью, о безупречности и отваге при защите интересов государства и безопасности граждан. В «Зале Славы» увековечены имена подвиги наших земляков, удостоенных звания Героев Советского Союза, Героев России, кавалеров орденов Славы и Мужества, а также лиц, внесенных в Книгу Почета МВД. Именно здесь молодые сотрудники, проходящие первоначальную подготовку в Центре профессиональной подготовки ГУ МВД России по Челябинской области, принимают Присягу. Особое внимание в музее уделяется изучению и сохранению сведений об опыте оперативно-служебной деятельности конкретных руководителей и сотрудников. Были созданы экспозиции, посвященные начальникам областного УВД, внесшим значительный вклад в обеспечение правопорядка

в стране и области: генералу внутренней службы II ранга Федору Кузьмичу Мартынову, генерал-майору милиции Андрею Тихоновичу Руденко, генерал-майору милиции Валерию Валентиновичу Смирнову. Отдельная галерея портретов дает представление о наших земляках, проявивших свой управленческий талант и опыт в должностях высшего начальствующего состава в правоохранительных структурах страны. Имена некоторых из них мало известны широкой общественности, но для молодых сотрудников органов внутренних дел их пример служит основой для формирования верности Присяге и долгу, следования боевым и профессиональным традициям, которые передаются современному поколению защитников правопорядка. Так комиссар милиции III ранга А. М. Урусов, первый начальник уголовного розыска Магнитогорска в начале 30-х годов, в период Великой Отечественной войны возглавил знаменитый Московский уголовный розыск. Руководитель УРКМ области (1939–1943 гг.) комиссар милиции III ранга С. Д. Красненко. командовал милицией и занимал пост первого заместителя наркома/министра внутренних дел БССР, восстанавливая деятельность органов правопорядка на освобожденной от немецких оккупантов территории Белоруссии и координируя борьбу с фашистским и националистическим подпольем. Руководивший милицией города Челябинска А. В. Крысин (1944–1949 гг.) был единственным из начальников управлений милиции крупных военно-промышленных центров страны, которому за высокие показатели в борьбе с преступностью в послевоенное время было присвоено звание «комиссар милиции III ранга». Наш земляк из Златоуста, комсомольский вождь военных лет и первый секретарь обкома ВЛКСМ, генерал внутренней службы III ранга А. Д. Зверев в 1961–1967 гг. в ранге заместителя министра возглавлял кадровую службу МВД (МООП), а позднее занимался обеспечением безопасности на советско-германском предприятии «Висмут» в Германской Демократической Республике, работавшем на атомную промышленность СССР. Всего в галерее более пятидесяти портретов под общим названием «Наши земляки — на службе Отечеству!».

Музей всегда использовался и как учебная база для освоения ряда дисциплин профессиональной подготовки, что важно при формировании общекультурных и профессиональных компетенций сотрудников органов внутренних дел. В 2021 году почти 1100 слушателей первоначальной подготовки ЦПП участвовали в занятиях по теме «Исторические традиции службы в органах внутренних дел», входящей

в программу дисциплины «Морально-психологическая подготовка».

Музей является не только специализированной культурно-воспитательной площадкой, но и лабораторией научно-исследовательской деятельности. Экспонаты музея дают возможность и инициируют изучение явлений и процесса развития органов внутренних дел, опыта оперативно-служебной деятельности и биографий конкретных руководителей и сотрудников. Формирование экспозиций музея в 80-е годы и целенаправленная архивно-поисковая работа привели к изданию публикаций Н. М. Боже и В. В. Щербакова по истории челябинской милиции. В 90-е годы научно-исследовательская работа в рамках музея была связана с изучением становления и развития профессиональной подготовки кадров для органов внутренних дел области. Это позволило подтвердить преемственность и последовательность школьно-курсовой подготовки в губернии и области, восстановить историю «Челябинской школы милиции» с 03.07.1920 года, отобразить это в экспозициях музея. Проведение сотрудниками Учебного комплекса в составе Челябинского юридического института МВД России и Учебного центра ГУВД области в 1993–2011 годах исследований в рамках научной темы «Полиция и милиция России: региональные аспекты становления и развития» позволило выявить особенности деятельности органов правопорядка Южного Урала в XVIII–XX веках. Фонды и материалы музея также дали толчок к подготовке и защите сотрудниками Челябинского юридического института МВД России, Учебного центра ГУВД области и органов внутренних дел области, профессорско-преподавательским составом других вузов докторских и кандидатских диссертаций, исследующих различные исторические периоды, аспекты и закономерности становления и организационно-правового развития полиции и милиции Южного Урала. По мнению полковника милиции в отставке В. С. Кобзова, в рамках указанной научной темы были защищены пять докторских (А. А. Абрамовский, Г. Т. Камалова, А. В. Петров, И. В. Семенченко,

Е. П. Сичинский) и шесть кандидатских диссертаций (Р. И. Байгутлин, В. В. Калмыков, В. И. Романов, А. И. Семёнов, В. М. Шадрин, С. В. Щеткин), изданы двадцать две монографии. Весомый вклад внес в развитие музея доктор исторических наук профессор Владимир Серафимович Кобзов (1956–2020) — российский и уральский историк, краевед и педагог, автор свыше 300 научных работ, лауреат премий имени В. П. Бирюкова и Ф. М. Старикова. В 1993–2011 годах он возглавлял кафедру Отечественной истории ЧЮИ МВД России и руководил научным проектом по истории органов внутренних дел области. С другой стороны, данные исследования (монографии, диссертации, а также сборники научных статей, материалы научно-практических конференций, в том числе студенческих) являлись предпосылкой создания новых музейных экспозиций, постоянной модернизации уже имеющихся. Музей неоднократно обновлял свои экспозиции и оформление залов, совершенствуя свою работу (1993, 2000, 2020 гг.). Так в 2000 году, благодаря исследованиям Е. П. Сичинского, в музее появился зал полиции дореволюционного периода. Значительную помощь в обновлении экспозиций оказывали сотрудники кафедр юридического института и государственного архива области: В. А. Булдашов, И. И. Вишев, И. И. Коваль, В. Н. Майсак, Т. К. Махрова, Н. С. Нижник, С. Ю. Салмина, В. Г. Тищенко, В. М. Шадрин, С. А. Щеткин и др.

Сегодня с полной определенностью можно констатировать, что музей органов внутренних дел Челябинской области за время своего существования был и остается важным звеном государственно-патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел, формирования у них профессионально-нравственных качеств, отражающих интересы общества, государства и национальной безопасности. Информационное и культурное значение нашего ведомственного музея сегодня заключается в том, что он выступает источником достоверной и наглядной информации об истории, традициях и ценностях органов правопорядка, способствует возрождению национального самосознания.

Для цитирования: Нациевский О. Д., Семенов А. И. Патриотическая площадка особого назначения. Музею органов внутренних дел Челябинской области – 40 лет! // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 6–10. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10101

For citation: Natsievskiy OD, Semenov AI. Patriotic ground of a special purpose. The Museum of internal affairs of the Chelyabinsk region is 40 years old! *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):6-10. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10101 (In Russ.)

ИСТОРИЯ И ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА

Научная статья
УДК 340
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10102

С. 11–17

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЫПОЛНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗАДАЧ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ВОЙСК НКВД СССР В БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Бутов Сергей Валерьевич¹, Лысенков Сергей Геннадьевич²

^{1,2}*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск
национальной гвардии Российской Федерации Санкт-Петербург, Россия*

¹*scorpioerg@list.ru*

 <https://orcid.org/0000-0002-5775-0713>

²*sergey.lysenkov@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0002-2791-8247>

Аннотация. В статье раскрываются организационно-правовые основы выполнения специальных задач военными войсками НКВД СССР в битве под Москвой. Дается подробная характеристика битвы под Москвой в период Великой Отечественной войны, раскрывается расстановка сил и средств перед началом сражения, приводятся результаты московской оборонительной и наступательной операций. Показан героизм и самоотверженность военнослужащих войск НКВД СССР при выполнении поставленных задач.

Особое внимание уделено основным формам реализации полномочий войск НКВД СССР в оборонительных и наступательных операциях в составе действующей армии, в ходе борьбы с противником в тылу врага, при охране тыла Красной Армии, в организации и руководстве истребительными батальонами и партизанским движением.

В статье обращено внимание на последовательность развития правового положения войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны, показано несовершенство категориального аппарата в первые военные годы, а также установлена прямая зависимость между эффективностью применения войск и уровнем развития их правового положения. Указаны недостатки в организации управления войсками НКВД СССР, в том числе при взаимодействии с другими войсками, предложены возможные пути устранения этих недостатков.

Ключевые слова: правовой статус, правовое положение, битва под Москвой, войска НКВД, Великая Отечественная война

Для цитирования: Бутов С. В., Лысенков С. Г. Организационно-правовые основы выполнения специальных задач военными войсками НКВД СССР в битве под Москвой: историко-правовой аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 11–17. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10102

ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASES FOR THE PERFORMANCE OF SPECIAL OBJECTIVES BY SERVICE SERVICES OF THE NKVD OF THE USSR IN THE BATTLE OF MOSCOW: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Sergey V. Butov¹, Sergey G. Lysenkov²

^{1,2}St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹scorpiosegg@list.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5775-0713>

²sergey.lysenkov@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-2791-8247>

Abstract. The article reveals the organizational and legal basis for the performance of special tasks by military personnel of the NKVD troops of the USSR in the battle near Moscow. A detailed description of the battle near Moscow during the Great Patriotic War is given, the balance of forces and means before the start of the battle is revealed, and the results of Moscow defensive and offensive operations are given. The heroism and selflessness of the military personnel of the NKVD troops of the USSR in the performance of assigned tasks is shown.

Particular attention is paid to the main forms of implementation of the powers of the troops of the NKVD of the USSR in defensive and offensive operations as part of the army in the field, in the course of the fight against the enemy behind enemy lines, while guarding the rear of the Red Army, in organizing and leading fighter battalions and the partisan movement.

The article draws attention to the sequence of development of the legal status of the troops of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War, shows the imperfection of the categorical apparatus in the first war years, and also establishes a direct relationship between the effectiveness of the use of troops and the level of development of their legal status. Shortcomings in the organization of command and control of the troops of the NKVD of the USSR, including when interacting with other troops, are indicated, possible ways to eliminate these shortcomings are proposed.

Keywords: legal status, legal position, battle near Moscow, NKVD troops, the Great Patriotic War

For citation: Butov SV, Lysenkov SG. Organizational and legal bases for the performance of special objectives by service services of the NKVD of the USSR in the battle of Moscow: historical and legal aspect. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):11-17. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10102 (In Russ.)

Введение

Битва под Москвой (30.9.1941–20.4.1942) вошла в отечественную и мировую историю как военно-политическое событие, имеющее важное стратегическое значение, поскольку целью этой битвы была оборона столицы Советского Союза и разгром наступающих на нее ударных группировок немецко-фашистских войск группы армий «Центр».

К началу своего наступления войска группы армий «Центр» насчитывали в своем составе до 1800 тыс. чел., 1700 танков, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 13 900 самолетов. Им противостояли войска Западного, Резервного, Калининского, Брянского и правого крыла Юго-Западного фронтов, имевших в своем составе на западном направлении 1250 тыс. чел., 990 танков, 7600 орудий и минометов, немногим более 6500 самолетов.

Нетрудно подсчитать, что противник превосходил советские войска в людях в 1,4 раза, в танках в 1,7 раза, в орудиях и минометах в 1,8 раза, в самолетах в 2 раза [1, с. 494].

В ожесточенных боях, развернувшихся по всей линии обороны, советские войска оказали упорное сопротивление превосходящим силам противника, остановили их и с 5 декабря 1941 г. успешно провели ряд наступательных операций, в результате которых враг был разбит и отброшен от Москвы на 100–250 км.

Основной текст статьи

Активное участие в битве под Москвой принимали войска НКВД СССР. Эффективность применения войск во многом зависела от ответственности их правового положения возложенным на них задачам. Следует признать, что правовое положение военнослужащих

войск НКВД СССР как комплексного воинского формирования не было в достаточной мере разработано. В целом и правовой статус всех военнослужащих Красной Армии не был регламентирован каким-либо специальным нормативным правовым актом, каким в настоящее время является Федеральный закон РФ «О статусе военнослужащих»¹. Правовой статус военнослужащих войск НКВД СССР определялся на основании принципов советского права и регулировался общевоинскими уставами [2, с. 121].

Как правило, общие права, обязанности и ответственность военнослужащих устанавливалась различными нормативными правовыми актами, а служебные полномочия регламентировались отдельно для каждого вида войск НКВД в зависимости от специфики возложенных на них задач. Отсутствие развитой правовой базы, устанавливающей правовой статус войск НКВД СССР, приводило к некоторым трудностям, как в их служебном применении, так и при организации взаимодействия с войсками Красной Армии.

Нормативной основой правового положения войск НКВД являлась Конституция СССР 1936 года, которая определяла, что воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан СССР, а защита Отечества — это священный долг каждого гражданина СССР². Следует отметить, что войска НКВД к началу Великой Отечественной войны в соответствие со ст. 4 закона «О всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1939 года входили в состав Вооруженных Сил СССР и на них распространялись не только ведомственные нормативно-правовые акты, но и правовые нормы, регулирующие деятельность Вооруженных Сил СССР³.

В связи с особенностями правового положения войск НКВД, принимавших участие в сражении за Москву, в их задачи наряду с общевойсковыми оборонительными и наступательными действиями входили также охрана тыла действующей армии, борьба с противником в тылу врага, организация деятельности истребительных батальонов и партизанских отрядов.

¹ О статусе военнослужащих : Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Москва : Госполитиздат, 1944. 29 с.

³ О всеобщей воинской обязанности : Закон СССР от 1 сентября 1939 г. // Сборник законов СССР и указов Верховного Совета СССР. 1938 г. — 1961 г. Москва : Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1961.

По данным А. Е. Алексеенкова в битве за Москву принимали участие 1-я и 2-я отдельные мотострелковые дивизии особого назначения (ОМСДОН), 3-я и 5-я дивизии по охране железных дорог, 11-я и 12-я дивизии по охране промышленных предприятий, 14-я конвойная дивизия, 42-я, 69-я и учебная бригада внутренних войск, Высшая школа НКВД [3, с. 15].

Кроме того, НКВД сформировал 15 стрелковых дивизий, большая часть из которых была передана в состав 24-й армии (командующий генерал-майор К. И. Ракутин), 29-й армии (командующий генерал-лейтенант И. И. Масленников), 30-й армии (командующий генерал-майор В. А. Хоменко), 31-й армии (командующий генерал-майор В. Н. Долматов). Названные армии стали основой Резервного фронта, созданного для усиления обороны Москвы. Сформированные НКВД дивизии влились также в войска Западного и Брянского фронтов [4, с. 124].

В составе перечисленных фронтов войска НКВД участвовали в оборонительных сражениях под Ельней, Смоленском, Вязьмой и Брянском, на Можайской линии обороны. Провалу наступления немецко-фашистских войск на Москву способствовала героическая оборона Тулы, в состав гарнизона которой входил 156-й полк НКВД [5, с. 111]. Личный состав всех без исключения частей и подразделений войск НКВД стойко и мужественно защищал Москву. Потери войск только за первые шесть месяцев боев составили более 50 тыс. чел [6, с. 25].

Части и подразделения 42-й бригады НКВД, выполнявшие задачи охраны Московской зоны обороны, с началом контрнаступления направили войсковые группы в 55 освобожденных городов и населенных пунктов Московской области. Этими группами только за один день 5 января 1942 г. было задержано 185 пособников врага и 18 дезертиров [7, с. 105].

Задачи по организации борьбы в тылу врага были поставлены 18 июля 1941 года Постановлением ЦК ВПК(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск»⁴. Для обеспечения широкомасштабного развития партизанского движения в тылу врага партийные организации обязаны были немедленно организовать боевые дружины и диверсионные группы из числа участников гражданской войны и советских граждан, проявивших

⁴ Постановление ЦК ВПК(б) об организации борьбы в тылу германских войск. 18 июля 1941 г. // Русский архив : Великая Отечественная. Т. 20 (9). С. 18–20.

себя в истребительных батальонах, в отрядах народного ополчения, а также из работников органов НКВД и НКГБ. Приказом НКВД СССР от 5 июля 1941 г. № 0882 для выполнения специальных заданий в тылу врага была создана Особая группа НКВД СССР, подчинявшаяся непосредственно наркомату внутренних дел.

Для боевой деятельности в тылу врага в октябре 1941 г. из особой группы при НКВД СССР была сформирована отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД (ОМСБОН). Соединение комплектовалось военнослужащими наркоматов обороны и внутренних дел, сотрудниками органов НКВД, добровольцами из числа членов комсомольских организаций и спортивных обществ, Центрального государственного института физкультуры и из организаций Коминтерна.

Для военнослужащих, направляемых во вражеский тыл, были определены три группы боевых задач. Первая заключалась в сборе разведывательных данных о противнике. Вторая была связана с диверсионной деятельностью: разрушение стратегических железных дорог, шоссейных магистралей и путей эвакуации, срыв железнодорожных и автоперевозок, уничтожение мостов, налаженных немцами предприятий, электростанций и других сооружений. Третьей задачей являлся разгром военных, жандармских и полицейских гарнизонов.

Подразделения ОМСБОН получали самые разнообразные как по характеру, так и по содержанию боевые задания, исходившие не только от Ставки Верховного Главнокомандования, но и от наркоматов внутренних дел и государственной безопасности. Следуя в глубокий тыл врага, разведывательно-диверсионные группы поступали в распоряжение командования войсковых объединений, в районе боевых действий которых они должны были переходить линию фронта. Для командующих фронтами и армиями специально подготовленные группы численностью несколько десятков человек представляли ценное пополнение, и они стремились использовать разведчиков-профессионалов не по прямому назначению, а в интересах выполнения боевых задач, поставленных перед войсковыми соединениями и частями. Принимать такое решение зачастую вынуждала неблагоприятная оперативная обстановка.

Например, с 12 по 14 января 1942 г. из Москвы в район боевых действий 10-й армии убыло 4 крупных отряда специального назначения по 77–80 бойцов в каждом, общей численностью 314 чел. Отряды имели задачу пройти через линию фронта в тыл

противника и приступить к выполнению диверсионных акций с целью нарушения коммуникаций немецких войск. По мере продвижения Красной Армии отряды должны были углубляться во вражеский тыл и продолжать выполнение специальных задач.

Время прибытия отрядов в армейский район совпало с контрнаступлением войск противника. Части 10-й армии, обескровленные в ходе прошедших боев, оказались в сложном положении. Командующий армией генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, взяв на себя ответственность за использование отрядов, поставил им новую задачу: действовать в ближнем тылу противника и совместно с частями армии вести общевойсковой бой.

Как следует из отчета о действиях отрядов в составе армии, все они с 20 января по 12 февраля непрерывно вели бои с противником в 8–10 раз численно их превосходящим, оставаясь при этом без пищи и отдыха по 2–3 суток. Содержание боевых задач сводилось к тому, чтобы ночными атаками выбивать противника из населенных пунктов, а в перерывах между налетами производить разведку боем. Несмотря на то, что боевые возможности спецгрупп были ограничены и явно не соответствовали объему и сложности поставленных задач, все приказы личным составом выполнялись беспрекословно, решительно и смело.

Именно тогда совершили свой подвиг бойцы отряда старшего лейтенанта К. З. Лазнюка, который стал широко известен после публикации в газете «Правда» статьи дивизионного комиссара А. Лобачева «Герои лыжники» [8, с. 3]. В статье отмечалось, что отряд в количестве 27 чел. по заданию командования 10-й армии 23 января 1942 г. совершил смелый ночной налет на вражеский опорный пункт в дер. Хлуднево, мешавший продвижению наших войск. Здесь противник сосредоточил около батальона пехоты, минометы, несколько танков. Бой длился всю ночь. Был дважды ранен командир отряда, убиты комиссар отряда и командир взвода. Командование оставшимися в живых воинами принял на себя раненный заместитель комиссара Л. Х. Паперник. Отряд почти весь погиб. Оставшись один на один с врагом, Л. Х. Паперник подорвал себя гранатой. Ценой своей жизни воины выполнили задание командования. За этот подвиг 22 участника боя были награждены орденом Ленина, из них 21 — посмертно. Л. Х. Паперник посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Однако в статье не упоминалось о том, что по замыслу операции два взвода спецотряда должны были атаковать гарнизон

противника во взаимодействии с подразделениями 328-й стрелковой дивизии 10-й армии. В назначенный час эти подразделения атаку не начали, и старший лейтенант К. З. Лазнюк принял решение выполнять задачу самостоятельно против значительно превосходящих сил врага. В результате неравного боя отряд был уничтожен, а противник из деревни не выбит, т. е. поставленная задача оказалась не выполненной (точнее — невыполнимой!). В подобное положение попадали бойцы спецотрядов в ходе ночных атак, также безуспешных, на другие населенные пункты, в направлении которых действовали части 328-й стрелковой дивизии.

Общие потери всех отрядов за указанный период боевых действий составили 130 чел. Только один из отрядов, уцелевший в боях, в количестве 49 чел., под командованием офицера, заменившего убитого командира, отправился в глубокий тыл противника выполнять ранее поставленную специальную задачу. Остальные отряды были выведены на переформирование [9, с. 532].

Приведенный пример убедительно свидетельствует о том, что армейские командиры стремились использовать поступавшие в их распоряжение войска НКВД для решения самых трудных и опасных боевых задач. Этот же пример убеждает в том, что решение об использовании спецотрядов не по прямому назначению не всегда способствовало выполнению частных боевых задач, но всегда приводило к срыву более важных специальных заданий, осуществляемых по замыслу Верховного Командования.

Отдавая дань уважения мужеству отважных спецназовцев, следует также заметить, что их подвигу предшествовало невыполнение боевой задачи взаимодействующими подразделениями.

Наряду с отрядами специального назначения НКВД особые задачи имели военнослужащие войска НКВД по охране тыла действующей армии. Эти войска начали формироваться на основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». Были назначены начальники охраны войскового тыла фронтов, в том числе и тех, которые действовали на московском направлении.

Еще до начала наступления вражеских войск в Москве и столичной области для борьбы с авиадесантами были созданы боевые участки, разделенные на сектора. В составе Западного участка части и подразделения

войск НКВД были распределены по трем секторам с основными направлениями на Солнечногорск, Наро-Фоминск и на Серпухов.

Правовой статус войск по охране тыла фронтов был определен не сразу. Поэтому в период обороны Москвы командиры соединений и частей войск НКВД сами принимали решение о порядке и способах выполнения стоящих задач, а порой самостоятельно определяли эти задачи.

Отсутствие в начальный период войны эффективного правового обеспечения войск по охране тыла действующей армии, приводило к тому, что должностные лица фронтов, получив в подчинение эти войска, зачастую ставили им задачи, не свойственные их функциональному предназначению [10, с. 281]. Предпринимались попытки разрабатывать необходимые документы, которые регламентировали бы организацию служебно-боевой деятельности войск НКВД по охране тыла действующей армии. Одним из таких документов стала «Инструкция о режиме в прифронтовой полосе и в тылу Западного фронта»¹.

Служебные документы вводили различные термины для обозначения войск, охранявших тыл действующей армии, в том числе термины «заградительная застава войск НКВД», «линия заграждения войск НКВД». Незавершенность понятийного аппарата, характерная для первых месяцев войны, в дальнейшем привела к подмене терминов, употребленных авторами некоторых публикаций, ошибочно утверждавших, что заградительные отряды, созданные по приказу народного комиссара обороны от 28 июля 1942 г. № 227, состояли из личного состава войск НКВД.

В целях более четкого определения статуса личного состава указанных частей было подготовлено «Положение о войсках НКВД, охраняющих тыл действующей Красной Армии», утвержденное 28 апреля 1942 г. заместителями народных комиссаров обороны и внутренних дел. В этом документе были определены основные полномочия личного состава служебных нарядов, охраняющих тыл Красной армии. Наряду было дозволено в границах охраняемой войсками НКВД территории, проверять документы у любых лиц, и задерживать их в случае подозрения в антисоветской деятельности (пособников врага, шпионов, и т. п.), а также производить задержания граждан, нарушающих, установленный в прифронтовой полосе режим. От военнослужащих

¹ Центральный архив министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 208. Оп. 2511. Ед. хр. 1081. Л. 90–91.

требовалась решительность и настойчивость. В необходимых случаях разрешалось применение оружия. Служебными нарядами войск НКВД по охране тыла Западного фронта было задержано 171 165 чел., среди которых выявлено 111 шпионов и диверсантов, 686 побывавших в плену, 15 562 дезертира. Военными трибуналами 101 чел. из них приговорен к расстрелу.

Начальники войск по охране тыла фронтов для борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе привлекали истребительные батальоны, правовой базой создания которых явилось постановление СНК СССР от 24 июня 1941 года¹.

Только органами УНКВД г. Москвы и Московской области к этому времени было создано 87 подразделений численностью 28 500 чел. Для укомплектования должностей начальствующего состава в истребительные батальоны было направлено 685 офицеров войск НКВД².

Из бойцов истребительных батальонов, физически крепких, подготовленных в военном отношении, преданных и проверенных, но по каким-либо причинам не подлежащих призыву в действующую армию, формировались разведывательно-диверсионные группы и велась их подготовка к работе в тылу врага. Правовым основанием для такого вида деятельности истребительных батальонов, явно не соответствовавшей первоначально установленному их предназначению, послужила директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июля 1941 г., которая требовала создания партизанских отрядов и диверсионных групп в захваченных врагом районах для борьбы с немецкими захватчиками и повсеместного разжигания партизанской войны, совершения диверсионных действий (взрывов мостов, дорог, порчи средств связи, поджога складов). В захваченных районах для врага и всех его пособников должны были создаваться невыносимые условия. Враг должен быть уничтожен на каждом шагу, а все его мероприятия — сорваны³.

¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе. 24 июня 1941 г. // ЦАМО Ф. 208. Оп. 2511. Ед. хр. 1081. Л. 91.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 59. Л. 6, 13.

³ Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным организациям прифронтовой полосы о решительной перестройке всей работы на военный лад. 29 июня 1941 г. // Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны

В отличие от партизанских отрядов, разведывательно-диверсионные группы истребительных подразделений формировались не на оккупированной территории, а в советском тылу и направлялись через линию фронта с конкретными заданиями. Так, после объявления Москвы на осадном положении, столичное УНКВД сформировало 25 декабря 1941 г. истребительный мотострелковый полк в составе трех батальонов численностью 1914 чел. Позже в состав полка вошел еще один батальон. В отчете УНКВД о разведывательно-диверсионной деятельности истребительных подразделений с начала войны по февраль 1942 г. указывалось: «С 15.11.41 г. началась выброска в тыл противника истребительных групп с задачами: 1. Истребление живой силы врага. 2. Диверсионные действия на дорогах и базах противника. 3. Сожжение укрепленных населенных пунктов врага. 4. Уничтожение складов и баз горючего, техники. Было подготовлено 377 истребительных групп численностью 7947 чел., переброшено в тыл противника 5836 чел.»⁴.

Содержание задач, поставленных истребительным группам, соответствовало требованиям приказа Ставки Верховного Главнокомандования от 17 ноября 1941 г. № 0428. Находясь в ближнем тылу врага, истребители самостоятельно или совместно с партизанами вели разведку, совершали диверсии, производили налеты на немецкие гарнизоны, поджигали населенные пункты, занятые противником. Только за декабрь 1941 г. группы Можайского сектора уничтожили 5 и подожгли 7 населенных пунктов⁵. После выполнения боевых задач истребительные группы возвращались в места дислокации своих подразделений, где готовились к очередному рейду в тыл врага.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что войска НКВД, принимавшие участие в битве под Москвой, в основном успешно выполняли специальные задачи. Однако препятствием, мешавшим эффективному служебно-боевому применению войск НКВД, явилась недостаточная разработанность категориального аппарата и двойное подчинение войск. По этой причине в быстро меняющейся боевой обстановке были затруднены маневр

1941–1945 гг.: Документы и материалы. Москва, 1999. Т. 20 (9). С. 17–18.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 59. Л. 18, 20.

⁵ ЦАМО Ф. 208. Оп. 2511. Ед. хр. 1081. Л. 94.

силами и средствами войск НКВД, их взаимодействие с частями фронта. Как войска, принадлежавшие другому ведомству, они часто использовались армейскими командирами не по назначению. Передача войск НКВД в полное подчинение военным советам фронтов устраняла бы названную проблему. Тем не менее, правовое положение военнослужащих войск НКВД, оборонявших Москву, имея ряд указанных недостатков административно-нормативного характера, в конечном счете,

позволило войскам НКВД выполнить все поставленные задачи по защите столицы Советского государства.

Всего в ходе битвы под Москвой (30 сентября 1941 года — 20 апреля 1942 года) только сухопутные немецкие войска потеряли более 723 тыс. человек [11, с. 187]. Потери Красной Армии были еще значительнее — 958 тыс. человек [12, с. 19]. Но, несмотря на все трудности и утраты, советские войска ликвидировали угрозу захвата столицы СССР.

Список источников

1. Советская Военная Энциклопедия [в 8 томах] / пред. гл. ред. комиссии А. А. Гречко. Москва : Воениздат, 1975. Т. 1. А-Бюро, 1976. 640 с.
2. Крижановская Г. Н., Дерюгин А. А. Формально-юридические основания деятельности войск НКВД СССР по обеспечению внутренней безопасности в период Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 2 (15). С. 121–125.
3. Алексеенков А. Е. Внутренние войска в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское высшее военное командное училище внутренних войск МВД России, 1995. 184 с.
4. Топтыгин А. В. Неизвестный Берия. Санкт-Петербург : Издательский Дом «Нева» ; Москва : Олма-пресс, 2002. 480 с.
5. Беркутов А. С. [и др.]. История внутренних войск. Т. 3 (1941–1945) : военно-исторический труд. Москва : Редакция журнала «На боевом посту», 2011. 424 с.
6. Штутман С. М. Боевые потери войск НКВД // На боевом посту. 1990. № 4. С. 21–25.
7. Баскаков В. В. Деятельность внутренних войск в период Московской битвы (30 сентября 1941 — 20 апреля 1942 гг.): исторический аспект : дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 1996. 180 с.
8. Правда : ежедневная газета / орган Центр. комитета и МК ВКП(б). 1942. 14 фев. (№ 45). С. 1–4.
9. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. Москва : Юридическая литература, 1975. 728 с.
10. Лысенков С. Г., Бутов С. В. Правовое обеспечение деятельности войск НКВД СССР по охране тыла действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Яковлевские чтения : сборник научных статей : I Межведомственная научно-практическая конференция с международным участием (Новосибирск, 22–23 марта 2022 г.). Новосибирск : Новосибирский военный институт им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2022. С. 278–283.
11. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. Москва : Кучково поле, 2012. 864 с.
12. Войска НКВД в Великой Отечественной войне. Военно-исторический труд. В 3 т. Том II. Войска НКВД в первый и второй периоды Великой Отечественной войны (1941–1943) / С. В. Бунин, Ю. А. Марценюк, А. С. Беркутов [и др.]. Москва : Редакция журнала «На боевом посту» внутр. войск МВД России, 2015. 328 с.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.09.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 13.11.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

ОПЫТ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В ПЕРИОД РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА КОНЦА XV — НАЧАЛА XVIII СТОЛЕТИЯ

Петр Николаевич Кобец

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия
pkobets37@rambler.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Аннотация. В настоящее время Российская Федерация обладает существенным историческим опытом регулирования законодательства в миграционной сфере, о котором необходимо помнить и правильно применять, в процессе формирования эффективной системы управления процессами внешней миграции. Однако в течение многих столетий на Руси международные отношения оставались неурегулированными, и были развиты не в достаточной степени для эффективного функционирования государства. Осуществление надзора за иностранцами долгое время и вовсе не являлось государственным делом, а больше общественным, поэтому первые зачатки, связанные с возникновением правового статуса иностранцев, прослеживаются в Московском государстве только на рубеже XV–XVI столетий. Более активное развитие правового статуса иностранцев происходило в начале XVII столетия, в так называемый период закрытости страны, который в первую очередь связан с событиями войны 1612 г. В процессе проведенного исследования автор приходит к выводу, что зарождение законодательных основ, связанных с иностранными подданными в нашей стране стало происходить именно в тот момент, когда шли активные процессы по образованию и укреплению централизованной российской государственности. Наиболее полным правовым актом, регулировавшим правовой статус иностранцев, стало Соборное уложение 1649 г. Также отмечается, что конец XVII века был ознаменован активным привлечением в Россию поданных иностранных государств, при этом уже в начале XVIII века иностранные граждане в России обладали практически таким же правовым статусом, как и россияне благодаря урегулированию большинства вопросов в сфере правового положения рассматриваемой категории. Наиболее радикальные изменения миграционной политики Государства Российского стали происходить в эпоху Петра I, что в свою очередь также способствовало дальнейшему развитию законодательных норм в сфере правового положения иностранцев в Российской империи.

Ключевые слова: Московское государство, Русское централизованное государство, Российская империя, правовое положение, иностранные подданные, миграционное законодательство, миграционная политика, колонизация территорий, уставная грамота, заселение территории, нормотворческая деятельность, торговые правоотношения, свободный въезд, паспортная система

Для цитирования: Кобец П. Н. Опыт развития законодательства в сфере правового положения иностранных граждан в период русского централизованного государства конца XV — начала XVIII столетия // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 18–24. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10103

EXPERIENCE OF THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION IN THE SPHERE OF THE LEGAL STATUS OF FOREIGN CITIZENS IN THE PERIOD OF THE RUSSIAN CENTRALIZED STATE OF THE END XV — BEGINNING OF THE XVIII CENTURY

Petr N. Kobets

National Research Institute of the Ministry of Interior
of the Russian Federation, Moscow, Russia

pkobets37@rambler.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

Abstract. At present, the Russian Federation has significant historical experience in regulating legislation in the migration sphere, which must be remembered and correctly applied in the process of forming an effective system for managing external migration processes. However, for many centuries in Russia, international relations remained unsettled, and were not sufficiently developed for the effective functioning of the state. For a long time, the supervision of foreigners was not at all a state affair, but more of a public one, therefore, the first rudiments associated with the emergence of the legal status of foreigners can be traced in the Muscovite state only at the turn of the 15th-16th centuries. A more active development of the legal status of foreigners took place at the beginning of the 17th century, during the so-called period of the country's closedness, which is primarily associated with the events of the war of 1612. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the emergence of legislative foundations, connected with foreign nationals in our country began to occur precisely at the moment when active processes were underway to form and strengthen the centralized Russian statehood. The most complete legal act regulating the legal status of foreigners was the Cathedral Code of 1649. It is also noted that the end of the 17th century was marked by the active attraction of foreign citizens to Russia, the same legal status as the Russians due to the settlement of most issues in the field of the legal status of the category in question. The most radical changes in the migration policy of the State of Russia began to occur in the era of Peter I, which in turn also contributed to the further development of legislative norms in the field of the legal status of foreigners in the Russian Empire.

Keywords: Muscovy, Russian centralized state, Russian Empire, legal status, foreign nationals, migration legislation, migration policy, colonization of territories, charter, settlement of the territory, rule-making activity, trade relations, free entry, passport system stem

For citation: Kobets PN. Experience of the development of legislation in the sphere of the legal status of foreign citizens in the period of the Russian centralized state of the end XV — beginning of the XVIII century. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):18-24. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10103 (In Russ.)

Введение

Сегодня следует признать неоспоримые факты, связанные с формированием глобализационных процессов, и их влияния на миграционную ситуацию в мире. На современном этапе вместе с изменениями жизненных условий, как за рубежом, так и в нашей стране в свою очередь происходят глобальные перемены в тенденциях мировых миграционных процессов, вносящих собственные коррективы в правовые миграционные основы по всему миру. Нашему государству на протяжении многих веков отводилась значительная роль по обеспечению пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в России [6, с. 137]. Как отмечают отечественные

эксперты, на протяжении длительного исторического периода большинство миграционных процессов на территории России спровоцировали социальные неурядицы, природные бедствия, набеги вражеских армий, а также и различные войны [7, с. 109]. В целом можно отметить, что подобных причин было много, так, например, мигранты стремились обойти уплату податей, сохранить имущество, жизнь своих близких зачастую переселялись на территорию России целыми селениями бросая свои обжитые земли. И как полагают специалисты, и это не вызывает возражений, серьезное отношение к миграционной политике на территории нашей страны стали подходить, в момент, когда, не обладая собственным

миграционным потенциалом, пришлось способствовать въезду иностранцев для заселения и освоения ими российских территорий [15, с. 115].

В условиях двух последних десятилетий нового столетия руководство нашего государства стремится активно проводить работу, которая связана с выработкой конструктивных законодательных мер в миграционной сфере, по привлечению зарубежной рабочей силы в нашу страну, а также интеграции в российское общество иностранных граждан. Чему является свидетельством принятие «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» [14, с. 149]. В то же время важно подчеркнуть, что Российская Федерация обладает существенным историческим опытом регулирования законодательства в миграционной сфере, о котором не следует забывать и соответственно правильно использовать, в процессе формирования эффективной системы управления процессами внешней миграции. Исторический анализ положительных особенностей подобного опыта позволит скрупулезно разобраться в особенностях правового положения иностранных подданных на территории России, а также поспособствует дальнейшему совершенствованию нормотворческой деятельности в сфере правового статуса иностранцев и выработке плана действий по устранению проблем в рассматриваемой сфере.

Материалы и методы

В качестве объекта исследования выступило ряд правовых основ и общественных отношений, возникших в процессе совершенствования законодательного регулирования правового статуса иностранных подданных в период Русского централизованного государства конца XV — начала XVIII столетия. Предметом исследования послужили отечественные правовые и иные информационные источники основных законодательных основ, связанных со статусом иностранных подданных в рассматриваемый исторический период. Теоретической основой данного исследования выступили научные работы отечественных авторов, по вопросам развития законодательства о правовом статусе иностранных подданных в дореволюционный период России конца XV — начала XVIII вв. Проводя исследование зарождения законодательных основ, связанных с иностранными подданными в нашей стране автор использовал ряд общенаучных приемов и способов познания, основывающийся на сборе и обработке эмпирического материала. В процессе реализации поставленных

задач, автором изучались и анализировались основные процессы и события происходящие России в период русского централизованного государства связанные с формированием правового статуса иностранцев. Методическая основа данной работы включает следующие методы: исторического и правового анализа, сравнения, синтеза. Также были использованы частнонаучные методы, в частности логико-юридический, анализа документов, системно-структурный.

Обсуждение проблемы

Начиная анализ отечественной практики формирования правовых основ, иностранных подданных нельзя не сказать о том, что исследуемая проблематика, связанная с отечественной практикой формирования правовых основ иностранцев в разнообразные этапы отечественной истории чрезвычайно важна. Так уж исторически сложилось, что в соответствии с существовавшими обычаями, со времен древней Руси иностранным гражданам (далее — иностранцы, иностранные подданные) запрещалось свободно въезжать на территорию государства. Во многом такое положение дел обуславливалось культурными, религиозными и некоторыми другими особенностями страны. Одни из первых известиях о выдаче иноземцам проезжих грамот, чтобы они могли безопасно возвратиться к себе на родину, отмечаются в конце XIII века на территории г. Новгорода. В XV столетии уже активно шло установление проезжих грамот, в соответствии с которыми иностранцам разрешалось въезжать на территорию России. А в начале XVIII столетия, не имея особой жалованной грамоты иностранные подданные даже не имели права вхождения в Россию, тем более пребывать в городах и принимать участие в различных ярмарках. Отечественная юридическая наука не располагает единым мнением относительно периодизации генезиса законодательных норм в сфере правового положения иностранцев. В этой связи следует отметить, что изначально иностранцы начинают упоминаться именно в тех отечественных законодательных актах, которые регламентировали торговые отношения. Так, в частности, еще в «Белозерской уставной грамоте 1488 г. устанавливался точный размер торговых пошлин, взимаемых с иностранных купцов»¹, кроме того «механизм по взысканию аналогичных

¹ Уставная Белозерская грамота 1488 г. // РУСС-И-Я : [сайт]. URL: https://русс-и-я.рф/?page_id=4485 (дата обращения: 24.10.2022).

пошлин также был прописан и Белозерской таможенной грамоте 1497 г.»¹ Размеры пошлины, которые взимались с прибывших в нашу страну иностранных гостей, устанавливались Уставной Земской грамотой 1552 г. волостей Двинского уезда.

Проводя анализ данных законодательных актов следует отметить, что уже на рубежах XV–XVI вв. стали проследиваться отдельные зачатки правового регулирования статуса иностранных подданных. Подтверждают эти предположения заметки, сделанные Павло Иовие Новокомским — одним из известных итальянских ученых-гуманистов, опубликовавших подробные сведения о России в 1525 г., в которых он рассуждал «о простоте законодательных актов, изложенных в Судебнике 1497 г.» [12, с. 22]. А также «утверждения Ричарда Ченслера — английского мореплавателя, который находясь на Московском дворе в 1553 г., особо отмечал ряд преимуществ русских законодательных актов перед английскими, имея в виду Судебник 1550 г. в частности, ему особенно импонировали установленные в судебнике права всех обиженных, в том числе иностранных подданных для обращения в судебные органы» [1, с. 89]. Конечно же, большинство законодательных актов рассматриваемого периода содержали нормы, которые касались иностранцев, как правило относительно торговых вопросов либо прибытия их в Российском государстве. И все же анализируя перечисленные выше отечественные законодательные акты уже с уверенностью можно говорить о том, что еще на рубежах пятнадцатого и шестнадцатого веков проследивались первые зачатки, связанные с возникновением правового статуса иностранцев [11, с. 58].

Дальнейшее развитие правового статуса иностранцев происходило в XVII столетии, в так называемый период закрытости страны, который в первую очередь связан с событиями войны 1612 г. Однако даже, несмотря на закрытость государства относительно нежелательности пребывания иностранных подданных, правовой статус данной категории лиц, вопреки всем имевшимся проблемам, продолжал свое развитие. Для этого времени характерны правительственные ограничения по приезду иностранных подданных, а пограничным воеводам запрещалось пропускать в Россию иностранцев, которым вышестоящие

органы не выдали разрешения. Из этого следует, что проживающие в России иностранцы подвергались строгому надзору. Как отмечают российские исследователи, Московское государство особо контролировало только передвижение иностранных граждан, которые путешествовали по его территории, при этом своим подданным разрешалось свободное передвижение на территории страны без всяческих ограничений. Поэтому с приходом в 1613 г. на престол династии русских царей Романовых католики не имели права свободно въезжать и находиться на территории Московского государства. Хотя «Смутное время и окончилось, но власти Московского государства также отвергли предложение, исходившее от французского короля об основании в 1627 г. в Москве католической Церкви, несмотря на активную франко-русскую торговлю» [17, с. 296].

Также важно отметить, что «Новгородским уставом 1667 г. впервые на законодательном уровне было урегулировано правовое положение иностранных купцов, в частности в данном документе отмечалось, что объемы предоставленных им торговых прав не ограничивался»². В Новгородском уставе 1667 г. «уже прямо указывалось на то, что торговавших иностранцев разрешено пускать в г. Москву и ряд других городов, при наличии у них жалованных грамот Великого Государя о торговле» [18, с. 38]. Достоинство данного законодательного акта в тот исторический период сложно оценить, даже несмотря на то, что он обладал узкой направленностью и мог регламентировать только въезд заграничных коммерсантов, торговые правила и таможенные пошлины. В то же время свободного въезда на территорию России для иностранных подданных пока что так и не было, и эту проблему государству необходимо было разрешать как можно быстрее.

Необходимо указать и на то, что наличие антикатолических настроений, в Московском государстве XVII в. не могли помешать развитию западного влияния. Одним из знаменательных событий рассматриваемого периода является появление Соборного Уложения 1649 г. Наиболее полным «законодательным актом, регулировавшим правовой статус иностранцев, стало Соборное уложение 1649 г.» [16, с. 59]. При этом «на наличие более ранних актов, по регулированию правового положения иностранцев, указывают отечественные

¹ Таможенные правила на Белоозере в конце XV — середине XVI в. // Московское государство : [сайт]. URL: <http://moscowstate.ru/tamozhennye-pravila-na-beloozere-v-kontse-xv-seredine-xvi-v/> (дата обращения: 24.10.2022).

² Новгородский устав от 22 апреля 1667 г. // СПС «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/55097773/?> (дата обращения: 24.10.2022).

ученые, рассматривая вопросы регламентации приезда заграничных купцов на территорию Руси» [19, с. 7]. Ими отмечается, что международные договоры, которые заключались с иностранными подданными для регулирования торговых правоотношений, могли определять правовое положение иностранцев. Однако ряд других специалистов, с которыми солидарен автор, полагают, что признаки кратковременного нахождения иностранных подданных на Руси не могут позволить отнести данные акты к миграционному законодательству, и поэтому отправная точка в возникновении законодательного акта по регламентированию основных прав и обязанностей иностранцев — это Соборное уложение 1649 г.

Пути решения проблемы

Проанализировав правовые исторические источники по рассматриваемой проблеме, автор полагает, что с полной уверенностью можно утверждать о том, что в Соборном Уложении 1649 г. уже более точно, в отличие от ранних документов по данной теме был прописан правовой статус иностранцев, поскольку в его нормах были раскрыты и закреплены положения, указывающие на то, что «пребывающие иностранные подданные, не имеют права экстерриториальности, и в случае совершения ими преступлений, судебные органы рассматривали их дела в обычном порядке» [4, с. 46]. И если в Судебнике 1550 г. содержалось только одно приложение, косвенно касающееся правового статуса рассматриваемых лиц, то в Соборном уложении 1649 г. уже был ряд правовых норм устанавливающих ответственность иностранцев, в случае совершения ими противоправных деяний, причем данными статьями были раскрыты противоправные деяния в пространстве. Важно сказать и о том, что Соборное уложение 1649 г. впервые упоминает и о документе, которому отводилась роль паспорта, хотя, забегая вперед отметим, что, как полагается в мировой практике, с целью удостоверения личности этот институт начал функционировать лишь в начале 1720-х гг., а до этого он использовался в качестве справки, свидетельствующей о том, что ее обладатель освобожден из мест лишения свободы [2, с. 248]. В конце XVII — начале XVIII столетий в российском государстве стал наблюдаться практически открытый диалог с рядом иностранных государств, подданные которых получали права наравне с россиянами. Конец XVII века был ознаменован активным привлечением в Россию подданных иностранных государств. Однако чтобы въехать

на территорию нашей страны, иностранец должен был обладать паспортом своей страны и дорожной книжкой, которая в обязательном порядке свидетельствовалась российским посольством, находившимся в той стране, из которой прибыл иностранец.

Создавая в России регулярные полицейские подразделения необходимо было заниматься правовой основой и практикой контроля за населением [3, с. 57]. С этой целью 30 октября 1719 г. в России ввели паспортную систему, которая устанавливала в обязательном порядке иметь паспорт всем выезжающим на территорию других губерний или за границу. Губернаторы и воеводы «не имели прав пропуска всех, кто прибывал на территории их губерний без паспортов, данная законодательная норма послужила основанием для дальнейшего развития правового регулирования российской паспортной системы и вошла в статьи Свода Законов Российской империи» [9, с. 5]. Также следует отметить, что «вид на жительство и возможные передвижения по стране иностранные граждане могли получить только на срок до одного года, а по его истечению им было необходимо получать новые паспорта у губернаторов тех губерний, в которых они находились на тот момент» [10, с. 101].

Петром Первым, в процессе его реформаторской деятельности, коренным образом была изменена вся существовавшая до него структура российской государственности, а также заложены основы, которые определили пути дальнейшего развития нашей страны на целые столетия [8, с. 65]. Нельзя также не сказать и о том, что «в первой половине восемнадцатого века во времена нахождения на российском престоле царя Петра I было законодательно определено понятие иностранец. Так, в соответствии с п. 61 Главы первой Регламента морского от 5 апреля 1722 г. законодательно определялось, что иноземцами считаются те, которые приехали из иных государств и вступили в службу, а те, которые родились в России и приняли службу, те, яко россияне, почтены имеют быть»¹. Регулированию большинства вопросов в сфере правового положения рассматриваемой категории лиц, способствовало издание «в 1702 г. Манифеста О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания, по которому на правом свободного въезда стали

¹ Регламент о управлении адмиралтейства и верфи и часть вторая Регламента Морского от 05.04.1722 // Экаунтология : [сайт]. URL: http://accountology.ucoz.ru/index/reglament_admiraltejstvu_i_flotu/0-1371 (дата обращения: 24.10.2022).

обладать иностранцы любых состояний, также поступающие на военную службу, купцы и художники» [5, с. 547].

Заключение

В заключении анализа генезиса российского законодательства относительно правового положения иностранных подданных в период Русского централизованного государства конца XV — начала XVIII столетия следует отметить, что долгие годы международные отношения Руси со своими соседними государствами были ограничены незначительными торговыми, военными и политическими контактами. Становление рассматриваемого законодательства «берет свое начало во времена укрепления Русского централизованного государства, о чем свидетельствуют иностранные дипломаты и путешественники, побывавшие в России в XV–XVI вв. и давшие характеристику русскому праву, как самобытному и обладающему определенным единством» [13, с. 311].

Активно заниматься вопросами законодательного государственного регулирования правоотношений в сфере правового статуса иностранных подданных у властей особой необходимости не было до середины XVII столетия, поскольку большинство вопросов, относящихся к правам и обязанностям иностранцев на тот момент, могли великолепно определяться на основе личных отношений царствующих особ к государствам и правителям тех стран, из которых приходилось прибывать иностранцам. Однако уже в середине XVII века, в период значительного роста численности иностранных подданных, находящихся на российской территории, сложились все предпосылки для

законодательного регламентирования их основных прав и обязанностей.

Во всех отношениях изменение миграционной политики Государства Российского стало происходить в эпоху Петра Великого. Так, в частности, при нем впервые в истории нашей страны стали вводить пропускную систему через границу. Законодательная работа в рассматриваемой области была ориентирована на деятельность по развитию официального въезда и выезда из страны населения, транспортных средств и товарооборот. Также следует отметить, что Петр I приложил немало усилий по формированию полноценной паспортной системы поспособствовав изданию в 1724 г. законодательного акта под названием Платок. А законодательным актом 1702 г. было обеспечено не только свободное пребывание иностранцев в Россию, но и развитие дальнейших государственных преобразований, необходимых для будущего эффективного функционирования страны, поскольку Петр I всегда стремился к осуществлению своей заветной мечты, чтобы устроить Россию как одну из самых могущественных держав, а народ в ней сделать самым образованным.

Детальное исследование данного законодательства вне всякого сомнения поможет получить не только полнейшее представление о правах, которые были предоставлены иностранным гражданам в рассматриваемом историческом периоде, но также и о введенных в отношении них ограничений. Исследование и анализ исторического опыта по становлению и развитию института законодательного регулирования правового статуса иностранцев в нашей стране, выступает в качестве важнейшего условия совершенствования данного феномена в будущем.

Список источников

1. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. с англ. Ю. В. Готье ; отв. ред. Н. Л. Рубинштейн. Ленинград, 1937. 306 с.
2. Андриевский И. Е. Полицейское право : Введение и ч. 1. Полиция безопасности. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Тип. Э. Праца, 1874. 665 с.
3. Белявский Н. Н. Полицейское право. Конспект лекций. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1904. 335 с.
4. Запрутин Д. Г. Дискуссионные вопросы истории развития миграционного законодательства в России // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 4. С. 45–48. DOI 10.24158/пер.2018.4.9
5. Ионцева Е. А. Опыт первой миграционной службы в России // Миграция и развитие (Пятое Валентеевские чтения) : материалы Международной конференции (Москва, 13–15 сентября 2007 г.) / под ред. проф. В. А. Ионцева. В 2 т. Т. 2. Москва : Изд-во МГУ; СП Мысль, 2007. С. 547–556.
6. Кобец П. Н. Региональная распространенность, динамика и интенсивность преступности незаконных мигрантов на территории Российской Федерации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2005. № 5. С. 137–138.
7. Кобец П. Н. Проблемы нелегальной миграции иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации // Предупреждение преступлений в федеральных округах России : сборник научных трудов. Москва : ВНИИ МВД России, 2003. С. 96–111.

8. Кобец П. Н. О совершенствовании законодательства Российской империи в сфере здравоохранения проводимого в эпоху реформ Петра Великого // Петр Великий и его эпоха: взгляд из XXI века : материалы Международной научно-теоретической конференции к 350-летию со дня рождения Петра I (Санкт-Петербург, 31 марта 2022 г.). Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2022. С. 64–69.
9. Конькова А. Ю. Документы, удостоверяющие личность, в Российской империи // Научный вестник Крыма. 2017. № 4 (9). С. 5.
10. Корсик К. А. Особенности правового положения иностранных граждан в Российской Федерации. Москва, 1998. 274 с.
11. Правовая культура Московской Руси (XV–XVII вв.): к 520-летию первого общерусского Судебника : сборник научных трудов. Санкт-Петербург : Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина, 2018. 295 с.
12. Ремезов М. Н. Рассказы из русской истории: Нашествие монголов на Русь. Москва : ред. журн. «Дет. Чтение», 1901. 37 с.
13. Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О. И. Чистякова. Москва : Юридическая литература, 1984. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / отв. ред. доктор исторических наук профессор А. Д. Горский. 1985. 520 с.
14. Силантьева В. А. Концепция государственной миграционной политики РФ: содержание и реализация // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 146–151.
15. Тюркин М. Л. Миграционная система России : монография. Москва : Стратегия, 2005 (Липецк : ОАО Полигр. комплекс Ориус). 368 с.
16. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 года. Москва : Изд. Моск. ун-та, 1961. 444 с.
17. Филиппова Т. Ю. История развития законодательства о правовом положении иностранных граждан на территории российского государства // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 6 (77). С. 295–301.
18. Фумм А. М. Иностранцы в Московском государстве (XV–XVII вв.) // История государства и права. 2012. № 15. С. 36–39.
19. Фумм А. М. Из истории въезда иностранцев на территорию Древней Руси // История государства и права. 2012. № 8. С. 6–9.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 26.10.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 17.11.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

ЛОКАЛЬНЫЕ АКТЫ КАК СРЕДСТВО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОРГАНИЗАЦИЯХ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ

Юлия Сергеевна Новикова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Julia_nov@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-8724-3619>

Аннотация. *Введение.* Индивидуализация и конкретизация правового регулирования являются актуальной проблемой современной теории права. Локальный акт представляет собой одно из действенных средств индивидуализации правового регулирования общественных отношений как в публично-правовой, так и в частноправовой сфере.

Цель/задачи. В представленной статье основной целью является анализ локального акта как одного из средств индивидуализации и конкретизации законодательства в процессе правового регулирования общественных отношений. Задачами выступают анализ понятия локального нормативного акта, его ключевых признаков и места в системе правового регулирования общественных отношений, выявление основных свойств локальных актов, исследование некоторых проблем локального регулирования общественных отношений в организациях различных форм собственности.

Методология. В ходе исследования были использованы такие методы, как догматический, сравнительно-правовой, социологический, описательный, формально-юридический и другие. В целом исследование проведено в духе нормативистской теории права.

Выводы. Локальные нормативные акты организаций различных форм собственности можно признать в качестве источника права, содержащего нормы права, направленные на регулирование общественных отношений в пределах данных организаций. Наряду с действующим законодательством локальные акты занимают весьма значимое место в системе правового регулирования общественных отношений. Локальные акты принимаются по основным вопросам деятельности организаций всех форм собственности. Данные акты позволяют учитывать при их принятии мнение трудового коллектива и представительных органов, «приблизить» законодательство к специфике деятельности данной организации, т. е. фактически выступать средством конкретизации законодательства применительно к конкретной сфере общественных отношений и специфике деятельности органов власти и организаций различных форм собственности.

Ключевые слова: локальный акт, конкретизация норм права, индивидуализация правового регулирования, локальное правовое регулирование, органы власти и организации различных форм собственности

Для цитирования: Новикова Ю. С. Локальные акты как средство индивидуализации правового регулирования общественных отношений в организациях различных форм собственности // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 25–30. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10104

LOCAL ACTS AS A MEANS OF INDIVIDUALIZATION LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS IN ORGANIZATIONS OF VARIOUS FORMS OF OWNERSHIP

Yuliya S. Novikova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Julia_nov@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-8724-3619>

Abstract. *Introduction.* Individualization and concretization of legal regulation are an actual problem of the modern theory of law. A local act is one of the effective means of individualizing the legal regulation of public relations both in the public and private legal sphere.

Purpose/objectives. In the presented article, the main purpose is to analyze a local act as one of the means of individualization and specification of legislation in the process of legal regulation of public relations. The tasks are the analysis of the concept of a local normative act, its key features and place in the system of legal regulation of public relations, the identification of the main properties of local acts, the study of some problems of local regulation of public relations in organizations of various forms of ownership.

Methodology. In the course of the study, such methods as dogmatic, comparative legal, sociological, descriptive, formal legal and others were used. In general, the study was conducted in the spirit of the normative theory of law.

Conclusions. Local regulations of organizations of various forms of ownership can be recognized as a source of law containing legal norms aimed at regulating public relations within these organizations. Along with the current legislation, local acts occupy a very significant place in the system of legal regulation of public relations. Local acts are adopted on the main issues of the activities of organizations of all forms of ownership. These acts make it possible to take into account the opinion of the labor collective and representative bodies when adopting them, to “bring” legislation closer to the specifics of the activity of this organization, i.e., in fact, to act as a means of specifying legislation in relation to a specific sphere of public relations and the specifics of the activities of authorities and organizations of various forms of ownership.

Keywords: local act, specification of legal norms, individualization of legal regulation, local legal regulation, authorities and organizations of various forms of ownership

For citation: Novikova YuS. Local acts as a means of individualization legal regulation of public relations in organizations of various forms of ownership. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):25-30. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10104 (In Russ.)

Введение

Категория «правовое регулирование» и его механизм являются одной из центральных и базовых категорий общей теории права. Особое внимание ученых-теоретиков привлекают вопросы и проблемы конкретизации и индивидуализации законодательства в процессе правового регулирования. Одним из средств такого правового регулирования вступает локальный акт, принимаемый органами власти и организациями различных форм собственности.

В современной научной литературе вопрос локальных актов чаще всего исследуется применительно к теории трудового права [1],

либо деятельности образовательных организаций [10]. Особое внимание ученых привлекают проблемы разграничения локальных и корпоративных актов [7], порядка опубликования локальных нормативных актов [4] и другие. Общетеоретические исследования категории «локальный акт» встречаются крайне редко.

Описание исследования

Правовое регулирование может носить как общий (нормативный), так и индивидуальный характер. Последнее также носит правовой характер, поскольку основывается на нормах права, влечет правовые последствия для

субъектов, обеспечивается государственным принуждением. Кроме того, вполне логично применять понятие «нормативное» также к характеристике индивидуального правового регулирования. Профессор В. В. Ершов высказал точку зрения, согласно которой понятие «нормативное регулирование» является дискуссионным, недостаточным и неопределенным и практически неэффективным [2, с. 10]. Однако представляется, что оба вида правового регулирования — и общеправовое, и индивидуальное — характеризуются нормативным характером, поскольку «нормируют» общественные отношения. В первом случае, при помощи норм права общего, абстрактного характера, во втором — при помощи индивидуализированных, конкретных норм.

Локальное регулирование, на наш взгляд, представляет собой нормативное правовое регулирование, находящееся на стыке общего и индивидуального регулирования общественных отношений. Безусловно, что локальное регулирование носит правовой характер. Возникает вопрос — оно общее или индивидуальное? Локальный уровень регулирования общественных отношений не всегда означает, что оно индивидуально. Принято считать, что индивидуальное регулирование осуществляется при помощи правоприменительных актов, а общее регулирование — при помощи нормативных правовых актов.

В этой связи интересной является точка зрения Ю. В. Медной, которая вводит в научный оборот понятие «поднормативное регулирование», понимая под ним упорядочение общественных отношений на уровне правоприменительной практики [5, с. 13]. Необходимость поднормативного регулирования возникает в связи с наличием какого-либо нормативного регулятора и конкретной правовой возможности субъектов права своей волей самостоятельно определять собственные права и обязанности. Это, по мнению автора, может происходить как посредством совершения гражданско-правовых сделок, так и путем принятия юридическими лицами обязательных для своих членов локальных актов. Следовательно, поднормативное регулирование может быть как индивидуальным, так и локальным. Однако, такая позиция представляется не бесспорной, поскольку сводит понятие локального акта к поднормативному регулятору.

Общеправовая категория «локальный акт» в теории права, на наш взгляд, не является достаточно исследованной и вызывает ряд дискуссий. Одним из самых спорных, пожалуй, является вопрос — является ли локальный акт

нормативным и правовым? Отвечая на него, на наш взгляд, следует обозначить следующее. Локальные нормативные акты организаций различных форм собственности, как представляется, можно признать в качестве источника права, содержащего нормы права, направленные на регулирование общественных отношений в пределах данных организаций. Наряду с действующим законодательством локальные акты занимают весьма значимое место в системе правового регулирования общественных отношений. Как отметила Л. А. Морозова, локальным актам отводится специфическое место в системе правовых актов России, которое обусловлено децентрализованным характером данного вида правового регулирования и его приближенностью к условиям деятельности каждой организации. Локальные акты, по мнению автора, обладают значительным нормативно-функциональным потенциалом и возможностью совершенствования самоуправленческой деятельности [7, с. 365].

В юридической литературе особое внимание ученых традиционно привлекают вопросы о юридической природе локальных актов в сфере трудового права. Вместе с тем локальное регулирование присуще некоторым крупным сферам общественных отношений, например, сфере образования.

Можно отметить ряд дискуссионных вопросов, касающихся теории локальных актов, а именно:

1. Вопрос терминологии. Одновременно для обозначения локальных актов употребляются понятия «локальный акт», «локальный нормативный акт», «локальный нормативный правовой акт». На первый взгляд может показаться, что понятия являются тождественными, однако они имеют существенные отличия, как с теоретической, так и с практической точки зрения. Следует отметить, что законодатель употребляет понятие локального нормативного акта. Однако при этом правовой характер данных актов законодательно не подтвержден и не опровергнут. Исходя из анализа признаков и содержания локальных актов, все же, можно сделать вывод о том, что большей части этих актов присущ правовой характер.

2. Вопрос о месте локальных актов в системе правового регулирования общественных отношений. А именно, входят ли локальные акты в систему законодательства Российской Федерации и являются ли они источниками права. Так, А. В. Минбалева и Е. В. Георгиева высказывают мнение, что локальные нормативные акты могут заполнять пробелы в законодательстве и осуществлять

первичное правовое регулирование при отсутствии соответствующих вышестоящих нормативных правовых актов [6, с. 107]. О. А. Короткова подчеркивает, что локальные нормативные акты и внутренние нормативные документы являются неотъемлемой частью российского законодательства [3, с. 57]. Так, локальные акты могут восполнять пробелы в законодательстве, устанавливая при этом внутренние процедуры, не обозначенные в нормативных правовых актах, обеспечивать исполнение норм вышестоящих нормативных актов и не дополнять их, а также детально конкретизировать общие нормы, устанавливая рекомендации и правила по применению нормативных правовых актов.

Таким образом, локальный акт представляет собой нормативный правовой акт, выступающий средством общего правового регулирования на локальном уровне, а значит, является средством конкретизации права.

Понятие локального акта в юридической литературе чаще всего дается применительно к сфере трудового права. В более общем смысле локальный нормативный правовой акт можно определить следующим образом. Это принятый в пределах своей компетенции в установленном законодательством Российской Федерации и уставом организации юридический документ, содержащий нормы права, направленные на регулирование основных вопросов организации и осуществления деятельности данной организации, обладающий юридической силой, влекущий возникновение, изменение или прекращение общественных отношений либо создающий правовую основу для правовых последствий.

В качестве основных свойств локальных нормативных актов можно назвать следующие.

Локальный акт представляет собой разновидность нормативного правового акта, выступает источником права. Данный вывод обосновывается тем, что локальный акт содержит нормы права, т. е. общеобязательные правила поведения, направленные на неоднократное регулирование общественных отношений в данной организации. Таким образом, локальный акт устанавливает границы возможного или должного поведения участников правоотношений. И, несмотря на то, что в законодательстве употребляется термин «локальный нормативный акт», все же необходимо заметить, что данный акт носит правовой характер.

Локальные акты принимаются только в пределах компетенции данной организации, установленной законодательством Российской Федерации. Устанавливая общие правила

правового регулирования в определенной сфере общественных отношений, законодатель предоставляет организациям возможность, а в некоторых случаях возлагает на них обязанность, принимать локальные акты по вопросам осуществления их деятельности. При помощи локальных актов устанавливается уникальный правовой режим организации, который позволяет сформировать комплекс разного рода условий, способствующих эффективному функционированию данной организации.

Особо необходимо подчеркнуть подзаконный характер локальных актов организаций. Это означает, что они должны строго соответствовать требованиям законодательства Российской Федерации, основываться на нем и не противоречить ему. Важно подчеркнуть, что локальные акты должны способствовать эффективной реализации законодательства, конкретизировать его положения и создавать условия для претворения этих положений в жизнь.

Локальные акты организаций принимаются по процедуре, определенной законодательством и уставом (локальными актами) данной организации. Следует отметить, что процедура принятия локальных актов носит весьма важный характер, поскольку способствует не только обеспечению законности содержания акта, но и учету мнения трудового коллектива данной организации. Кроме того, процедура принятия локального акта обеспечивает также его официальный характер и подчеркивает его юридическую силу.

Формальная определенность локального акта. Локальный нормативный акт представляет собой разновидность юридического документа, т. е. официального письменного акта компетентного органа (субъекта), содержащего правовую информацию. Помимо прочих характеристик, важной чертой юридического документа является соответствие его правилам юридической техники, среди которых выделяют требования к его структуре, стилю изложения, соблюдению языковых правил, наличие реквизитов и т. д.

Предмет правового регулирования, т. е. локальные нормативные правовые акты, направлены на регулирование основных вопросов организации и осуществления деятельности данной организации. Локальный акт обеспечивает оперативность и конкретность правового регулирования отношений внутри организации, и в то же время отличается подвижностью и динамичностью.

Локальные акты обладают юридической силой. Юридическая сила представляет собой способность локального акта вызывать

правовые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения общественных правоотношений. Юридическую силу акту придают не только официальные реквизиты, но и статус субъекта, его издавшего. Это определяет место акта в системе локальных актов данной организации. Так, например, приоритет будет иметь устав организации.

Кроме того, необходимо отметить, что локальные нормативные правовые акты всегда влекут определенные правовые последствия. Они либо устанавливают правовые основания для возникновения, изменения или прекращения правоотношений, либо сами выступают в качестве юридического факта, влекущего правовые последствия.

Как указал М. П. Петров, локальный акт, не находящийся в противоречии или конкуренции с законодательством, представляет собой служебное поручение, сформулированное на основе общих норм об управлении организацией. Это означает, что локальные акты имеют одностипные правовые последствия, а именно, они санкционируют действия субъектов, устанавливают обязательные процедуры и границы поведения названных субъектов. Тем самым достигается цель локального регулирования — реализация законодательства [9, с. 12].

Вместе с тем, локальное регулирование возлагается на органы управления организацией. Поэтому локальные акты имеют признаки управленческих актов, организующих процессы, протекающие в данной организации.

Заключение

В итоге можно сделать вывод: локальные акты имеют особое значение в регулировании общественных отношений, поскольку принимаются по основным вопросам деятельности организации, позволяют учитывать при их принятии мнение коллектива и представительных органов, «приблизить» законодательство к специфике деятельности данной организации, т. е. фактически выступать средством конкретизации законодательства применительно к конкретной сфере и специфике деятельности организации.

Несмотря на высокий регулятивный потенциал локальных актов организаций, практика показывает, что на сегодняшний день существуют и некоторые проблемы в системе локального регулирования. Среди них можно обозначить следующие:

— локальные нормативные акты организаций зачастую просто дублируют законодательство, что делает их существование бессмысленным;

— локальные акты носят поверхностный характер, т. е. фактически не работают, что нивелирует их регулятивные свойства и не позволяет адресатам локальных норм руководствоваться последними в процессе своей деятельности;

— локальные нормативные акты одной организации копируют локальные акты другой организации, что негативно сказывается на процессе индивидуализации и саморегламентации организацией локальных отношений;

— локальные акты часто не соответствуют требованиям юридической техники, что существенно сказывается на качестве и эффективности реализации данных актов;

— локальные акты противоречат законодательству, что в принципе не допустимо и чревато нарушением прав и законных интересов граждан и организаций.

Решение данных проблем на законодательном уровне осуществить невозможно. Оно требует усилий со стороны самих организаций. И если в органах власти, государственных и муниципальных организациях процессы локального нормотворчества протекают более успешно, то в частных структурах они, как правило чаще страдают указанными недостатками. Рекомендациями в их преодолении могут стать более «чуткое» отношение к собственной специфике, качественный отбор претендентов на должности правовых (юридических) отделов, регламентация процессов локального нормотворчества, применение современных информационных технологий в сфере локального нормотворчества, учета и хранения локальных актов и другие.

Список источников

1. Губайдулин Э. Р. Место локальных актов в системе источников трудового права // Электронный научный журнал. 2021. № 5 (43). С. 65–67.
2. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российское правосудие. 2013. № 4 (84). С. 8–17.
3. Короткова О. А. Правотворчество и правоприменение: вопросы взаимодействия посредством института экспертизы // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9, № 9. С. 120–125.

4. Кузьмин А. В., Рязанцева А. В. К вопросу о порядке опубликования локальных (корпоративных) нормативных актов // Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы : сборник научных трудов по материалам Национальной научно-практической конференции (Гатчина, 27 декабря 2019 г.). Гатчина, 2020. С. 231–235.

5. Медная Ю. В. Поднормативное правовое регулирование общественных отношений : автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 22 с.

6. Минбалеев А. В., Георгиева Е. В. Локальное нормативное регулирование в вузах // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2014. Т. 14, № 4. С. 103–108.

7. Морозова Л. А. Избранные статьи. Москва : РГУП, 2018. 396 с.

8. Новиков С. С., Утемишева М. Р. О соотношении локальных и корпоративных актов // Оригинальные исследования. 2020. Т. 10, № 11. С. 23–26.

9. Петров М. П. Локальные акты организации высшего образования: правовая природа, виды и основания принятия // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2014. Т. 9. С. 7–69.

10. Плотникова Э. Д. Локальные нормативные акты в образовательных организациях: понятие, признаки, особенности принятия // Научный вестник Крыма. 2018. № 7 (18). С. 15.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 11.11.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 20.12.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

Научная статья
УДК 351.74
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10105

С. 31–37

ПОЖАРНАЯ ОХРАНА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1953–1964 гг.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Евгений Васильевич Суверов¹, Петр Дмитриевич Фризен²

^{1,2}*Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия*

¹*suverovev69@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0001-9988-7390>

²*frizenpd@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0002-5655-3750>

Аннотация. В статье рассмотрено развитие пожарной охраны в отдельно взятом сибирском регионе в период 50–60-х гг. прошлого века и ее значении в ликвидации возгораний. Актуальность исследования состоит в том, что в настоящее время фундаментальных научных трудов по данной тематике подготовлено не было. Во время написания научной статьи применялись принципы научного исследования: объективность, всесторонность, историзм и др. Во время работы было изучена деятельность пожарных на определенной территории и в заявленных хронологических рамках. Социалистическое государство в указанный период предпринимало значительные меры для развития и укрепления пожарной охраны как неотъемлемой части всей советской правоохранительной системы. В Советском Союзе была организована одна из лучших в мире противопожарных систем, при этом активно привлекалась общественность. Однако преобразования, начавшиеся в начале 1960-х гг. в советских «силовых» органах (реорганизация, сокращения), негативно сказались и на деятельности пожарных подразделений.

Ключевые слова: пожарная охрана, история пожарной службы, советский период, противопожарная система

Для цитирования: Суверов Е. В., Фризен П. Д. Пожарная охрана Томской области в 1953–1964 гг.: историко-правовой анализ // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 31–37. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10105

Research article

FIRE PROTECTION OF THE TOMSK REGION IN 1953-1964: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Yevgeniy V. Suverov¹, Petr D. Frizen²

^{1,2}*Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia*

¹*suverovev69@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0001-9988-7390>

²*frizenpd@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0002-5655-3750>

Abstract. The article examines the development of fire protection in a single Siberian region in the period of the 50-60s of the last century and its importance in the elimination of fires. The relevance of the research lies in the fact that currently no fundamental scientific papers on this topic have been prepared. During the writing of the scientific article, the principles of scientific research were applied: objectivity, comprehensiveness, historicism, etc. During the work, the activities of firefighters were studied, on a certain territory and in the declared chronological framework. The socialist state,

during this period, took significant measures in the development and strengthening of fire protection, as an integral part of the entire Soviet law enforcement system. In the Soviet Union, one of the best fire-fighting systems in the world was organized, while the public was actively involved. However, the transformations that began in the early 1960s in the Soviet “power” bodies (reorganization, reductions) had a negative impact on the activities of fire departments.

Keywords: fire department, history of fire department, soviet period, firefighting system

For citation: Suverov YeV, Frizen PD. Fire protection of the Tomsk region in 1953-1964 : historical and legal analysis. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):31-37. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10105 (In Russ.)

Введение

Целью работы является изучение функционирования советских пожарных подразделений (на основе нормативно-правовых актов) в отдельном взятом субъекте. Недооценка исторического анализа деятельности пожарной охраны в сибирском регионе, дефицит специальной литературы по данной тематике доказывают научную значимость проделанной работы. Огненная угроза всегда была для всего человечества большой проблемой. С древнейших времен выгорали целые населенные пункты, от огня гибли люди и животные, уничтожались постройки, посеи, лесные массивы. Для Томской области, отличавшейся высоким уровнем лесистости (здания и сооружения были здесь в основном деревянные), это было особенно актуально.

В регионе осуществлялись различные противопожарные мероприятия, ликвидировали возгорания, эвакуировали людей, спасали от огня имущество, активно участвовали в раскрытии преступлений и охране общественного порядка. Помимо военизированных пожарных частей, в данной области существовали также многочисленные добровольческие организации, сформированные из местных жителей.

В советский период большое внимание уделялось работе с подрастающим поколением, проводились специальные занятия, создавались детские организации, осуществлялась плановая подготовка пожарных.

Причины возгораний были разные, в большинстве случаев это был человеческий фактор. Техническое оснащение постоянно улучшалось, поступал новый спецтранспорт, различное оборудование, производство которого было налажено на отечественных заводах; советские ученые разрабатывали огнестойкие строительные материалы, активно развивались пожарно-прикладные виды спорта.

Материалы исследования

Отечественная историография по изучению пожарного дела в 50–60-е годы XX в. представлена немногочисленными работами, большинство из которых — это учебная

литература. Достаточно сжатую информацию, по данной тематике, можно найти у П. С. Савельева, С. И. Груздь, В. И. Малкова [1], И. А. Лавровой, С. А. Ярыгина [2], Ю. С. Хориной [3], Г. А. О. Агаева, Е. А. Зориной [4] и др. Часть исследований по истории советской пожарной системе посвящена другим регионам или иному историческому периоду: авторы Ю. А. Вакуленко [5], Г. А. Скипский [6], П. Н. Коваленко, Л. А. Гаенкова [7], М. Э. Жаркой, Н. Ю. Немова [8], В. А. Хроколов [9] и др. Свой вклад в изучение указанной проблематики внес В. В. Черных [10; 11]. Однако, не смотря на это, фундаментальных научных исследований деятельности пожарной охраны в Томской области (1953–1964 гг.) так и не было осуществлено. Хронологические рамки исследования (1953–1964 гг.) связаны, прежде всего, с изменением внутренней государственной политики.

Нормативно-правовая база регламентирующая деятельность пожарных команд в Томской области была представлена Указом Президиума Верховного Совета СССР, постановлениями Совета Министров СССР, Боевым уставом пожарной охраны¹, который состоял из 322 пунктов, где подчеркивалась основная задача — спасение людей в случае возникновения угрозы их жизни при пожаре [12, с. 126]. Так же в данный документ впервые были включены правила тушения пожара в экстремальных ситуациях (при нехватке воды, сильном задымлении и т. д.). Большое значение оказывало и ведомственное нормотворчество, в частности приказы начальника управления МВД СССР по Томской области, связанные с организацией пожарной охраны.

Описание исследования

Пожарная охрана являлась одной из важных структур правоохранительных органов (с 1934 г. она неотъемлемая часть НКВД СССР), позднее находившаяся в составе МВД СССР — МВД РСФСР — МООП РСФСР. Основные задачи:

¹ Введен приказом министра внутренних дел СССР от 28 октября 1953 г. № 150.

ликвидация возгораний, проведение профилактической работы с населением, а так же руководство добровольческими объединениями (городскими, сельскими пожарными командами, пожарно-производственными командами, юношескими добровольными пожарными дружинами (ЮДПД), общественными инспекторами, уполномоченными по пожарной охране).

Личный состав военизированной пожарной охраны (ВПО образована в 1930 г., срок службы составлял не менее 2 лет) находился на казарменном положении, подчиняясь четкому распорядку дня. Являясь одной из структур правоохранительного блока, ВПО тесно сотрудничала в деле охраны общественного порядка, предотвращая совершенные правонарушения.

Для помощи пожарным активно привлекалось местное население. На промышленных предприятиях с 1953 г. по согласованию с МВД СССР формировались пожарно-производственные команды (ППК), где в штатной структуре находился начальник команды, помощник начальника команды по профилактике, начальники караулов, шофёры пожарных автомобилей и дозорные. Остальной состав пожарно-производственных команд комплектовался на добровольных началах из числа рабочих и служащих предприятий без отрыва их от производства¹.

Добровольное пожарное общество (ДПО) Томской области до 1952 г. существовало только в городе Томске. В апреле 1952 г. было создано областное ДПО, перед которым была поставлена задача создать в каждом районе райсовет и организовать производственную деятельность по оказанию противопожарных услуг [1, с. 856].

Подготовка кадров для пожарных частей Томской области была тесно связана с различными политико-воспитательными мероприятиями, регулярной профессиональной учебой. Инженеров противопожарной техники и безопасности обучали в Высшей школе МВД СССР.

В период с 19 ноября по 11 декабря 1956 г. на базе УПО УМВД был проведен 20-дневный учебный сбор по переподготовке начальствующего состава частей военизированной пожарной охраны МВД города Томска. Обучение проводилось по специальной программе. Был

установлен распорядок дня: 8 часов занятий и 2 часа самоподготовки².

Для повышения образовательного уровня для сотрудников МВД — МООП СССР — РСФСР было организовано обучение в школах, с целью получения среднего образования абитуриенты направлялись в другие регионы для поступления в высшие учебные заведения страны (в частности в Свердловское пожарно-техническое училище).

В целом все подразделения Томского гарнизона были укомплектованы кадрами, имевшими 2-х и 3-х годичную пожарно-техническую подготовку. Большинство младших командиров окончили годичные курсы младшего начсостава³.

Воспитательные мероприятия носили явный идеологический характер (прежде всего, изучались труды классиков марксизма-ленинизма). При организации социалистического соревнования делался упор на индивидуальную работу с командирами отделений, большую помощь оказывали партийные органы [13, с. 5].

Активизации работы передовиков способствовали конференции отличников пожарной охраны: в декабре 1958 г. в Москве прошел I Всесоюзный слет. Умело использовались средства массовой информации: с 1955 г. возобновляется издание журнала «Пожарное дело». Поощрялось занятие художественной самодеятельности.

Поднятию авторитета пожарной службы в обществе стало утверждение медали «За отвагу на пожаре». Эту награду могли получить сотрудники пожарной охраны, члены добровольных пожарных дружин, военнослужащие и другие граждане: за смелость, отвагу и самоотверженность, проявленные при тушении пожаров, спасении людей, социалистической собственности и имущества граждан от огня⁴.

За проявленный героизм при тушении пожаров во время несения службы личный состав пожарных частей Томской области неоднократно поощрялся.

Возникновение пожара в большом 3-этажном с полуподвалом здании Томского инженерно-строительного института было зафиксировано 23 декабря 1956 г. в 2 час. 50 мин. Огонь

² Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 25. Оп. 1. Д. 359 б. Л. 331.

³ На боевом посту : газета / орган УВД исполнительного комитета Томского областного Совета депутатов трудящихся. 1957. 18 апр. (№ 17-18).

⁴ Об учреждении медали «За отвагу на пожаре» : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1957 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР : [сайт]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5242.htm (дата обращения: 21.07.2022)

¹ Об организации пожарно-производственных команд на промышленных предприятиях министерств и ведомств : Постановление СМ СССР от 19 сентября 1953 г. № 2449 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765715834> (дата обращения: 21.07.2022).

по вентиляционным каналам и деревянным коробам быстро распространился по чердаку и на все этажи здания. Тушение пожара происходило в темноте, необходимо было прокладывать рукавные линии на большие расстояния, пожарные работали на 20-метровой высоте на крутой, обледеневшей крыше со сложной конструкцией, с угрозой для своей жизни. За проявленную смелость и самоотверженность при тушении пожара была объявлена благодарность и выдана премия в размере 100 рублей 11 пожарным, а 9 пожарным была объявлена благодарность¹.

В изучаемый период в стране становится популярным спортивное движение по пожарно-прикладным видам спорта. Развитие технических средств требовало от пожарных совершенствование своей работы с техническим вооружением. Правила проведения соревнований постоянно менялись. Так, с 1954 г. для преодоления 100-метровой полосы препятствий стало не обязательно преодолевать: забор 3,5 метра и т. н. 10-метровую «мышеловку», а из пожарной эстафеты были исключены следующие задания: преодоление крыши со скатом и шестом, забора высотой 3,5 метра, 20-метровой «мышеловки», эвакуация человеческого манекена и т. д. [14, с. 5–11]. Так же спортивная гимнастика являлась составной частью программы пожарно-прикладных соревнований вплоть до 1959 г.

В областном центре регулярно проводились соревнования среди пожарных команд. Например, 23 и 24 августа 1954 г. в городе Томске были проведены гарнизонные соревнования пожарной охраны УМВД по пожарно-прикладным видам спорта, где приняли участие 6 сборных городских команд, численностью 44 человека. Были установлены новые спортивные рекорды по штурму 4-го этажа, преодолению 100-метровой полосы с препятствиями, в эстафете и по работе с выдвижной лестницей². Личному составу сборной команды ОВПК-1, занявшей 1-е командное место, было объявлена благодарность, команда была награждена переходящим призом³.

В регион регулярно отправлялись новые виды техники. С начала 1950-х годов стали поступать машины ПМГ, ПМЗ, автоматические

лестницы АМ 32 (ЛА) и АМ 45 (ЛБ), автоцистерны с баком емкостью 5 куб. м. на шасси МАЗ-250, речные пожарные катера, паровые машины для обогрева «рукавов», кислородные изолирующие противогазы КИП-6, капроновые «рукава» и др. [15, с. 129] В пожарных частях Томского гарнизона в 1957 г. находилось 10 автоцистерн различных марок, 6 автонасосов, «рукавный ход», автомобиль связи и освещения⁴.

Поступавшая техника передавалась не только в областной центр, но и в другие населенные пункты. Так, пожарная автомашина автонасос ПМГ-12, поступившая с Московского завода пожарной техники, в июле 1953 г. была передана на вооружение Колпашевской городской пожарной охране, а пожарная автоцистерна ПМГ-6 в мае 1957 г. была передана в районную пожарную команду села Бакчар⁵.

Причины возгораний были в большинстве случаев связаны с деятельностью человека:

1. *Нарушение техники безопасности.* Например, 23 декабря 1960 г. в гараже исправительно-трудовой колонии (ИТК) № 6 Томской области от оставленной без присмотра работающей электроплитки возникло пламя. 28 декабря 1960 г. возник пожар в помещении дизельной подразделения п/я 114/2 от применения открытого огня (факела) при отоплении дизеля, в результате было уничтожено служебное помещение и выведено из строя 2 дизеля с генераторами⁶.

2. *Курение в неустановленных местах.* В ночь на 16 июля 1961 г. в поселке Белый Яр сгорело здание районного дома культуры. Пожар возник от брошенной непотушенной сигареты на открытую опилочную завалинку у стены здания⁷.

3. *Игнорирование противопожарных норм при строительстве помещений.* В 1954 г. в п/я ЯУ-114/1 не были обработаны огнезащитным составом служебные помещения. В п/я ЯУ 114/2 чердак здания также не был обработан огнезащитным составом⁸. 12 апреля 1962 г. в 23 часа 28 минут в помещении

⁴ На боевом посту. 1957. 18 апр. (№ 17-18).

⁵ Послевоенные и 50-е годы XX века // МЧС России. Главное управление по Томской области : [сайт]. URL: <https://70.mchs.gov.ru/glavnoe-upravlenie/sily-i-sredstva/pozharnaya-ohrana/istoriya-pozharnoy-ohrany-tomskoy-oblasti/poslevoennye-i-50-e-gody-xx-veka> (дата обращения: 21.07.2022).

⁶ Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 516. Л. 70.

⁷ Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 517. Л. 298.

⁸ Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 25. Оп. 1. Д. 43. Л. 132, 133.

¹ Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 359 б. Л. 436, 437.

² Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 2. Д. 286. Л. 82.

³ Об итогах гарнизонных соревнований по пожарно-прикладным видам спорта между пожарными командами города Томска : приказ начальника управления МВД по Томской области от 27 августа 1954 г. № 42.

столовой ИТК № 1 возник пожар. Загорелась деревянная стойка, которая была замурована в оштукатуренную кирпичную кладку. Вследствие постоянного воздействия на нее тепла началось тление древесины, что и вызвало возгорание¹.

4. *Плохая уборка территории от отходов и мусора.* В 1954 г. в п/я ЯУ-114/2 по окончании рабочих смен цеха плохо очищались от древесных отходов, земельный участок был захламлен щепой, стружкой, опилками².

5. *Нарушение правил топки печей.* В 1962 г. в п/я ЯУ-114 29 апреля 1962 г. в 17:00 в бане жилой зоны колонии загорелась утепление бака горячей воды, состоящая из опилок. Загорание случилось, из-за того, что для обогрева использовались древесные стружки, которые не до конца сгорев, вылетев из трубы, попали на опилки утеплителя бака горячей воды, после чего воспламенившись.

6. *Несанкционированное подключение к электричеству.* В городе Томске 8 мая 1962 г. ночью, в механическом цехе ДОЦа от короткого замыкания в рубильнике загорелся кабель, из-за варки т. н. «чифира» (высококонцентрированной чайной заварки) заключенным Папазовым³.

7. *Природный фактор.* 7 июля 1955 г. от грозы на бензозаправочном складе Дорожно-мостовой конторы, расположенном в районе жилых двухэтажных домов, возник пожар⁴.

Сохранились документальные свидетельства героических поступков, сотрудников пожарной охраны Томской области. Например, возгорание чердачного помещения Асиновской детской музыкальной школы (деревянное здание) началось 7 марта 1963 г. в 16-м часу. К месту пожара прибыл дежурный караул городской пожарной команды (ГПК) на автоцистерне ПМЗ-13 в составе исполняющего обязанности начальника команды С. М. Сычева, шофера Р. И. Комарова, бойцов Г. И. Серова, А. И. Григоровского. К месту горения был направлен также свободный от дежурства шофер ГПК А. Г. Панов. В результате энергичных действий сотрудников городской пожарной команды пожар был быстро потушен, материальный ущерб государству не был нанесен⁵.

¹ Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 1, Д. 39. Л. 94.

² Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 25. Оп. 1, Д. 43. Л. 132, 133.

³ Архив ИЦ УМВД России по Томской области Ф. 2. Оп. 1, Д. 39. Л. 199, 120.

⁴ Послевоенные и 50-е годы XX века // МЧС России. Главное управление по Томской области.

⁵ Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 1, Д. 580. Л. 116.

Примечательно, что в тушении пожаров принимали активное участие члены добровольных организаций, и в частности ЮДПД (юный друг пожарной дружины). 9 апреля 1961 г. на берегу реки Чулым на паузке № 2 (речного плоскодонного парусно-гребного судна) Тегульдетского райпотребсоюза при топке печи возник пожар. Увидев возгорание, учащиеся Тегульдетской средней школы им. Павлика Гнездилова семиклассники члены ЮДПД: Вася Клюквин, Валерий Дорморозов, Геннадий Зуев, Валерий Голубев самостоятельно принесли с базы райпотребсоюза пожарную мотопомпу М-600, после чего активно помогали тушению, направляя струю воды в очаг пожара. В результате слаженных действий пожарной команды и их юных помощников огонь удалось погасить, был спасен паузок № 2 и другие суда. Дети были награждены почетной грамотой УВД и ценными подарками стоимостью 10 рублей⁶.

В борьбе с огненной стихией не обходилось без потерь среди личного состава. Во время тушения пожара в Томском инженерно-строительном институте (декабрь 1956 г.) погиб 30-ти летний командир отделения ПЧ-3 города Томска младший сержант внутренней службы С. И. Иванов, провалившийся с обгоревшего чердака вниз, на нижний этаж, где бушевал огненный смерч⁷.

Для искоренения недостатков в деятельности пожарной охраны осуществлялся регулярный контроль за ее работой, существующие проблемы анализировались, виновные наказывались.

Так, с 27 июня по 4 июля 1956 г. комиссией УПО УВД по Томской области была проведена проверка служебной деятельности городской пожарной команды города Колпашево. Распорядок дня личным составом выполнялся плохо, обязанности караула нарушались. Пожарная техника ГПК находилась в крайне запущенном состоянии. Эксплуатационный учет пожарных рукавов ГПК существовал формально. Выяснилось, что шофер Бирюков злоупотреблял спиртными напитками, а старший инспектор по пожарной профилактике Комиссаров систематически пьянствовал в рабочее время. Бирюкову был объявлен выговор, Комиссаров из городской пожарной команды был уволен⁸.

⁶ Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 2, Д. 517. Л. 92.

⁷ Послевоенные и 50-е годы XX века // МЧС России. Главное управление по Томской области.

⁸ Архив ИЦ УМВД России по Томской области. Ф. 2. Оп. 1, Д. 359 б. Л. 80, 81.

Однако в 1960-е гг. после упразднения МВД СССР произошло уменьшение численности пожарных команд (было сокращено 250 объектовых команд, прекращено финансирование многих научно-технических разработок) [16, с. 476], что снизило эффективность деятельности пожарной охраны в Томской области.

Заключение

Таким образом, государственная политика (хотя и не всегда последовательная) была направлена на укрепление и развитие пожарной охраны в Томской области (1953–1964 гг.). В исследуемый период укреплялась материальная база, регулярно шла подготовка кадрового состава, уделялось большое внимание профессиональной подготовке сотрудников, проводились различные воспитательные мероприятия (как правило, имевшие идеологическую основу), расширялась сеть добровольных обществ, делался упор на работе с молодежью, особенно в профилактических целях.

Пожарная охрана являлась частью единой советской правоохранительной системы, выполняя свои специфические задачи в тесном взаимодействии с другими подразделениями. Спортивные мероприятия были направлены на улучшение физического развития пожарных, повышение профессиональных навыков, пропаганду здорового образа жизни.

Руководством различного уровня анализировались причины возгораний, проводились проверки деятельности пожарных частей, выявленные недостатки исправлялись, виновные наказывались.

В целом система пожаротушения в Томской области в изучаемый период была дееспособной, пожарные совместно с добровольными помощниками, опираясь на помощь местных властей и населения, достаточно успешно справлялась с тушением пожаров.

Однако в связи с изменением политического курса страны, с начала 1960-х гг. было сокращено финансирование, началось сокращение, что негативно сказалось на деятельности томских частей пожарной охраны.

Список источников

1. Савельев П. С., Малков В. И. Пожарные добровольцы России в фотографиях, документах, воспоминаниях / под ред. С. И. Груздя. Москва : Изд. дом ВДПО, 2010. 880 с.
2. Лаврова И. А., Ярыгин С. А. История развития пожарной охраны СССР // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2013. № 3.
3. Хорина Ю. С. Становление и развитие отечественной системы пожарной охраны // Актуальные вопросы безопасности государства и общества : материалы круглого стола (Нижний Новгород, 22 февраля 2018 г.). Нижний Новгород, 2018. С. 8–9.
4. Агаев Г. А., Зорина Е. А. Исторические аспекты становления добровольной пожарной охраны в России. // Добровольная пожарная охрана: истоки, проблемы, перспективы : сборник трудов конференции (Санкт-Петербург, 17 мая 2012 г.). Санкт-Петербург, 2013. С. 102–106.
5. Вакуленко Ю. А. Из истории пожарной охраны города Александровска-Сахалинского // Вестник Сахалинского музея. 2019. № 1 (26). С. 92–125.
6. Скипский Г. А. К вопросу о деятельности пожарной охраны МВД СССР в 1970-е гг. // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2017. Т. 9, № 2. С. 67–72.
7. Коваленко П. Н., Гаенкова Л. А. Развитие добровольной пожарной охраны в Республике Коми // Пожарная и аварийная безопасность. 2017. № 2 (5). С. 116–124.
8. Жаркой М. Э., Немова Н. Ю. К вопросу проблемы формирования подразделений добровольной пожарной охраны СССР во второй половине 1930-х гг. // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2021. № 2 (51). С. 21–26.
9. Хроколов В. А. Пожарная охрана Беларуси в межвоенный период и в начале Великой Отечественной войны // Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси. 2021. Т. 5, № 4. С. 514–522.
10. Черных В. В. Историография истории пожарной охраны // Социокультурные аспекты деятельности силовых структур : сборник материалов межвузовской научной конференции (Иркутск, 07–08 декабря 2017 г.). Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2017. С. 8–24.
11. Черных В. В. История борьбы с огнём : монография. Иркутск : Оттиск, 2010. 591 с.
12. Смирнова А. А., Талашова А. А. Система советского законодательства о пожарной безопасности (по материалам боевых уставов пожарной охраны 1937, 1940, 1953, 1970 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2016. № 1. С. 122–129.
13. Первый Всесоюзный слет отличников пожарной охраны. Москва : Изд-во Министерства коммунального хозяйства РСФСР, 1959. 83 с.

14. Щербаков М. А. Пожарно-прикладной спорт. Москва : Министерство коммунального хозяйства, 1963. 73 с.

15. Ильин В. В., Мешалкин Е. А. История пожарной охраны России : учебник. Москва : Академия ГПС МЧС России, 2003. 306 с.

16. Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк : учебное пособие. Москва : Объединенная редакция МВД России, 2004. 648 с.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 17.10.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 23.11.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

КОДИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Алла Александровна Тимофеева¹, Анна Дмитриевна Павлова²

^{1,2} Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия

¹ alla-al.tim@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-000107166-2683>

² pavlovvaaa@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-8764-230X>

Аннотация. Современный этап развития нашей страны связан не только с преобразованиями экономических отношений, демократизацией общественной жизни, но и повышением ценности законодательства как условия социального регулирования. Российская законодательная база очень объемна: нижняя палата парламента за четверть века приняла восемь тысяч законов, а с начала 2020 г., разбирая, по выражению спикера, «законодательные завалы», рассмотрела свыше 600 законопроектов. В России действует более двадцати кодексов по различным направлениям, но неизбежна подготовка последующего пакета законов и подзаконных актов. При этом не завершено теоретическое осмысление кодификационного процесса, продолжаются дискуссии по поводу содержания, функций, видов систематизации. Незавершенность современного этапа кодификации актуализирует проблему, определяя необходимость комплексного подхода к её изучению. Несомненно, что в процессе упорядочения современного российского права должен использоваться опыт отечественных правотворческих органов. Осмысление исторического прошлого предполагает связь между этапами развития — при сохранении тех или иных элементов.

Целью настоящего исследования является определение роли кодификации законодательства в отечественной и современной истории. Во исполнение поставленной цели авторы ставят перед собой ряд задач, в число которых входит: выявление мнений правоведов разных десятилетий на роль кодификации в государстве, изучение опыта проведения кодификаций в Российской истории, определение направленности кодификационных работ и др.

Новизна и практическая значимость исследования — в попытке комплексного рассмотрения теоретического и практического аспектов кодификационного процесса в России, восстановление преемственности в отечественной юридической науке. Методологическая основа исследования — всеобщий диалектический метод, позволяющий в совокупности с историческим и сравнительно-правовым методом раскрыть особенности этапов кодификации в стране. Теоретический и практический опыт российского кодификационного процесса не может не способствовать решению проблем кодификации в современных условиях, восстанавливая «связь времён».

Ключевые слова: инкорпорация, кодификация, систематизация, законодательный процесс, правотворчество, сфера общественных отношений, отрасли законодательства, кодекс, свод законов

Для цитирования: Тимофеева А. А., Павлова А. Д. Кодификация законодательства в России: исторический и практический аспекты // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 38–45. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10106

CODIFICATION OF LEGISLATION IN RUSSIA: HISTORICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Alla A. Timofeeva¹, Anna D. Pavlova²

^{1,2}Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

¹Alla-al.tim@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-000107166-2683>

²pavlovvaa@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-8764-230X>

Abstract. The current stage of development of Russia is associated with the transformation of economic relations, the democratization of public life, and an increase in the value of legislation as a condition of social regulation. The Russian legislative base is very voluminous: the lower house of parliament has adopted 8,000 laws in a quarter of a century and considered over 600 bills since the beginning of 2020, sorting out, in the words of the speaker, the *legislative backlog*. In Russia, there are more than 20 codes in force in various areas, but the preparation of a subsequent package of laws and by-laws is inevitable. At the same time, the theoretical understanding of the codification process is not completed, and discussions continue about the content, functions, and types of systematization. The incompleteness of the current stage of codification actualizes the problem, determining the need for an integrated approach to its study. The experience of domestic lawmaking bodies should undoubtedly be used in streamlining modern Russian law. Comprehension of the historical past presupposes a connection between the stages of development while preserving certain elements.

This study aims to determine the role of codification of legislation in Russian and modern history. In pursuance of this goal, the authors set the following tasks: (1) identifying the opinions of jurists of different decades on the role of codification in the state; (2) studying the experience of performing codification in Russian history; and (3) determining the direction of codification works.

The novelty and practical significance of the research lie in the attempt to comprehensively consider the theoretical and practical aspects of the codification process in Russia and the restoration of continuity in domestic legal science. The methodological basis of the research is a universal dialectical method, which, in conjunction with the historical and comparative legal method, allows revealing the features of the codification stages in the country. The theoretical and practical experience of the Russian codification process contributes to solving the codification problems in current conditions, restoring the *connection of times*.

Keywords: incorporation, codification, systematization, legislative process, lawmaking, sphere of public relations, branches of legislation, code, code of laws

For citation: Timofeeva AA, Pavlova AD. Codification of legislation in Russia: historical and practical aspects. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):38-45. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10106 (In Russ.)

Введение

Становление правовой системы в России сегодня происходит в непростых политических и экономических условиях, и количество всех видов федеральных нормативных актов в последнее время серьезно увеличилось. Только за 10 лет с момента принятия Конституции Российской Федерации было утверждено более 1400 законов (для сравнения: в 1991 г. РСФСР — всего 63!) [1, с. 115].

По некоторым подсчетам, в России действуют сегодня более 6400 законов, которые должен знать (и выполнять!) каждый житель страны — без учёта многочисленных постановлений правительства, ведомственных

приказов, инструкций и т. д. Законотворческая инициатива депутатов Госдумы безгранична: от закона об охране грибов, налога на пикники, запрета на езду на велосипеде без прав, до замены флага России имперским штандартом. В остроумной фразе С. Леца «и беззаконие можно внести в кодекс» [2, с. 266] в российских реалиях подлежащее следовало бы заменить словом «нелепица».

Возрастание количества принимаемых нормативных актов характерно также для субъектов Российской Федерации, губернаторов, глав администрации, и др. Существование в России и ее регионах фактически недействующих актов, которые необходимо

отменить или внести изменения в их содержание — серьезная проблема. Целые комплексы нормативных правовых актов не выполняют своих регулятивных функций из-за «разбросанности», запутанности и коллизии, а большое количество их является причиной распространения негативного явления — правового нигилизма. Российское законодательство сложно в применении, чрезвычайно объемно, и его обновление требует очищения от засоренности, несоответствия и хаотичности нормативно-правовых предписаний. «Главное предназначение закона как юридической формы отображения устойчивых связей и процессов общественного развития, — устранить или смягчить противоречия, находить компромиссы и способствовать стабильности в обществе» [3].

Государственно-организованный правопорядок предполагает возможность быстро находить и использовать надлежащие правовые нормы, что невозможно без совершенствования юридической техники [4, с. 65]. Кодификация при этом — и особый вид правотворчества, и действенный способ модернизации законодательства [5, с. 151–152].

Составители Полного собрания законов Российской империи в свое время писали: «История государства без познания законов не может иметь ни ясности, ни достоверности, так как, с другой стороны, законы без истории часто бывают невразумительны. Посему, чем благовременнее законы приводятся в известность, тем источники истории для современников станвится удобнее, для потомства достовернее» [6, с. 6]. Выявление проблем систематизации в ретроспективе позволяет проследить непростую «цепь» кодификации права, вызываемых, как правило, масштабными изменениями в политике и экономике. Рассмотрение каждого «звена» этой цепи дает возможность решать конкретные вопросы современного процесса кодификации.

Описание проводимого исследования

Объект исследования относится и к юриспруденции, и к истории, что делает необходимым использование системно-комплексного метода — наиболее результативного и надежного. В описании государственных институтов, норм, отношений едва ли возможно выделить общие исторические и юридические компоненты; ценные исторические сведения значительно облегчают понимание ключевых аспектов российской кодификации.

Сравнение того или иного института в прошлом и настоящем должно иметь теоретико-методологическую основу. Полнота

системно-генетических взаимосвязей обеспечивается сочетанием нескольких компонентов:

- изучение нормативно-правовой базы;
- выявление особенности и проблемы эволюции данного института и анализ практической его деятельности.

Определяющий характер общеисторического материала — при несомненной специфике правовой реальности в историко-правовых исследованиях — не вызывает сомнения и обеспечивает воссоздание контекстуальной среды.

Методологическая основа исследования — современные достижения науки познания; цель — раскрытие опыта отечественного законодательства в решении проблемы кодификации. Осмысление исторических и практических вопросов систематизации права определяют следующие задачи:

- рассмотреть теорию кодификации в процессе развития национальной правовой мысли;
- определить этапы отечественного кодификационного процесса, выявляя специфику каждого;
- исследовать основные направления и формы кодификации, определяя на базе прошлого её перспективы в современной России.

Историко-правовой дискурс позволяет, с одной стороны, осмыслить прошлое как реальность, с другой — дискурс как стиль, стратегию, технику «схватывания» этой реальности в мыследеятельности того или иного времени.

Учитывая рефлексивный характер истории, необходимо пользоваться опытом предыдущих поколений, создавая «сплав» юриспруденции и истории, важного и второстепенного. Однако возвращение и повторение ситуации требует собственной объективности и беспристрастности.

Результаты исследования

Кодификация законодательства в России имеет прочные исторические корни, являясь результатом предшествующей юридической жизни. Незавершенность теоретического осмысления уникального исторического опыта, продолжающийся процесс упорядочивания правовой системы стали предметом изучения видных российских учёных Н. Н. Литягина, А. С. Пиголкина, С. В. Полениной, Т. В. Кашаниной и др. [1; 7; 8; 9; 10; 11]. В их трудах даются определения кодификации, раскрывается её место в процессе систематизации, разрабатываются виды, методы и основные направления. Видению юридико-технических, исторических и теоретических проблем кодификации права посвящены работы Т. Я. Хабриевой (2009),

А. И. Абрамовой (2016), Т. Н. Рахманиной (2008) и др. [4; 12; 13].

Системное упорядочение действовавшего в России законодательства осуществлялось не однажды, воплотившись в Полное собрание и Свод законов Российской империи, в успешную кодификацию советского времени.

В понятие систематизации законодательства традиционно включаются следующие формы правовой деятельности: сбор государственными органами, предприятиями, фирмами и другими учреждениями, организациями действующих нормативных актов, их обработка и расположение по определенной схеме; подготовка и издание различного рода собраний и сборников нормативных актов (инкорпорация законодательства) как подготовка к последующему изданию различных сборников и собраний; подготовка и принятие укрупненных актов на основе объединения норм разрозненных актов, изданных по одному вопросу (консолидация законодательства); подготовка и принятие новых актов типа кодексов, в которых помещаются как оправдавшие себя нормы прежних актов, так и новые нормативные предписания [1, с. 372]. В кодификационном акте обычно формулируются нормы, регулирующие наиболее важные вопросы общественной жизни — брачно-семейные, трудовые, имущественные и др.

Оценка кодекса, представляемого и в идеальном, и в реальном аспекте, высока: с одной стороны — это определенная концепция права, исходящая из неких высших философских принципов, с другой — реальный документ, фиксирующий действующие законодательные нормы и их применение», — обоснованно считает А. Н. Медушевский [14, с. 22]. Необходимость кодификации российских законов была осознана еще во времена Петра I, когда многочисленность и казуистичность актов в массе своей представляла беспорядочную законодательную информацию, Петр I повелел свести воедино все акты, изданные после Соборного уложения 1649 г., но при тогдашнем уровне законодательной техники и юридической грамотности эта задача была весьма сложной. К тому же, как писал историк права М. Ф. Владимирский-Буданов в пояснение неуспехов работы многочисленных комиссий, «Сама жизнь правовая еще не улеглась в спокойные формы, не ассимилировала новое со старым» [15, с. 265].

В XVIII в. попытки власти унифицировать централизованное законодательство приводили к созданию многочисленных комиссий, которые по оценке В. О. Ключевского, «обнаружили» в своей работе так мало юридического

смысла и подготовки, что их труд не решились пустить в ход [16, лекция LXXII с. 307].

В 1804 г. создана новая кодификационная комиссия, в которой стал работать крупный государственный деятель и юрист М. М. Сперанский. По существующему преданию он сопровождал Александра I во время встречи с Наполеоном в Эрфурте (1808 г.), на которой последний якобы обратился к русскому императору со словами: «Ваше Величество, не хотите ли вы обменять этого человека на какое-нибудь королевство?» Крупнейший русский историк В. О. Ключевский сказал о Сперанском: «Это был Вольтер в православно-богословской оболочке». И еще: «Со времен Ордин-Нащокина у русского престола не становился другой такой сильный ум; после Сперанского, не знаю, появится ли еще». Качественные изменения в российском правоведении в XVII–XIX вв. способствовали переходу от эмпирической классификации к разработке новых правовых норм, что составляет суть кодификации. Однако в отличие от Европы, где философия Просвещения превратила закон в символ борьбы с абсолютизмом, в России кодификация закрепляла правовой режим абсолютистского государства [17, с. 5]. Концепция кодификации определялась во многом историческими условиями и государственной идеологией, но М. М. Сперанский сделал все возможное для создания основы развития законодательства и утверждения верховенства права. Форма и структура созданных под его активным руководством Полного собрания законов в 56-ти томах и Свод законов в 15-ти соответствовали лучшим образцам кодексов в Европе. Однако их глубина и всесторонность оценивалась одними авторами как достоинство, другими — как недоработка.

М. С. Лунин в свое время писал: «Составители свода законов, то ли торопясь, то ли по недостатку специальных сведений, ограничили текстуральным воспроизведением запыленных документов, загромождавших архивы, и свалили в одну кучу законы, декреты, приказы, манифесты, дипломатические акты, временные распоряжения и даже простые циркуляры. Из этой несвязной массы они составили Свод законов, где, по их же признанию, не придерживались иного правила, кроме выбора из двух противоречивых законов более позднего» [18, с. 141]. И современники вместе с М. С. Луниным, и исследователи более позднего времени не однажды утверждали, что разумная классификация законов не осуществлена, игнорируя тем самым роль М. М. Сперанского и вольно обращаясь с историческими фактами.

Многие несовершенства, присущие прошлому законодательству, не были устранены: законы в Своде законов нередко отличались казуальностью, неопределенностью формулировок и наличием пробелов. Отсутствовало четкое разделение между законами и распоряжениями; итог — включение в Свод целого ряда распоряжений. Работы по систематизации российского законодательства в продолжение всего XIX и начале XX вв. повлияли на дальнейшее правотворчество, способствовали организации правовой сферы. Создатели Полного собрания и Свода законов Российской Империи прогнозировали неизбежные недостатки своей огромной работы, предлагая пути их преодоления. Практика же государственного управления претерпела колоссальные изменения. Законы стали доступны не только чиновникам от государства, но и истцам, и ответчикам.

Переиздание трудов известных учёных прошлых веков как русского юридического наследия — не только дань уважения к истории, но и ценная практика: «богатейший кладезь идей и концепций, понятий и терминов, приемов юридического мышления, выработанных русскими правоведами прошлых столетий, действительно должен найти применение как в системе юридического образования, так и в практической деятельности современных юристов» [19, с. 72].

Октябрьские события 1917 г. стали точкой отсчета нового, советского этапа развития отечественного права. Объективная потребность в совершенствовании законодательства и оптимизация его источникового обеспечения должны выступать главным при рассмотрении деятельности по упорядочению нового законодательства. Однако в определении этапных вех истории систематизации немалую роль играли не только необходимость и результативность упорядочения нормативного материала, но и ее идеологическая составляющая [20, с. 42]. Если отраслевая кодификация 1918 г. шла параллельно с закреплением основ государственного строя в Конституции РСФСР, то систематизация 20-х гг. и полномасштабные кодификационные работы 50–60-х гг. оказались фактором для фиксации государственно-правового строительства и разработки новых конституций.

Систематизация законодательства осуществлялась в соответствии с федеративным характером создания советского государства, на уровне законодательства Союза ССР и на уровне его субъектов. Новое законодательство создавалось быстрыми темпами: к концу 1922 г. в СССР уже более 4000 законов

и прочих нормативных актов. П. И. Стучка, видный большевик, писал: «Мы, казалось, «сожгли» в 1917 г. все старые законы, а между тем цифра одних послереволюционных законов превышает цифры германских». Большой объем изданных советской властью разрозненных актов отличался противоречивостью норм, несогласованностью терминологии и отсутствием единства в юридико-техническом оформлении. Эта законодательная масса нуждалась в пересмотре и систематизации.

Итогом работы должны были стать хронологические или систематические собрания действующего законодательства. Задачу упорядочения законодательных предписаний решала кодификация, но по мнению наркома юстиции, революционная. В первый годы становления советской власти и начавшейся гражданской войны удалось разработать только отдельные отраслевые кодексы. Некоторые из них были позже заменены, другие действовали несколько десятилетий. Утилитарно близкие для населения Кодексы о труде, семье и браке выступали как законодательная гарантия советского государства. Переход к новой экономической политике изменил отношение власти к праву. Новая историческая обстановка, накопившийся объемный правовой материал, имеющиеся при этом проблемы актуализировали законотворческую деятельность, осуществлявшуюся с учётом русского и мирового позитивного опыта. «Нужно было основательно изучить литературу, русскую и иностранную, кратко и чётко сформулировать новое революционное советское законодательство» [21, с. 134].

Итогом активной кодификационной работы стало принятие в 1922–1923 гг. семи кодексов: Гражданского, Гражданско-процессуального, Земельного, Лесного, Уголовного, Уголовно-процессуального и Кодекса законов о труде. Документальных свидетельств о создании кодексов, немного, но не вызывает сомнений, что они заполнили правовую пустоту, имели высокий уровень юридической техники.

С образованием СССР кодификация стала осуществляться с учётом Основ законодательства Союза ССР и союзных республик по различным отраслям, на базе которых предпринималось дальнейшее правотворчество и систематизация соответствующего законодательства в республиканских кодексах. Масштабные работы по кодификации начались только с конца 50-х. Великая Отечественная война, сложные переходы от сталинского правления к более либеральному задержали этот процесс: к примеру, работа

над Основами гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик началась в 1938 г., а завершилась в 1957–1961 гг.; работа над Основами уголовного законодательства началась в 1939 г., закончилась в 1958 г.

Появление необычного тандема «основа — кодекс» определило своеобразие второй советской кодификации и потребовало серьезных усилий для решения юридико-технических вопросов их совмещения. Однако качество технико-юридической подготовки новых кодифицированных актов компенсировало не слишком быстрые темпы их создания [19].

Появление кодексов не только определило структуру советской правовой системы, но и стало нормой-принципом, которые способствовали развитию права. Кодификационные работы советского периода отличались идеологической направленностью, высоким уровнем организации и юридической техники. Разработка Гражданского кодекса Российской Федерации, в частности, проходила на основе лучших традиций российского дореволюционного и советского законодательства: примером является демократизм новелл Основ 1961 г. «О защите чести и достоинства гражданина», «О недопустимости выселения граждан из жилых помещений» и др. В кодексах советского периода есть разнообразный материал для анализа и выводов: в частности, Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. — один из самых либеральных за всю историю российского семейного права.

Советское законодательство весьма далеко от современных представлений о праве, но юридическая техника выполняемой кодификационной работы отличалась и совершенством, и мастерством.

Образование нового Российского государства, активизация правотворческой деятельности после принятия Конституции РФ 1993 г. сделали необходимым проведение кодификации как необходимого условия единства правового пространства. Исторический опыт показывает, что «неустойчивость и разрозненность правовой системы, многочисленные противоречия и коллизии в нормативных правовых актах... открывают широкий простор для неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения правовых норм» [11, с. 5].

Общеизвестно, что «кодификация — высшая форма систематизации законов и иных нормативных актов, регулирующих общественные отношения; создание единого свода законов с отделением действующих законов от устаревших и недействующих» [22, с. 226].

В современных условиях кодификация, не являясь только юридической практикой, приобретает значение проблемы стратегической, имеющей целью модернизацию и российской правовой системы, и России. Вопросы систематизации законодательства отражены в работах и зарубежных, и отечественных учёных, где освещаются роль, методы, главные направления и сложности процесса кодификации.

Теоретической базой исследования стали труды учёных-правоведов по общей теории права. Однако в сфере исторического правоведения чётко обозначилась тенденция рассмотрения права и его кодификации в более широком аспекте. Примером могут служить работы А. П. Чащина (2012), Я. А. Эмирсултанова (2017) [10; 17], в которых удачно сочетается анализ политико-экономического контекста и нормативно-правовых актов.

Заключение и вывод

Изучение истории кодификационный работы в России позволяет сделать некоторые выводы:

- отечественные правоведы были практически единодушны в признании кодификации права как важной, но отнюдь не единственной формы его систематизации;
- закрепление законности и справедливости существующего строя и власти государства — общая цель систематизации законодательства в различные периоды отечественной истории;
- опыт проведения работ по кодификации российского законодательства разнообразен и обширен: были созданы Своды законов Российской империи, СССР, РСФСР и др. на основе совершенствования юридической техники и зарубежного опыта;
- не отрицая идеологической направленности работ по кодификации, необходимо отметить высокий уровень их организации. В частности, уникален опыт кодификации гражданского законодательства в России — от проекта Гражданского уложения Российской империи до создания Гражданского кодекса 1922 г., Гражданского кодекса 1964 г., и Гражданского кодекса Российской Федерации, части которого были приняты в 1994–2006 гг.
- обязательным качеством правовой системы современной России должна стать преэминентность, имеющая аналитически-творческий характер.

Модернизация всех сторон нашей жизни заставляет осмысливать и позитивный, и негативный опыт прошлого, предостерегая от ошибок в будущем.

Тенденцией современного правового развития стал метод непрерывной кодификации. Слова известного русского цивилиста Ю. С. Гамбарова, произнесённые более ста лет назад, актуальны и поныне. «Работа права никогда не заканчивается, лучше сказать — всегда возобновляется. Прогресс идей, потребности практики, внушения различных интересов рождают каждый день новые представления... поэтому кодификация, фиксируя в ясном, простом и сжатом языке те идеи права, справедливость, полезность которых уже

признана, и предоставляя свободному обсуждению те идеи, справедливость и полезность которых еще оспаривается, обеспечивает одновременно и в правильной мере — как устойчивость, так и прогресс права» [5, с. 149].

Систематизация и кодификация законодательства — вопрос не только юридической техники, но и эффективности конкретной правовой системы, основа формирования правовой политики. Эта задача сложна, но от решения ее зависит во многом перспектива общества и государства.

Список источников

1. Систематизация законодательства в Российской Федерации / А. И. Абрамова, А. В. Мицкевич, А. С. Пиголкин [и др.]. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 382 с.
2. Лец С. Е. Непричесанные мысли. Москва : РИПОЛ классик, 2018. 432 с.
3. Кодификация законодательства: теория, практика, техника : материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 года). Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России ; Торгово-промышленная палата Нижегородской обл., 2009. 1099 с.
4. Рахманина Т. Н. Актуальные вопросы кодификации российского законодательства // Журнал российского права. 2008. № 4 (136). С. 30–39.
5. Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Т. 1 Часть общая. — Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича. 1911. 780 с.
6. Галузо В. Н. Систематизация законодательства России : историко-правовое исследование : монография. Москва : ЮНИТИ ; Закон и право, 2009. 130 с.
7. Литягин Н. Н. Ревизия и систематизация законодательства // Государство и право. 2003. № 4. С. 26–32.
8. Поленина С. В. О Своде законов Российской Федерации. Москва : ИГПАН, 1997. 54 с.
9. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. 495 с.
10. Чащин А. Н. Кодификация российского законодательства. Москва : Дело и сервис, 2015. 160 с.
11. Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). Москва : Статут. 2010. 734 с.
12. Хабриева Т. Я. Кодификация российского законодательства в условиях федеративного государства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника : материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 года). Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России ; Торгово-промышленная палата Нижегородской обл., 2009. С. 26–37.
13. Абрамова А. И. Кодификация российского законодательства: современность и перспективы развития // Журнал российского права. 2016. № 12 (240). С. 27–38. DOI: 10.12737/22717.
14. Сословно-представительные учреждения России (XVIII — нач. XX в.) : сб. обзоров / отв. ред. Шевырин В. М. Москва : ИНИОН, 1993. 131 с.
15. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. 639 с.
16. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 томах. Том IV. Курс русской истории. Часть IV. Лекция LXXII. Москва : Мысль. 1989. 398 с.
17. Эмирсултанов Я. А. Теоретические и исторические проблемы кодификации права в России // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 201–203.
18. Лунин М. С. Письма из Сибири. Москва : Наука, 1987. 492 с.
19. Рахманина Т. Н. Основные этапы кодификации общесоюзного законодательства // Проблемы совершенствования советского законодательства : Труды / Министерство юстиции СССР; Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. Москва, 1982. [Выпуск] 23. С. 41–52.
20. Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков : Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. Том 1. Москва : Зерцало. 2007. 672 с.
21. Теттенборн З. В. В Народном комиссариате юстиции в 1918–1919 гг. // Советское государство и право. 1967. № 8. С. 132–135.
22. Георгиева Н. Г., Георгиев В. А., Орлов А. С. Исторический словарь. Москва : Проспект. 2013. 966 с.

ВКЛАД АВТОРОВ

Тимофеева А. А.

Определение темы исследования, подбор необходимой литературы, формулировка соответствующих выводов и положений, корректировка текста, помощь в устранении методологических и методических недостатков работы.

Павлова А. Д.

Согласование темы с научным руководителем, изучение научной литературы, анализ эмпирического материала, определение структуры работы, написание чернового текста и техническое оформление.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Timofeeva A. A.

Definition of the research topic, selection of necessary literature, formulation of relevant conclusions and provisions, text correction, assistance in elimination of methodological and methodological shortcomings of the work.

Pavlova A. D.

Coordination of the topic with the supervisor, study of scientific literature, analysis of empirical material, definition of the structure of the work, writing the draft text and technical design.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 26.09.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 15.11.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

ЧАСТНЫЙ ОХРАННИК-ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ, СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ В ОТНОШЕНИЯХ ЗАЩИТЫ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

Артем Александрович Шмидт¹, Маргарита Бильмановна Нифталиева²

¹Российский государственный университет правосудия, Уральский филиал;
Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия
artem-shmidt@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-9753-6527>

²Инженерное Бюро Франке Интернешенал, Москва, Россия
niftalieva.margarita@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-3722-289X>

Аннотация. В статье подвергнуты анализу фактически сложившиеся в российской правовой действительности отношения защиты жизни и здоровья граждан частными телохранителями, имеющими правовой статус частных охранников, оказывающие услуги частной охраны в условиях фрагментарного правового регулирования. На основе эмпирических методов анализируется международный опыт деятельности охранных организаций по оказанию услуг по защите жизни и здоровья физических лиц, генезис законодательства о негосударственной охранной деятельности. Констатируются пробелы в правовом регулировании отношений охраны личности негосударственными субъектами охраны. Отношения, возникающие между заказчиком и частной охранной организацией, анализируются авторами в контексте рассматриваемого в Государственной Думе Российской Федерации проекта нового федерального закона о частной охранной деятельности. В сравнении с действующим законом проект предусматривает частичное решение вопрос правового регулирования отношений по защите жизни и здоровья физических лиц за счет расширения содержания категории «объект охраны». Предложены дополнения в законодательство о частной охранной деятельности, восполняющее пробелы в отношениях между заказчиком услуг (клиентом), телохранителем и частной охранной организацией. Предложены перспективные сферы использования института частного охранника-телохранителя.

Ключевые слова: частная охранная деятельность, объект охраны, безопасность граждан, права граждан, защита жизни и здоровья

Для цитирования: Шмидт А. А., Нифталиева М. Б. Частный охранник-телохранитель в системе отношений, складывающихся в отношениях защиты жизни и здоровья // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 46–52. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10107

Research article

A PRIVATE SECURITY GUARD IS A BODYGUARD IN THE SYSTEM OF RELATIONS THAT DEVELOP IN THE RELATIONSHIP OF PROTECTING LIFE AND HEALTH

Artem A. Schmidt¹, Margarita B. Niftalieva²

¹Ural Branch of the Russian State University of Justice
South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia
artnem-shmidt@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-9753-6527>

²Franke International Engineering Bureau LLC, Moscow, Russia
niftalieva.margarita@mail.ru,

 <https://orcid.org/0000-0003-3722-289X>

Abstract. The article analyzes the relations that have actually developed in the Russian legal reality to protect the life and health of citizens by private bodyguards, who have the legal status of private security guards, who provide private security services under conditions of fragmented legal regulation. On the basis of empirical methods, the international experience of security organizations in providing services to protect the life and health of individuals, the genesis of legislation on non-state security activities is analyzed. Gaps are stated in the legal regulation of relations of protection of the individual by non-state subjects of protection. The relations that arise between the customer and the private security organization are analyzed by the authors in the context of the draft of a new federal law on private security activities being considered in the State Duma of the Russian Federation. In comparison with the current law, the draft provides for a partial solution to the issue of legal regulation of relations to protect the life and health of individuals by expanding the content of the “object of protection” category. Additions to the legislation on private security activities are proposed, filling in the gaps in the relationship between the customer of services (client), bodyguard and private security organization. Promising spheres of using the institution of a private security-bodyguard are proposed.

Keywords: private security activity, object of protection, safety of citizens, citizens’ rights, protection of life and health

For citation: Schmidt AA, Niftalieva MB. A private security guard is a bodyguard in the system of relations that develop in the relationship of protecting life and health. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):45-52. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10107 (In Russ.)

Введение

В настоящее время в отечественной юриспруденции отсутствуют исследования, посвященные как правовому статусу телохранителя, так и отношениям, возникающим при оказании телохранителем, а также частными охранными организациями услуг, связанных с охраной жизни и здоровья физических лиц. По словам заместителя председателя Комитета Государственной Думы Российской Федерации по безопасности и противодействию коррупции А. Б. Выборного: «Сегодня телохранители работают вне правового поля: закон позволяет им охранять только имущество, но не граждан»¹. В российском

законодательстве не закреплён правовой статус телохранителя, приведен не полный перечень объектов охраны. Это негативно отражается на правотворческой и правоприменительной деятельности, создает неверное представление о профессии телохранитель, вызывает трудности при заключении договора, как с телохранителем, так и с заказчиком услуг; препятствует качественному исполнению должностных обязанностей телохранителя и создает дополнительные правовые риски и угрозы для него.

В настоящее время услуги телохранителя востребованы и обусловлены количеством зарегистрированных преступлений против личности: так, в первом полугодии 2022 г. посягательства против личности в структуре преступности составили 148,4 тыс. Около трети из них — угроза убийством или причинения тяжкого вреда здоровью — 29 тыс. Количество

¹ В России узаконят статус телохранителя и частного сыщика // Информационно-правовой портал «Закония». URL: <https://www.zakonia.ru/news/30/93307> (дата обращения: 07.11.2022).

зарегистрированных убийств — 4,6 тыс.¹ Люди, испытывая потребность в защите жизни и здоровья, обращаются за услугами телохранителя в частные охранные организации. Телохранитель, являясь субъектом частной охранной деятельности, выполняет функции, направленные на обеспечение состояния защищенности жизни и здоровья граждан посредством выполнения охранных услуг [10, с. 49].

В качестве цели проведенного исследования авторы ставили перед собой анализ правовой действительности и вскрытие пробелов в правовом регулировании отношений охраны личности негосударственными субъектами охраны, препятствующих развитию отношений по частной охране жизни и здоровья граждан; подготовка предложений по совершенствованию правовых основ частной охраны жизни и здоровья частными охранными организациями.

Для достижения поставленной цели авторами использованы законопроектная документация Государственной Думы Российской Федерации и материалы правоприменительной практики подразделений лицензионно-разрешительной работы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. В исследовании использованы материалы печати зарубежных и отечественных изданий, в том числе интервью частных охранников-телохранителей России, Германии, некоторых других стран, а также руководителей частных охранных организаций. Анализируется законодательство о частной охранной деятельности России, Республики Беларусь, а также Германии, Канады и США.

Основное исследование

В нашей стране, как и во многих других, профессия «телохранитель» не входит в квалификационные справочники и не предусмотрена законодательством. С правовой точки зрения, организации, предоставляющие услуги защиты жизни и здоровья, имеют статус частной охранной организации, а их работники — частными охранниками. Несмотря на это, России с 1995 г. существует Национальная ассоциация телохранителей (НАСТ) в [5, с. 42], которая возникла практически одновременно с негосударственными службами безопасности России, легализованными в 1992 г.

Частная охранная охрана в России быстро стала одной из отраслей предпринимательской

деятельности, обеспечивающей занятость десяткам тысяч граждан.

В соответствии с отечественным законодательством претендовать на статус частного охранника вправе дееспособные не имеющие судимости и медицинских противопоказаний совершеннолетние граждане Российской Федерации, прошедшие профессиональное обучение и сдавшие квалификационный экзамен.

Будущему телохранителю необходимо пройти курс обучения в специализированном учебном центре. В процессе подготовки и повышения квалификации будущие телохранители изучают правовые основы, а также проходят тактико-специальную, психологическую и огневую подготовку, приобретают навыки использования специальных средств, оказания первой помощи. Многие проходят обучение по дополнительным программам обучения. Однако большинство профессиональных частных охранников-телохранителей являются бывшими сотрудниками специальных служб, опыт которых весьма востребован на рынке частной охраны, так как профессиональная деятельность телохранителя сопряжена с риском для жизни и здоровья, предполагает наличие не только специальных знаний, но и особых личных качеств: смелость, мужество, стойкость, самообладание, способность к самопожертвованию, а также постоянного развития навыков и умений. Но в последнее время клиенты всё чаще доверяют свою жизнь менее заметным телохранителям-женщинам, которые привлекают к себе меньше внимания [5, с. 42].

Несмотря на фактически сложившийся и востребованный рынок услуг частных охранников-телохранителей, в отечественном законодательстве правовое регулирование частной охраны, складывающееся в отношении защиты жизни и здоровья, является фрагментарным как в административном, гражданском, так и уголовном законодательстве.

Отсутствие законодательного закрепления института телохранителя и нормативно определенного объекта охраны для телохранителя способствует нарушениям не только прав частных охранников-телохранителей, но и прав клиентов-заказчиков охранных услуг. Так, на практике и в соответствии с действующим законодательством о частной охранной деятельности трудовые обязанности телохранителя выполняют частные охранники 6 разряда, а в договоре оказания охранных услуг в качестве объекта охраны указывается чаще всего предмет, находящийся при физическом лице, а не жизнь и здоровье клиента. При интервьюировании частные

¹ Состояние преступности в России за январь — июль 2022 года : ежемесячный сборник за июль 2022 // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Москва, 2022. С. 5–6.

телохранители отмечают, что «...нанимаясь, мы заключаем договор не об охране человека, а об охране предмета, который носит с собой этот человек. Формально, например, я охраняю часы на руке клиента»¹.

Таким образом, в случае противоправных действий в отношении охраняемого лица, а не против носимой им вещи, указанные отношения выпадают из сферы правового регулирования по заключенному договору охраны. Такое положение противоречит как здравому смыслу, так и базовым правовым принципам, так как именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Причиной сложившейся ситуации как представляется, является коллизия, отмеченная С. А. Шароновым [7, с. 72]. В законе Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (далее — Закон) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» в качестве объектов охраны для охранников выступают недвижимые вещи, движимые вещи, в том числе при их транспортировке (статья 1.1). Статья 3 частным охранным организациям разрешает предоставление услуги — охраны объектов и (или) имущества. Статья 130 ч. 1 Гражданского кодекса РФ отождествляет категорию «вещи» и «имущество». Таким образом, конструкция, использованная законодателем в пп. 2, 3, 7 части второй ст. 3 Закона — «охрана объектов и (или) имущества», противоречит положениям ст. 1.1 Закона, согласно которой под «объектами охраны» понимаются только «недвижимые и движимые вещи».

Другой важной причиной как представляется, является отсутствие в Законе самой категории «телохранитель». Поэтому при заключении договора между частной охранной организацией и клиентом на оказание услуг по охране жизни и здоровья (далее — договор охраны), трудовые функции осуществляют охранники 6 разряда, а не телохранители, в качестве объектов охраны указывают движимые и недвижимые вещи. Жизнь и здоровье заказчика услуг как нематериальные блага в договорных отношениях не используются. Заключение договора охраны, является юридическим фактом, влекущим возникновение охранной деятельности, обязательством и правоотношением [8, с. 74]. Действующее

¹ В России формально телохранитель охраняет не клиента, а часы у него на руке // Деловой квартал : [сайт]. URL: <https://www.dk.ru/news/my-ohranayali-sovetnika-trampa-kak-segodnya-obespechivayut-lichnyu-bezopasnost-biznesmenov-237087474> (дата обращения: 07.11.2022).

законодательное определение договора охраны, как юридического факта возникновения правоотношений, порождает ряд вопросов, в том числе: о каких правоотношениях можно говорить, когда отсутствует обязательство по охране жизни и здоровья клиентов; кто именно — телохранитель или охранник выступает субъектом правоотношения?

Указанные противоречия и пробелы в значительной части призван исправить новый закон «О частной охранной деятельности», проект которого представлен на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации. В законопроекте предпринята попытка локально закрепить категорию телохранитель: телохранитель — частный охранник (охранник), выполняющий трудовые обязанности по защите жизни и здоровья охраняемого физического лица, и имеющий дополнительное профессиональное образование (повышение квалификации и (или) профессиональная переподготовка) в области охранной деятельности со специализацией «личная охрана». В качестве объекта охраны проект закона предусматривает здания, строения, сооружения, прилегающие к ним территории и акватории, транспортные средства, а также грузы, в том числе при их транспортировке, денежные средства, а также не запрещенные к обороту на территории Российской Федерации вещи и иное имущество, подлежащие защите от противоправных посягательств, а также физические лица, жизнь и здоровье которых подлежат защите в соответствии с договором на оказание охранных услуг². Отличительной особенностью проекта федерального закона «О частной охранной деятельности» в сравнении с действующим законом является то, что проект предусматривает частичное решение выше отмеченной проблемы за счет расширения категории объект охраны. Так, в объект охраны проектом включены... физическое лицо, его жизнь и здоровье. Однако такая юридическая конструкция в проекте закона также представляется не полной — она не учитывает необходимость «защиты конституционных прав и свобод граждан», на которые также, как представляется, должно быть распространено действие закона, и о чем уже указывалось в современной литературе [9, с. 54]. Представляется, что под правовую охрану также должны быть помещены право на жизнь и свободу,

² О частной охранной деятельности : проект федерального закона // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/155863-8> (дата обращения: 07.11.2022).

право свободного перемещения и невмешательства в частную жизнь, право выбора места пребывания и иные права.

Схожие проблемы в правовом регулировании охранной деятельности выявил анализ законодательства Республик Беларусь. Анализ положений законодательства в сфере охранной деятельности в Республике Беларусь показывает, что государству принадлежит исключительное право по охране объектов, физических лиц, имущества, общественного порядка, что отражено в законе № 175-З от 08 ноября 2006 г. «Об охранной деятельности в Республике Беларусь»¹. Охрану объектов осуществляют государственные органы, иные организации, перечень которых утверждает Президент Республики Беларусь. В действующем законодательстве Республики Беларусь отсутствует правовое закрепление категории «телохранитель». Под охранной деятельностью в законе подразумевается деятельность государственного органа, представленного структурным подразделением Министерства внутренних дел Республики Беларусь (а также деятельность иных организаций) по охране не только объектов юридических, физических лиц, но и самих физических лиц от противоправных посягательств. При этом физическое лицо не является охраняемым объектом, что указывает на явные противоречия двух определений в законе: «охранная деятельность» и «охраняемые объекты».

В западном мире организационные и правовые модели военных и охранных компаний разрабатывалась уже в конце Второй мировой войны, приобретая новые черты с каждым десятилетием. Во второй половине XX века Соединенные Штаты и Европа доминируя в экономике, контролировали многие режимы в бывших колониях. Однако революционные движения и международный терроризм представляли серьезную угрозу для тех режимов в бывших колониях, которые были приспособлены к требованиям мировой экономики. Эти угрозы дали толчок росту военной промышленности и индустрии безопасности. В 1980-е годы, когда идеология неолберализма, исходящая из США и Великобритании, стала утверждаться во всем мире, транснационально активные компании расширили сферу своего влияния. Расширение их деятельности на нестабильные регионы и государства

¹ Об охранной деятельности в Республике Беларусь : Закон Республики Беларусь № 175-З от 08 ноября 2006 г. // Кодексы, законы и законодательные документы Республики Беларусь. URL: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/2006/780 (дата обращения: 07.11.2022).

создало растущую потребность в безопасности, которая была удовлетворена созданием частных охранных компаний [3]. Окончание конфликта между Востоком и Западом во многих отношениях изменило международную политику безопасности и западный военный аппарат. В европейских исследованиях с 1990-х гг. просматривается тенденция к приватизации во внешней политике безопасности западных демократий [4]. Приватизация безопасности относится к предоставлению охранных услуг, которые ранее предоставлялись государственными субъектами, а теперь переданы на аутсорсинг негосударственным (частным) коммерческим компаниям [1].

Сегодня охранная деятельность в целом и услуги телохранителя в западных странах являются весьма востребованными.

В Германии деятельность работников охранных структур регламентирует Раздел 34а Правил торговли² в редакции от 20 июля 2022 г. Для выполнения профессиональных обязанностей по защите жизни и имущества клиентов на коммерческой основе требуется разрешение (лицензия) компетентного органа. На практике большинство телохранителей в Германии владеют: базовой лицензией для охранных работ, разрешением на ношение и применение огнестрельного оружия, навыками боевых искусств и самообороны, проходят обучение по курсу «Личная охрана», в которой особое внимание уделяется подготовке и планированию, ключевым навыкам владения оружием. В программу курса не входит обучение боевой стрельбе. Частные телохранители в Германии помимо защиты жизни и имущества клиентов могут обеспечивать безопасность международных мероприятий, выставок и конференций.

Идея о том, что ответственность за безопасность лежит не только на государстве, но и прежде всего на личности, которая может и должна защитить себя [2] наибольшее развитие получила в США.

В Соединенных штатах с учетом специфики правового регулирования при трудоустройстве охранником и телохранителем учитываются законы каждого штата, а собственно регистрация охранной организации отнесена к юрисдикции штатов. Главным условием оказания охранных услуг являются регистрация и лицензирование. Для регистрации в качестве частного охранника в ряде

² Правила торговли (в ред. от 20 июля 2022 г.) // Bundesamt für Justiz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gewo/BjNR002450869.html#BjNR002450869BjNG000102301> (дата обращения: 08.11.2022).

штатов обязательным условием выступает наличие гражданства или необходимы рекомендательные письма [5, с. 36–37].

Предпочтения отдают бывшим военным, сотрудникам спецслужб и полицейским. В число обязанностей может входить охрана государственных объектов и расследования в сотрудничестве с полицией, до исключительных — участие в войнах за рубежом, например, в Ираке или в Афганистане¹. Для защиты клиентов телохранителю необходимо достичь 18-летнего возраста, пройти обучение на курсах и получить специальные разрешения для оказания услуг по вооруженной охране.

В Канаде, как и в США, правовое регулирование деятельности охранников и телохранителей регулируется законодательством провинций, и подлежит лицензированию. Общим и обязательным условием во всех провинциях является установленный порядок регистрации и получения разрешения на территории провинции. Соискатели лицензий проходят проверку биографических данных, а также тестирование для определения уровня квалификации.

Анализируя положения национальных законодательств Республики Беларусь, Германии, США и Канады в сфере охранной деятельности, можно сформулировать: телохранитель — это охранник, в должностные обязанности которого входят не только охрана государственных объектов, защита жизни клиента, но и обеспечение безопасности граждан. Так, в утратившем силу законе от 05 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» под безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности от внутренних и внешних угроз. К основным объектам безопасности относятся: личность — ее права и свободы². Традиционно в юридической литературе личные права классифицируют на имущественные и неимущественные, которые также подлежат охране (защите). Как отметил профессор С. А. Шаронов: «Охранная деятельность осуществляется в целях защиты личных неимущественных и имущественных прав граждан, возникающих по поводу отдельных объектов гражданских прав (объектов охраны)» [6, с. 3]. Личные

неимущественные права — права, возникающие у человека с рождения. К их числу относят: право на жизнь и свободу, право свободного перемещения и невмешательства в частную жизнь, право выбора места пребывания и иные права. Личные имущественные права позволяют гражданину владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом по своему усмотрению. Таким образом, телохранитель, обеспечивая безопасность гражданина, выполняет функции по охране (защите) его личных имущественных и неимущественных прав, которые не учтены в действующем законодательстве о частной охранной деятельности.

Выводы

Сфера частной охраны в России относительно новое явление по сравнению с негосударственным сектором безопасности многих зарубежных государств. Регулирование частной охранной деятельности фрагментарно и развивается по общему вектору — приватизация государственных функций по обеспечению защиты личности и охраны имущества.

В отечественном законодательстве не закреплена категория «телохранитель», а охрана жизни и здоровья, являясь разрешенным видом охранной деятельности, не включенным законодателем в «объект охраны». Такая фрагментарность препятствует развитию рынка охранных услуг и порождает правовую неопределенность в статусе заказчика охранных услуг, частной охранной организации, оказывающей услуги защиты жизни и здоровья, а также частного охранника-телохранителя.

В целях восполнения дефицита правового содержания в отношениях частной охраны жизни и здоровья, создания предпосылок для формирования нового сектора охранных услуг представляется целесообразным предложение законодателя в проекте нового закона об охранной деятельности внести понятие «телохранитель», дополнив содержание категории «объект охраны». С учетом изложенного, объект охраны в новом законе может быть определен как «здания, строения, сооружения, прилегающие к ним территории и акватории, транспортные средства, грузы, в том числе при их транспортировке, денежные средства, а также иное имущество, физические лица, жизнь и здоровье физических лиц, личные имущественные и неимущественные права, подлежащие охране (защите) от противоправных посягательств в соответствии с договором на оказание охранных услуг. (За исключением вещей, запрещенных к обороту на территории Российской Федерации.)»

¹ Охранная деятельность в США и Канаде // Новости: Безопасность для всех : [интернет-портал]. URL: <http://sec4all.net/modules/myarticles/article.php?storyid=948> (дата обращения: 08.11.2022).

² О безопасности : Закон РФ от 05 марта 1992 г. № 2446-1 (утратил силу) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.11.2022).

Учет указанных предложений в новом законе как представляется, позволит в будущем также привлекать телохранителей в соответствии с законодательством о защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства и законодательства о защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов.

Список источников

1. Avant D. D. The Market for Force: The Consequences of Privatizing Security. 1st ed. Cambridge University Press; 2005. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511490866>
2. Frevel B. Wie schaffen wir Sicherheit? In: Sicherheit. essentials. Springer VS, Wiesbaden; 2016. https://doi.org/10.1007/978-3-658-12458-8_4
3. Kramer D. R. Das globalisierte Söldnerwesen. In: Das Söldnerwesen. VS Verlag für Sozialwissenschaften; 2010. https://doi.org/10.1007/978-3-531-92330-7_4
4. Leonhard N. and Werkner I.-J. Militärsoziologie — Eine Einführung. 2. Aktualisierte und ergänzte Auflage. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; 2012.
5. Семенова Л. А. Социально-профессиональные реалии постсоветской России: негосударственные структуры безопасности // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 4. С. 32–47.
6. Шаронов С. А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015. 58 с.
7. Шаронов С. А. Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»: анализ, проблемы, предложения // Современное право. 2012. № 8. С. 71–74.
8. Шаронов С. А. Охранная деятельность как средство реализации конституционных прав местного самоуправления в сфере охраны имущества и общественного порядка: гражданско-правовой аспект // Современное право. 2013. № 12. С. 71–75.
9. Шаронов С. А. Современные правовые исследования категории «охрана» как основания возникновения охранной деятельности: гражданско-правовой аспект // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 4 (27). С. 54–58.
10. Шаронов С. А. Функции охранной деятельности: понятие, признаки, условия и классификация // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 12. С. 47–53.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 13.11.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 10.01.2023.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ

Кирилл Андреевич Долгополов¹, Сергей Анатольевич Иванов²,
Михаил Алексеевич Голубов³

^{1,2}Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

³Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды
Ставропольского края, Ставрополь, Россия

¹nadal06@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>

²1koi@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-3590-1071>

³mprsk@mpr26.ru

Аннотация. В начале данной статьи говорится о недостаточной изученности современной российской уголовно-правовой науки как целостного феномена. Проанализировано содержание понятия «современная российская уголовно-правовая наука» путем рассмотрения значения обозначающих данное понятие терминов. Определено, что следует понимать под современной и что под российской наукой уголовного права. Выделены важнейшие признаки современной российской уголовно-правовой науки. В соответствии с ними под ней следует понимать гуманитарную, социально-юридическую отрасль научного знания криминального цикла, имеющую как фундаментальный, так и прикладной характер, направленную на обеспечение гуманистических идеалов и представляющую собой совокупность объективированной в различном виде уголовно-правовой информации, в настоящее время не имеющей строго определенной системы. Перечислены индикаторы развития современной российской уголовно-правовой науки уголовного права. Отмечается противоречивое её состояние, имеющее ряд существенных проблемных моментов. В число особенностей современной российской уголовно-правовой науки отнесены: 1) неравномерное распределение научного внимания по различным уголовно-правовым вопросам; 2) открытый для ознакомления неограниченного круга лиц характер уголовно-правовых исследований; 3) наличие низкого авторитета у уголовно-правовой науки; 4) стремительно протекающий процесс цифровизации современной российской уголовно-правовой науки; 5) совмещение уголовно-правовых исследований с другими отраслями научного знания при изучении проблем борьбы с преступностью; 6) стирание границ между различными уголовно-правовыми школами и направлениями уголовно-правовой мысли.

Ключевые слова: наука, социальная наука, гуманитарная наука, юридическая наука, уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая доктрина, теория уголовного права, уголовно-правовая наука, уголовно-правовой вопрос, уголовно-правовая информация

Для цитирования: Долгополов К. А., Иванов С. А., Голубов М. А. Понятие и особенности современной российской уголовно-правовой науки // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 53–59. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10108

THE CONCEPT AND FEATURES OF MODERN RUSSIAN CRIMINAL LEGAL SCIENCE

Kirill A. Dolgopolov^{1,3}, Sergey A. Ivanov², Mikhail A. Golubov³

^{1,2}North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

³Ministry of Natural Resources and Environmental Protection
Stavropol Krai Ministry of Natural Resources and Environmental
Protection, Stavropol, Russia

¹nadal06@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>

²1koi@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-3590-1071>

³mprsk@mpr26.ru

Abstract. At the beginning of this article, it is said about the lack of knowledge of modern Russian criminal law science as a holistic phenomenon. The content of the concept of “modern Russian criminal law science” is analyzed by considering the meaning of the terms denoting this concept. It is determined what should be understood as modern and what is under the Russian science of criminal law. The most important features of modern Russian criminal law science are highlighted. In accordance with them, it should be understood as a humanitarian, socio-legal branch of scientific knowledge of the criminal cycle, which has both a fundamental and an applied character; aimed at ensuring humanistic ideals and is a collection of criminal law information objectified in various forms, currently not having a strictly defined system. The indicators of the development of modern Russian science of criminal law are listed. Its contradictory state is noted, which has a number of significant problematic points. Among the features of modern Russian criminal law science are: 1) uneven distribution of scientific attention on various criminal law issues; 2) the nature of criminal law researches, open for acquaintance to an unlimited circle of persons; 3) the presence of low authority in criminal law science; 4) the rapidly ongoing process of digitalization of modern Russian criminal law science; 5) combining criminal law research with other branches of scientific knowledge when studying the problems of combating crime; 6) erasing the boundaries between different criminal law schools and areas of criminal law thought.

Keywords: science, social science, humanities, jurisprudence, criminal law, criminal law doctrine, theory of criminal law, criminal law science, criminal law issue, criminal law information

For citation: Dolgopolov KA, Ivanov SA, Golubov MA. The concept and features of modern russian criminal legal science. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):53-59. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10108 (In Russ.)

Введение

Современная российская уголовно-правовая наука — мало изученный феномен. И здесь, прежде всего, имеются в виду, не отдельные теории, касающиеся тех или иных институтов уголовного права либо отдельных уголовно-правовых вопросов, а современная теория российского уголовного права как целостное научное явление, обладающее общими качественными и количественными характеристиками. Безусловно, одной из причин этого является высокая степень абстрагирования таких научных исследований, которые могли бы охватить всю современную уголовно-правовую науку России целиком. Сложности вызывает и само понятие «современная российская уголовно-правовая наука», ведь

непонятно с какого именно момента развития теорию уголовного права следует считать современной и какую именно её часть относить к российской научной мысли.

Описание исследования

Понятие «современная российская уголовно-правовая наука» является сложносоставным понятием, так как состоит из нескольких обозначающих его терминов. Термин «современная» характеризует нынешний этап развития российской уголовно-правовой доктрины. Учитывая, конечно, всю относительность значения термина «современная» для установления ясности в этом вопросе предлагаем к современной российской уголовно-правовой науке относить тот период

её развития, который начался с момента принятия в 1996 году нового УК РФ и продолжается по настоящее время. Приблизительно в таком же временном промежутке предлагается рассматривать современную российскую уголовно-правовую науку в крупных научных изданиях [1, с. 671–687].

Определенные трудности вызывает и понимание термина «российская» применительно к уголовно-правовой науке. При отнесении тех или иных уголовно-правовых исследований к российским за основу можно взять три критерия: 1) субъект исследования, то есть российского ученого, под которым надлежит понимать физическое лицо, занимающееся изучением уголовного права на профессиональном уровне и имеющим российское гражданство; 2) проведение уголовно-правовых исследований на русском языке как государственном языке Российской Федерации; 3) объект исследования, к которому относится преимущественно российское законодательство в его историческом, теоретическом и практическом аспектах. Наличие всех трех указанных критериев однозначно указывает на то, что проведенное уголовно-правовое исследование выступает неотъемлемой частью российской уголовно-правовой науки. В то же время некоторые из указанных критериев могут отсутствовать в уголовно-правовых исследованиях, что, тем не менее, не исключает их из состава российской уголовно-правовой науки. Так, за последнее десятилетие (речь идет о периоде с 2012 по 2022 год) распространилась практика публикации научных работ по уголовному праву российскими учеными в изданиях, индексируемых в международных базах данных Scopus и Web of Science на английском или иных иностранных языках. В силу постепенного сближения уголовно-правовых систем различных стран в результате происходящего на наших глазах процесса глобализации объектами исследования российских ученых все чаще становятся вопросы, которые касаются исключительно уголовного законодательства зарубежных стран и не связаны напрямую с проблематикой уголовного права России. Поэтому единственным надежным критерием отнесения тех или иных научных работ по уголовному праву к российской теории уголовного права выступает субъект исследования — российский ученый.

Полностью отдавая отчет в том, что за прошедшие четверть века российская уголовно-правовая наука неоднократно меняла направления своего развития нельзя не отметить некоторые основные черты, которые её, тем не менее, все это время характеризовали.

Во-первых, уголовно-правовая наука по своей природе является социально-гуманитарным знанием. Это говорит о том, что теория уголовного права исследует проблемы, связанные как с обществом в целом (общественные отношения), так и с конкретным индивидом, отдельным человеком. Как известно одним из ведущих принципов современного уголовного права является принцип гуманизма. В части 1 статьи 7 УК РФ говорится, что «Уголовное законодательство обеспечивает безопасность человека». Это положение существенно повлияло на современную теорию уголовного права, в значительной мере пронизав её гуманистическим духом, который был во многом чужд советской уголовно-правовой науке. Отсюда можно сделать вывод, что современная наука уголовного права России не просто гуманитарная, а гуманистическая наука, которая призвана решать вопросы, связанные с предотвращением угрозы совершения преступлений против человека как высшей ценности общества.

Во-вторых, теория уголовного права является юридической наукой, поскольку она призвана изучать преступное поведение физических лиц в реальных общественных отношениях, соотнося их с теми юридическими нормами, которые закреплены в уголовном законодательстве, заодно изучая способы и формы выражения самих норм уголовного права. Юридическая сторона уголовно-правовой науки неразрывно связана, таким образом, с нормативной основой общественных отношений, позволяющей им функционировать в определенных заданных государством параметрах, находящей непосредственное выражение в положениях уголовного законодательства. Уголовное право как наука может, конечно, изучать и более отвлеченные идеи, имеющие уголовно-правовое значение, напрямую не связанные с нормами уголовного права, но необходимо иметь в виду, что она представляет собой, в первую очередь, практическое знание, ориентированное на реальное воплощение его в общественных отношениях с целью повышения эффективности охраны важнейших социальных ценностей от причинения им вреда преступными посягательствами. Вне своего практического значения теория уголовного права теряет всякий смысл и значение и превращается в оторванные от реальности пустые рассуждения на уголовно-правовую тематику.

В-третьих, наука уголовного права относится к отраслевым юридическим наукам, потому, что само уголовное право представляет собой лишь отдельную отрасль российского

права, ограниченную сферой уголовно-правового воздействия на социальные взаимодействия. В связи с этим теория уголовного права изучает не все юридические нормы, а только нормы уголовного права, закрепленные в том или ином виде в УК РФ. В то же время нельзя не отметить, что в силу взаимодействия различных отраслей российского права между собой, в предмет изучения уголовно-правовой науки часто попадают те правовые нормы, которые характеризуют конституционное, административное, гражданское, налоговое, семейное и другие отрасли права, и вместе с тем также составляют содержание определенных уголовно-правовых запретов, имеющих бланкетный способ закрепления. Это свидетельствует о том, что общественные отношения в реальной социальной среде очень сильно взаимосвязаны (переплетены) между собой и на практике их порою нельзя четко разделить на уголовные, гражданские, налоговые и иные правоотношения. Суть уголовных правоотношений чаще всего в том и состоит, чтобы обеспечивать охрану и функционирование других видов правоотношений, включая их непосредственно в свое содержание. Взять, к примеру, семейные алиментные отношения, существование которых обеспечивается уголовно-правовой нормой, закрепленной в статье 157 УК РФ, что делает их неотъемлемой составной частью, внутренней стороной тех уголовно-правовых отношений, которые охраняют их от причинения им вреда преступными посягательствами в виде неисполнения одной из сторон алиментных обязательств. И таких примеров можно привести в современном уголовном законодательстве немало.

Отраслевая характеристика уголовно-правовой науки не означает, что она должна замыкаться лишь на уголовно-правовом пространстве (в его правотворческом, правоприменительном, содержательном, формальном, прогностическом и историческом аспектах), отбрасывая все остальное. Уголовно-правовая наука тесно взаимодействует, не только с другими юридическими науками, но и с философией, социологией, этикой, антропологией, историей, религиоведением и иными научными дисциплинами, обогащаясь научным материалом сама и обогащая их. Как отмечал по этому поводу А. Э. Жалинский, «Размышления о свободе воли и детерминизме поведения, вине и невиновности, жизни и смерти, моем и чужом, праве на самозащиту и обязанности претерпевать страдания от посторонней руки — все эти темы традиционно программируют помимо философии социологию, антропологию, этику, экономику

и другие науки» [2, с. 9]. Сказанное позволяет сделать вывод, что наука уголовного права не имеет точных границ предмета исследования. Это приводит к тому, что в рамках научных работ по уголовному праву иногда осуществляются такие рассуждения, которые выходят далеко за пределы, связанные непосредственно с уголовно-правовой материей. В то же время нельзя не отметить и то обстоятельство, что отсутствие в научной работе, всяких связей с уголовно-правовыми вопросами явно указывает на то, что она находится вне сферы теории уголовного права. Уголовно-правовую науку такими трудами не следует безосновательно «размывать» превращая её в обсуждение всего на свете. У теории уголовного права есть свой предмет исследования, который позволяет рассматривать её как самостоятельную отрасль научного знания и сложность его определения заключается лишь в неразрывной взаимосвязи предмета науки уголовного права с другими социальными, политическими, психологическими, биологическими и иными феноменами не позволяющей его рассматривать в целом ряде случаев изолированно от них.

В-четвертых, наука уголовного права относится к так называемым наукам криминального цикла, в центре внимания которых находятся такие важные общественные явления как преступление и наказание. Преступление — это наиболее опасный с точки зрения общества и государства случай нарушения нормы закона, а наказание принято рассматривать как наиболее карательную по форме и содержанию реакцию государства на подобные нарушения. Выделение преступления и наказания как основополагающих частей предмета науки уголовного права не является новым. В дореволюционной научной литературе на это обращал внимание И. Я. Фойницкий, отмечая, что «наука уголовного права посвящается исследованию двух взаимно себя дополняющих и друг друга обусловливающих понятий: понятия о преступном деянии и понятия о наказании» [3, с. 7].

В-пятых, уголовно-правовая наука имеет как фундаментальный, так и прикладной характер. Она изучает не только сферу общих, концептуальных понятий уголовного права, но и вопросы применения конкретных положений уголовного законодательства в реальных общественных отношениях. Для науки уголовного права характерно, что она познает уголовное право и как целостный социально-юридический феномен и как совокупность отдельных, относительно самостоятельных уголовно-правовых вопросов, требующих

своего решения. Именно теория уголовного права привела к выделению в качестве самостоятельной структурной единицы в уголовно-правовых актах Общей части уголовного законодательства, представляющей собой по сути дела обобщение и систематизацию уголовно-правового материала, подчерпнутого из Особенной части уголовного закона. Достижения науки уголовного права в значительной степени отражаются и на систематизации российского уголовного законодательства, которое приобретает все более логически и научно обоснованный характер. Тем не менее, не следует думать, что только уголовно-правовая наука оказывает влияние на уголовное законодательство. Изменения уголовного закона также отражаются на теории уголовного права и содержании проводимых в ней исследований. Например, введение в УК РФ норм о судебном штрафе повлекло за собой целую волну уголовно-правовых исследований, посвященных данному институту. По сути, появление в уголовном законодательстве любого нового термина сопровождается его широким научным обсуждением, находящим выражение в соответствующих работах по уголовному праву. Таким образом, уголовное законодательство и теория уголовного права взаимно влияют друг на друга, совместно обогащаясь за счет такого взаимодействия.

В-шестых, как феномен объективной реальности теория уголовного права представляет собой выработанную в процессе научной деятельности уголовно-правовую информацию, которая зафиксирована в определенных доступных для познания формах (бумажных носителях, электронных текстовых документах, аудио и видеоматериалах). Те же уголовно-правовые идеи, мысли и точки зрения, которые находятся в сознании ученого и не имеют никакой объективной формы выражения являются составляющей частью уголовно-правового аспекта его правосознания и не входят в науку уголовного права. Они могут быть источником уголовно-правового знания, но не являются им самим.

Важно отметить, что современная уголовно-правовая наука, хотя и ориентирована на систему уголовного законодательства, не является в строгом смысле слова систематизированным феноменом, поскольку представляет собой живую, постоянно развивающуюся сумму уголовно-правовой информации, внутренне часто между собой не согласованной, а потому и не подлежащей какой-либо систематизации, которая характерна для более стабильных явлений. И этим наука уголовного права отличается от уголовного права

как учебной дисциплины, которая действительно является систематизированным сводом уголовно-правовых знаний. В теории уголовного права не все ученые согласны с такой позицией. Например, А. В. Наумов под наукой уголовного права понимает «систему уголовно-правовых взглядов, идей и представлений об уголовном законе, его социальной обусловленности и эффективности, закономерностях и тенденциях его развития и совершенствования, о принципах уголовного права, об истории уголовного права и истории его развития, о зарубежном уголовном праве» [4, с. 20–21]. При этом указанный ученый не уточняет, кто конкретно может систематизировать всю уголовно-правовую науку целиком. Так, в качестве систематизатора уголовного законодательства выступает законодатель, которые действует в отношении распределения уголовно-правовых норм по структурным разделам официального правового акта как единый субъект. Систему уголовного права как учебной дисциплины определяет соответствующая ей учебно-методическая программа. В науке же уголовного права такого субъекта, который смог бы её всю систематизировать на данный момент нет. В нашей стране пока нет даже такой базы данных, которая бы содержала библиографическое описание всех изданных статей по уголовному праву. Существующий в настоящее время Российский индекс научного цитирования, хоть и охватывает собой большую часть статей по российскому уголовному праву, тем не менее, еще очень далек от полного описания метаданных всех имеющихся формальных источников современной теории уголовного права, не говоря уже о советской или дореволюционной уголовно-правовой науке. Возможно, обработка и систематизация всей совокупности имеющихся уголовно-правовых знаний станет делом созданного в будущем искусственного интеллекта, который сможет проделать такой гигантский объем работы, но перед этим весь опубликованный уголовно-правовой материал необходимо перевести в электронный формат, что сделать очень непросто.

Современная российская уголовно-правовая наука имеет целый ряд индикаторов, по которым легко можно установить её основные особенности. В философии науки под индикаторами науки и техники принято понимать систему количественных и качественных показателей, отражающих состояние и динамику изменений научно-технического потенциала [5]. Применительно к уголовно-правовому знанию, его индикаторами развития являются: объем публикационной активности в сфере

уголовного права; число ученых, занимающихся уголовно-правовой проблематикой; качество уголовно-правовых исследований; круг обсуждаемых уголовно-правовых вопросов; распределение научных работ по различным уголовно-правовым вопросам; эффективность и общественная полезность уголовно-правовых работ, обусловленная их научной актуальностью и востребованностью обществом; степень оригинальности научных работ, посвященных проблемам уголовного права.

Указанные индикаторы ясно показывают, что состояние современной российской уголовно-правовой науки достаточно противоречивое. Она не находится в глубоком кризисе как об этом говорил А. Э. Жалинский [6], но некоторые её показатели указывают на наличие достаточно большого количества проблем. С одной стороны, современная российская уголовно-правовая наука характеризуется резко возросшим количеством публикаций по уголовно-правовым проблемам, с другой стороны отмечается снижение качества работ в области уголовного права. Характеризует современную российскую уголовно-правовую науку и другие моменты:

1) неравномерное распределение научного внимания по различным уголовно-правовым вопросам. Так, в частности, за последние пятнадцать лет, в России появилось огромное количество уголовно-правовых работ, посвященных коррупции, которые имели мало практической пользы, поскольку не отразились должным образом на снижении уровня совершенных коррупционных преступлений. Понятно, что коррупция представляет собой одну из наиболее значимых угроз существования российского государства, но в уголовно-правовом плане коррупционные преступления мало чем отличаются, например, от преступлений против мира и безопасности человечества, которым в научной среде уделяется не так много внимания.

2) открытый характер уголовно-правовых исследований, которые находятся в свободном доступе в общественных библиотеках либо размещаются на сайтах всемирной сети «Интернет». Это позволяет ознакомить с ними всех заинтересованных в проблемах уголовного права лиц. При наличии некоторой финансовой возможности можно раздобыть в настоящее время практически любую уголовно-правовую публикацию, в том числе изданную в советский или дореволюционный период.

3) наличие низкого авторитета у уголовно-правовой науки, который обусловлен пренебрежительным отношением к науке в целом

как социальному институту со стороны российского государства и общества. О науке сейчас много говорится в средствах массовой информации, но, к сожалению, для её развития делается явно недостаточно. На низкий статус науки уголовного права обратил внимания еще А. Э. Жалинский, о чем и упомянул в одной из своих научных работ [7, с. 22].

4) стремительно протекающий процесс цифровизации современной российской уголовно-правовой науки, выражающийся в существенном росте тех уголовно-правовых работ, чьей единственной формой представления является электронная форма, в частом проведении научных конференций по уголовному праву с использованием компьютерных технологий и сети «Интернет», в публикации уголовно-правовых документов на различных сайтах, в анализе уголовно-правового материала с помощью текстовых редакторов, в проверке оригинальности работ по уголовному праву системой «Антиплагиат», в обработке и систематизации уголовно-правового материала с помощью справочных правовых систем (КонсультантПлюс, Гарант, Законодательство России и других), в возможности знакомства с практикой уголовного правоприменения с помощью сети «Интернет», а также в ином облегчающем работу с уголовно-правовой информацией использовании цифровых технологий.

5) совмещение уголовно-правовых исследований с другими отраслями научного знания при изучении проблем борьбы с преступностью. Уголовно-правовую информацию часто комбинируют с философскими, криминологическими, социологическими, экономическими, филологическими, психологическими и другими знаниями для более всестороннего и полного понимания природы уголовно-правовых феноменов и связанных с ними явлений.

6) стирание границ между различными уголовно-правовыми школами и направлениями уголовно-правовой мысли. В настоящее время можно говорить о том, что в современной российской уголовно-правовой науке произошёл синтез классической, социологической, антропологической и гуманистической школ уголовного права с сохранением преобладающего влияния классической школы, что находит определенное отражение в понятиях преступления, вины, состава преступления и наказания как основополагающих понятий уголовного права.

Заключение

Современная российская уголовно-правовая наука имеет большой потенциал для

дальнейшего развития, однако он может быть активирован лишь при наличии определенных социальных условий, которые появятся при сдвиге в положительную сторону отношения российского государства и общества к теории уголовного права как к несомненной научной и культурной ценности, подлежащей бережному сохранению и преумножению.

Список источников

1. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. Санкт-Петербург : Изд. проф. Малинина, 2005. 699 с.
2. Жалинский А. Э. Современная уголовно-правовая наука // Современное уголовное право и криминология : сборник научных трудов / отв. ред.: Жалинский А. Э. Москва : Изд-во ИНИОН РАН, 2007. 252 с.
3. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. Москва : Добросвет-2000 ; Городец, 2000. 464 с.
4. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2-х томах. Т. 1. Общая часть. 3-е изд. перераб. и доп. Москва : Юрид. лит., 2004. 496 с.
5. Лебедев С. А. Философия науки : словарь основных терминов. Москва : Акад. Проект, 2004. 316 с.
6. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2009. 400 с.
7. Жалинский А. Э. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголовное право. 2005. № 1. С. 21–24.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 24.10.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.01.2023.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

БЕЗОПАСНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Михаил Николаевич Зацепин¹, Елена Михайловна Глушкова²

¹Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева
Екатеринбург, Россия
mnz-1958@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-1006-4660>

²Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
Уральский институт (филиал), Екатеринбург, Россия
elena.zatsepina@mail.ru

Аннотация. В статье представлено исследование формирования принципов уголовного законодательства в отношении безопасности предпринимательства в каждой стадии применения уголовно-правовых норм. Отмечается роль криминологических исследований в формировании этих принципов. Краткий обзор развития категории «безопасность предпринимательства» в отечественной правовой доктрине и ее взаимосвязь с уголовным законодательством. Авторами определена суть безопасности предпринимательства, которая проявляется в создании уголовных законов и их практическом применении, выражении взглядов общества и касается преступности, а также практики применения правовых норм. Установлена цель указанной категории и дана оценка общественной опасности поведения предпринимателей. Помимо этого, авторами оценивается применение данной категории в отдельных областях уголовного права, в частности в криминалистике, уголовно-исполнительном праве и т. д. Авторы определяют задачу безопасности предпринимательства, устанавливают основу правильного и своевременного проведения мероприятий безопасности предпринимательства. В статье раскрыты закономерности преступности в сфере безопасности предпринимательства и уголовного законодательства.

Ключевые слова: безопасность, предпринимательство, уголовное законодательство, защита, преступность

Для цитирования: Зацепин М. Н., Глушкова Е. М. Безопасность предпринимательства и уголовное законодательство // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 60–69. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10109

Research article

BUSINESS SECURITY AND CRIMINAL LAW

Mikhail N. Zatsepin¹, Yelena M. Glushkova²

¹Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia
mnz-1958@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-1006-4660>

²Urals Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Russian Ministry of Justice), Yekaterinburg, Russia
elena.zatsepina@mail.ru

Abstract. The article examines the formation of the principles of criminal law with respect to the security of business at each stage of application of criminal law standards. It notes the importance of criminological research in the formation of these principles. The article contains a brief overview on

the development of the business security concept in the domestic legal doctrine and its relationship with the criminal law. The authors define the essence of business security, which is manifested in the creation of criminal laws and their practical application and the expression of the views of society, and which concerns crime and the practice of applying legal norms. They establish the purpose of the said concept and assess the public danger of entrepreneurs' behavior. In addition, the authors evaluate the application of this concept in certain areas of criminal law, in particular in criminology, criminal enforcement law, etc. They define the objectives of business security; establish the basis for the correct and timely implementation of business security measures. The article describes crime patterns in the field of business security and criminal law.

Keywords: security, business/entrepreneurship, criminal law, protection, crime

For citation: Zatsepin MN, Glushkova YeM. Business security and criminal law. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):60-69. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10109 (InRuss.)

Введение

Безопасность предпринимательства должна заключаться не в избавлении от ответственности уже совершивших преступления, а в обеспечении криминологической аналитики механизмов становления предпринимателей на преступный путь, изучении причин и условий криминального поведения, и на этой основе организации предупреждения преступности предпринимателей. Неблагоприятные тенденции различных криминальных проявлений в сфере предпринимательства характеризуются пренебрежением и игнорированием позиций ученых, отсутствием уважения к научному знанию, хаотичным и опасно криминогенным характером изменения антикриминального законодательства. Практическое отсутствие криминологических исследований вопросов о состоянии, тенденциях и характеристиках преступности их причин, и разработки мер предупреждения преступности неблагоприятно влияют на качество всей системы борьбы с ней. Их отсутствие производит разрушение общей организации борьбы с преступностью и ее предупреждение, основанного на анализе процессов детерминации преступности — информационно-аналитическую деятельность, прогнозирование, выработку стратегии и тактики борьбы, программно-целевое планирование, координацию деятельности и взаимодействие разных субъектов, участвующих в борьбе с преступностью¹. В этой связи проблема соотношения

безопасности предпринимательства и совершенствования уголовного законодательства как никогда актуальна.

По мере развития предпринимательства и его роли в общественных отношениях, их усложнения и коммуникативной активности, уголовное законодательство перестает быть стабильным, и в определенной мере это оправданно, так как уголовный закон, правоохранительная и судебная практика служат основой правового регулирования. Система правового регулирования безопасности предпринимательства — один из значимых элементов законов и подзаконных актов других отраслей права, наполняющих конкретным содержанием бланкетные диспозиции уголовно-правовых норм, процесс их применения при вспомогательной деятельности законодателя, правоохранительных органов. Задачи такого регулирования закреплены в уголовном законодательстве, а осуществление их происходит непосредственно в отношении предпринимателей опосредованно деятельностью правоохранительных органов. В этой связи возникают вопросы о соотношении безопасности предпринимательства и совершенства уголовного законодательства, средств их обеспечения и стабильности системы регулирования в целом².

Описание исследования

Рассмотрение и изложение наиболее общих положений уголовного законодательства, основных принципов, причин отсутствия действенной безопасности предпринимательства, динамики, отдельных детерминантов

¹ Совершенствование уголовного законодательства — процесс динамичный, и в России он идет интенсивно, а обуславливается это изменениями в социально-экономическом строе, сменами политического режима в государстве: уголовное уложение 1903 года, уголовное право РСФСР 1919 года, уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926, 1960 годов, уголовный кодекс РФ 1996 года. Обновилась экономическая преступность, возглавляемая мошенническими действиями, криминальным банкротством и рейдерством, в силу не только объективных оснований

необходимости совершенствования уголовного законодательства, активно воздействует и такой фактор, как политика (политическая воля).

² См. Путин одобрил отказ от преследования по экономическим статьям. // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/news/239602/> (дата обращения: 05.05.2022).

и стимуляторов преступности, существующих форм безопасности предпринимателей связано с качественной переориентацией в сфере экономики, где ведущую роль играет отечественное предпринимательство. На безопасность предпринимательства направлены усилия государства и общества лишь в общем контексте комплекса действий правоохранительных органов, играющих важную, но не всеобъемлющую роль. Говорить о безопасности предпринимательства через различные формы государственной деятельности мы будем в основном через правоприменительные действия уголовного законодательства и прежде всего через систему ликвидации и нейтрализации отрицательных условий, в которых формируется антиобщественная направленность субъекта, совершающего преступление. Это предупреждение преступности путем ликвидации причин ее порождающих, на что государство направляет свои усилия, чтобы создать обстановку, при которой становится невозможным совершать правонарушения. В нашем исследовании мы ведем речь об уголовном законодательстве, влияющем на безопасность предпринимательства, используя учение криминологии о причинах преступности, о предупреждении преступлений в смысле уяснения тех ценностей, с которых начинается нравственное формирование в России предпринимательства. В данном случае мы абстрагируемся от конкретного предпринимателя, виновного в конкретном правонарушении, и в равной мере от тех шагов, которые должны быть предприняты, чтобы не допустить совершения правонарушения. Такие способы научного исследования безопасности предпринимательства имеют одинаково важное значение в развитии форм и методов предупреждения правонарушений, касающихся уголовного законодательства. Уголовное законодательство практически не занимается аспектами предупреждения правонарушений и считается, что для него это серьезного значения не имеет, так как оно применяется в уголовном, административном праве, а также в уголовном процессе и криминалистике.

Специфика безопасности предпринимательства перечисленных отраслей права и соответствующих их действий определяет сам способ применительно к конкретной отрасли. Что же касается вопроса безопасности предпринимательства в исследованиях, он решается вместе с раскрытием и объяснением причин совершенных правонарушений, присущих субъекту преступления, а вскрыть и объяснить те условия, которые определяют характер и интенсивность совершенных

предпринимателями и в отношении них преступлений, возможно только через криминологические исследования как части уголовного законодательства¹.

Однако систему правового регулирования безопасности предпринимательства нельзя сводить и к уголовному законодательству, оно является лишь одним, хотя и очень важным элементом. Другими элементами выступают законы и подзаконные акты других отраслей права, наполняющие конкретным содержанием бланкетные диспозиции уголовно-правовых норм, а также процесс применения права, вспомогательная деятельность законодателя, правоохранительных органов, ученых по обеспечению правового регулирования общественных отношений. Вне всякого сомнения, что осуществление их происходит в значительном числе случаев не непосредственно в отношении предприниматель — закон, а опосредованно — закон — деятельность правоохранительных и судебных органов — предприниматель.

В этой связи вопрос о соотношении безопасности предпринимательства, средств обеспечения и уголовного законодательства как системы правового регулирования в целом связан с определением путей и средств повышения профилактической деятельности и созданием условий для внедрения предложенных рекомендаций в практику. Криминология оказывает значительное влияние на развитие науки уголовного права и уголовно-процессуального права, обеспечивая их сведениями о преступности, ее причинах, основываясь на фактическом материале криминологических исследований. Преступность как историческое явление находится в закономерной связи с общественными отношениями соответствующей эпохи, не бывает причин преступности, находящихся вне общественного строя и не связанных с его характером. Необходимо конкретно исследовать происхождение определенных категорий преступлений, так как будучи социальным явлением, преступность в то же время является проявлением человеческих поступков, которые обуславливаются наличием объективных и субъективных факторов.

В общей системе общественных явлений преступность является частью всеобщих взаимосвязей, а задачу выделения преступности из общей взаимосвязи явлений облегчает уголовное законодательство. Преступность

¹ См. 85 % преступлений против жизни и здоровья совершают мужчины // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/news/235881/> (дата обращения: 05.05.2022).

неоднородное явление, включающее в себя множество видов преступлений и обуславливающееся множеством причин, комплексом, в котором причины экономических преступлений проявляются одновременно или в отдельности.

Мы специально рассматриваем соотношение безопасности предпринимательства через уголовное законодательство, которое устанавливает цели, тактические и методические приемы, которые как часть общей политики применяются в борьбе с преступностью и отражают соответствующий общественно-политический строй.

Принципы уголовного законодательства определяются закономерностями формирования преступности и достигнутыми результатами в борьбе с ней в данных общественно-политических условиях. Уголовное законодательство существует столько же времени, сколько существует и преступность, помимо этого, оно является формой проявления уголовной политики государства.

Уголовное законодательство в сфере безопасности предпринимательства противоречиво и недостаточно формулирует необходимые требования, реализуемые в уголовном праве и в правоприменительной деятельности органов государства, а криминологический материал необходим для формулирования положений уголовного законодательства в области безопасности предпринимательства [1, с. 108]. Недостаточная разработка проблем безопасности предпринимательства в уголовном законодательстве как части политики государства, которая выражается в уголовном праве и в практике его применения, принимает характер реальной угрозы стабильности национальной безопасности. При таком понимании мы не отходим от уголовного права, а в рамках уголовного законодательства определяем средствами уголовно-правового характера и даем направление определению содержания уголовно-правовых норм.

И уже в соответствии с требованиями уголовного законодательства определяется круг уголовно-наказуемых деяний, то есть решается проблема криминализации деяний, устанавливается наказуемость деяний, т. е. основу применения норм уголовного права создают положения уголовного законодательства¹.

¹ Существующее ограничение сферы действия уголовного законодательства в части безопасности предпринимательства дает только исходные положения к таким сферам, как судебная (уголовно-процессуальная) и уголовно-исполнительная политика, в соответствии с их требованиями создаются нормы уголовного законодательства

Взаимосвязь и влияние публикуемой статистики в постоянно изменяющемся законодательстве о борьбе с преступностью выявляют тенденции уже уголовной политики, проявляющей себя как на уровне законотворчества, так и правого применения, отчетности. В стратегическом плане законодатель не всегда исследует, прогнозирует, и нередко игнорирует общепринятое положение о системном характере преступности, а также традиции признания деяний преступными. Прямолинейные суждения о безопасности личности и экономики привлекают внимание к реальной иерархии ценностей, которая выстраивается в рамках уголовной политики и законотворчества. Система ценностей, отражающаяся в законодательных новеллах, все более приближается к ценностным ориентациям криминального мира, а состояние преступности показывает стадии общественного развития, определяемые экономическими, политическими, социальными и культурными отношениями формирующие тактику и методы уголовного законодательства. Статистика преступности показывает результаты негативного общественного явления, определяемого экономическими, политическими, социальными и культурными отношениями, формирующие тактику и методы борьбы с преступностью. Криминологические исследования раскрывают причины и условия преступности, способствуют более эффективному, результативному применению уголовно-правовых средств, осуществлению не уголовно-правовых (государственных и общественных) мер, применение которых препятствует совершению правонарушений, а результаты исследований осуществляют не статистическую (регистрационную) деятельность и в определенном смысле оказывают формирующее воздействие на проведение системных профилактических мероприятий. Определенность круга преступных деяний предпринимателями и против них, очерченная нормами уголовного законодательства, дает возможность осуществлять сотрудничество взаимосвязанных уголовно-правовых деяний, взаимно использовать результаты криминологических исследований².

в области борьбы с преступностью и практики его применения. См., напр. Верховный суд выпустил первый обзор практики за 2022 год // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/241049/> (дата обращения: 01.06.2022).

² См. На 10 % выросла экономическая преступность в 2021 году // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/news/234052/> (дата обращения 01.06.2022).

Методы борьбы с преступностью также соответствуют особенностям общественных отношений и осуществляются соответствующими социальными требованиями. В общем своем значении безопасность предпринимательства представляет собой такую практическую деятельность в обществе, которая на основе теоретического и практического опыта проводится при решении задач, возникающих в различных областях общественной жизни. Наряду с определением задач, безопасность указывает направление для решения различных общественных проблем с обозначением форм и содержания деятельности. Следовательно, безопасность с одной стороны определяет задачи и связанную с ней деятельность, а с другой она является также самой этой деятельностью. Безопасность предпринимательства имеет определенную специфику в различных областях общественной жизни. На основе специализации общественных отношений, выделения отдельных областей безопасности предпринимательства применительно к преступности, уголовное законодательство определяет цели, тактические и методические принципы, которые как часть общей безопасности применяют в борьбе с экономической преступностью, где предпринимательская деятельность рассматривается как ключевой фактор развития экономики. Применение уголовно-правовых средств и уголовное законодательство служат тем, чтобы своим влиянием способствовать предупреждению преступности, удержанию предпринимателей и не только их от совершения правонарушений. Они выполняют значительную роль и непосредственно служат целям предупреждения преступности и те общественные и государственные мероприятия, которые на основе выявленных причин и условий преступности устраняют или нейтрализуют эти причины и условия, что препятствует совершению других преступлений¹. Решение этих задач становится приоритетным для наук криминологии и уголовного права как интегрирующие их выводы и рекомендации для выражения в уголовной политике.

В процессе разработки как уголовно-правовых, так и не уголовно-правовых средств борьбы с преступностью, а также в ходе их применения складывается безопасность

¹ См. Как найти мошенников в компании и противостоять им // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/240945/> (дата обращения: 26.05.2022) ; Как защитить коммерческую тайну // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/238090/> (дата обращения 22.02.2022).

предпринимательства, то есть реализуются принципы уголовного законодательства. В их рамках, применительно к специфическому явлению — преступности — формируются принципы безопасности предпринимательства. Принципы безопасности предпринимательства определяются закономерностями формирования преступности, а равно результатами, уже достигнутыми в борьбе с ней в данных социально-политических условиях. Безопасность предпринимательства проявляется в создании уголовных законов и их практическом применении, выражении взглядов общества или его части и касаются преступности и практики применения правовых норм. Уголовное законодательство вместо преступного деяния выдвинуло на первый план исполнителя этого деяния и проявляет общее стремление к усилению репрессий с явным креном в сторону специальной превенции, где принципы неотвратимости и соразмерности наказания растворяются. Тем самым уголовное законодательство стремится удовлетворить общественно-политические потребности через уголовно-правовую практику, это уже выясненный и никем не оспариваемый факт. Исследование преступности, результаты криминологического изучения доказывают, что проблемам безопасности предпринимательства необходимо уделять больше внимания на государственном и общественном уровне. Не претендуя на исключительность предложенных профилактических мер, через уголовное законодательство мы стремимся выяснить проблему безопасности предпринимательства с точки зрения преступности².

Безопасность предпринимательства проявляется в борьбе со всей преступностью. Уголовное законодательство изучает причины фактов, отнесение которых к безопасности предпринимательства зависит не от него, а от законодателя. К тому же отнесение тех или иных действий к числу преступных, а также описание конкретных составов преступлений, их юридическая оценка в серьезной мере зависят от воли законодателя, хотя, несомненно, в конечном счете воля эта обусловлена материальными условиями в жизни общества. Безопасность предпринимательства сводится главным образом к предупреждению конкретных преступлений и перечню органов, осуществляющих задачу непосредственной борьбы с преступностью. Связь уголовного законодательства и безопасности

² См. «Уголовка» в банкротстве: зачем нужна и чем опасна // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/234610/> (дата обращения: 26.05.2022).

предпринимательства заключается в том, что уголовное право дает законодателю материал для изучения причин и определения рекомендаций для предупреждения преступлений. Закономерности являются больше социальными, а не юридическими, так как они представляют и статистические закономерности. Если известны причины преступности в обществе и пути их преодоления, то генезис развития безопасности предпринимательства и модификация определенных социальных предпосылок формирует защиту предпринимателя¹.

Элементами уголовного законодательства являются социально-политические отношения, состояние преступности и практика борьбы с преступностью. Все эти элементы по своему характеру изменчивы, но в определенные периоды они проявляют относительное постоянство. Принципы уголовного законодательства не являются жесткой догмой, они имеют постоянный характер лишь постольку, поскольку отражают определенное постоянство общественно-политических отношений и динамики преступности. Именно поэтому уголовно-политические принципы по своему характеру и природе таковы, что требуют постоянного изучения упомянутых факторов, учета их изменчивости. Вследствие этого важной задачей безопасности предпринимательства является систематический анализ практики в целях претворения в жизнь единой правовой концепции с одной стороны, а с другой — в интересах формирования уголовного законодательства с учетом новых явлений, возникающих в определенные периоды времени. Основой правильного и своевременного проведения мероприятий безопасности предпринимательства должно быть постоянное изучение состояния общественных отношений и своевременный учет изменений в общественно-политических отношениях и динамике преступности в них. Государственные органы определяют принципы уголовного законодательства, которые отражают изменения в общественно-экономических отношениях и динамике преступности. Следует отметить, что принципы уголовного законодательства могут быть выражены не только в постановлениях, специально посвященных этому вопросу, но также в законах и указах, регулирующих определенные общественные отношения, в распоряжениях

государственных органов, а равно в судебных постановлениях принципиального характера².

В связи с проблемой безопасности предпринимательства необходимо было выяснить, как определяется теоретический опыт, который служит основой для формулирования принципов уголовного законодательства. Ранее мы говорили, что уголовное законодательство складывается на основе изучения общественно-политических отношений, состояния преступности и практики борьбы с нею. Все эти обстоятельства представляют собой реальные явления общественной жизни, элементы, связи, влияние и роль которых в осуществлении преступности можно вскрыть лишь на основе криминологического исследования фактов. Исследования доказывают, что уголовное законодательство строится с учетом реальных явлений действительности, а тактику борьбы с преступностью необходимо избирать исходя из фактических потребностей общества в рамках объективных возможностей. Исследования должны установить, какие социальные факторы способствуют существованию преступности, какие общественные явления возникают вследствие этого и какие процессы происходят в жизни общества. Необходимо раскрывать закономерности преступности и уголовного законодательства, направленного на борьбу с преступностью, для того чтобы безопасность предпринимательства была реальной, практической (законодательной и правоприменительной), а также для того, чтобы вырабатывать практическое направление, которому надлежит следовать в области предупреждения и профилактики. Исследованием перечисленных закономерностей занимаются все уголовно-правовые науки, поскольку они, каждая со своей точки зрения, изучают соответствующие частные явления преступности. В числе этих частных явлений, несомненно, наиболее важное, основополагающее значение имеет знание форм проявления, а также причин и условий преступности, чем занимается криминология. Материал криминологических исследований служит также обоснованию уголовного законодательства лишь косвенно в рамках науки уголовного права и представляет собой необходимый информационный, статистический источник для деятельности, направленной на познание закономерностей преступности [2, с. 52].

¹ См. Дробление бизнеса: главные ошибки и проблемы // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/232349/> (дата обращения: 26.05.2022).

² См. Кто кого: как бизнес судился с государством в 2021 году // Право.ru. URL: <https://300pravo.ru/story/236589/> (дата обращения 01.06.2022).

Опыт, накопленный правоохранительными органами, свидетельствует о том, что в борьбе с преступностью всегда осуществлялись принципы уголовного законодательства, соответствующие данным общественно-политическим отношениям и требованиям данного общества. В наши дни действуют определенные принципы уголовного законодательства, устанавливающие общую тактику и методы борьбы с преступностью и ее предупреждения. Эти принципы основываются на закономерностях преступности, уже известных сегодня, однако их развитие требует постоянного расширения наших знаний в этой области и достигается путем организованных и планомерных криминологических исследований на базе фактического материала, и вырабатываются правильные, соответствующие времени принципы уголовного законодательства, которые способны эффективно определять направление и методы борьбы с преступностью. Изучение практики безопасности предпринимательства заслуживает внимания с той точки зрения, насколько криминологические исследования способствовали формированию принципов соответствующей уголовной политики и каким образом эти принципы проводятся в жизнь. Эти два вопроса следует анализировать вместе, потому что они находятся в диалектической взаимосвязи — практический опыт ведет к формированию новых принципов и в то же время сами эти принципы дают направление новейшим исследованиям¹.

В процессе правотворчества безопасности предпринимательства государство в нормах права, принятых соответствующими властями, определяет те общественно опасные деяния, совершение которых влечет применение уголовных санкций. Цель безопасности предпринимательства должна состоять в том, чтобы путем запретов, велений и санкций, с одной стороны, побуждать к соответствующему поведению, то есть воспитывать предпринимателей, с другой стороны, закон предоставляет органам уголовного преследования такие средства и методы, которые могут быть пригодны для охраны предпринимателей в случае совершения предусмотренных законом деяний. Оценка общественной опасности поведения предпринимателей зависит от современного уровня общественного сознания, от требований общества, является результатом политических, экономических,

социальных и культурных условий. В свою очередь сами социальные условия отражают интересы и волю господствующего в данном случае государственного строя. В рамках тех же самых социальных условий формируется и мнение о том, какие деяния из числа опасных для предпринимателей требуют уголовно-правового регулирования, преследования их в уголовном порядке. В процессе определения санкций против предпринимателей всегда проявляется мнение общества, а принятие правовых актов, процесс правотворчества не спонтанным процессом или явлением, существующим на социальной основе, но является собой отражение политических отношений общества. В правотворчестве претворяются в жизнь политические и экономические принципы безопасности предпринимательства и действуют в отношениях, указывающих на их связь с явлением преступности, то есть соответственно специфике, проявляющейся в сфере преступности. Принципы уголовного законодательства, сформулированные на основе выводов, полученных из анализа динамики преступности, а также из опыта правоприменительной деятельности, определяют, какие объекты предпринимательской деятельности требуют уголовно-правовой охраны и какие меры могут эффективно применяться в борьбе с преступностью².

При анализе безопасности предпринимательства криминология берет за основу составы преступлений, определенные в уголовно-правовых нормах, но в связи с ними на основе исследования связей и зависимостей их с общественными отношениями в круг ее исследования попадают также иные явления, находящиеся в тесной связи с преступностью. Криминологический анализ имеет своим результатом выявление таких общественно опасных деяний против предпринимательства, которые не охвачены уголовно-правовым регулированием, а исследование доказывает, что с некоторыми из этих общественно опасных деяний нужно бороться уголовно-правовыми средствами. Исследования преступлений против безопасности предпринимательства могут привести также к выводу, что они не требуют более уголовно-правового преследования, так как вследствие изменения общественных отношений эти деяния утратили ту степень общественной опасности, которая делает обоснованным применение

¹ См. Клиенты под санкциями: чем рискуют юрфирмы // Право.ru. URL: <https://300.pravo.ru/story/239604/> (дата обращения: 05.03.2022).

² См. Задвоение бизнеса и аффилированный поручитель: банкротные позиции ВС за февраль // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/239816/> (дата обращения: 13.04.2022).

уголовно-правовых мер. Анализ преступности против предпринимателей, ее динамики и эффективности применения уголовно-правовых средств на основе разработки типичных форм ее проявления может способствовать более точному формулированию составов преступлений, в наибольшей мере соответствующему социальной действительности, а также более правильному установлению вида и размера наказания. Формы, в которых результаты криминологических исследований служат основанием для формирования принципов уголовного законодательства, находящих свое выражение в области правотворчества применительно к особенной части УК РФ — система конкретных составов и их соотношение с составами, устанавливающими ответственность за экономические преступления и за действия преступных групп и сообществ¹.

В области безопасности предпринимательства анализ состояния преступности дает представление о том, какие требования предъявляются к деятельности правоохранительных и судебных органов. Типология методов и средств совершения преступлений против предпринимателей, а также типология, выработанная на основе иных объективных и субъективных составов преступления, установление причин и условий их совершения служит основанием для разработки тактики и методики, которые должны применяться при расследовании, то есть для разработки безопасности предпринимательства. Анализ преступлений в отношении предпринимателей с учетом особенностей места времени дает возможность в рамках общих принципов уголовного законодательства выработать специальную профилактику, подлежащую применению в экономической сфере².

Анализ состояния безопасности предпринимательства в связи с проведением судебного разбирательства и назначением наказания дает возможность получить объективные и субъективные обстоятельства, причины и условия совершения преступлений, раскрыть их взаимосвязь с общественно-политическими отношениями для того, чтобы иметь в своем распоряжении такой фактический материал, который обосновывает установление уголовного законодательства, соответствующего общественно-политическим

требованиям к деятельности судов. Знание фактических обстоятельств криминологического характера служит ориентиром при соответствующей оценке опасности предпринимателям. Беря за основу типичные случаи, законодатель в общей форме формулирует правовые нормы и предусматривает систему относительно определенных санкций в отношении предпринимателей, цель которых заключается в том, чтобы правоохранительные органы при разбирательстве конкретного дела имели возможность в указанных границах применить ту меру наказания, которая соответствует тяжести совершенного деяния и личности предпринимателя. Оценка совершенного преступления и его исполнителя не является чисто субъективной, задача состоит в том, чтобы свести их роль к минимуму, так как в процессе формирования приговора по конкретному делу никто не в состоянии абстрагировать от влияния существующих социальных условий. Необходимо учитывать, что влияние социальных условий на отдельных предпринимателей может проявляться по-разному, ибо вследствие различий в способностях, характере, во всей их личности предприниматели по-разному реагируют на внешние обстоятельства, и их оценки также имеют субъективный характер³.

В этом отношении существующее уголовное законодательство предназначено стать основным, объективным критерием для оценки тяжести совершенного преступления и его исполнителя. В процессе применения правовых норм принципы уголовного законодательства выражают общественное мнение, которое претворяется в жизнь, тем самым нормы уголовного законодательства выполняют задачу ограничения субъективных элементов правоприменительной деятельности. Появляется возможность определить, в какой мере влияют на формирование безопасности предпринимательства, а через это и на практику применения уголовно-правовых норм, изменения в «классовых» отношениях общества, происшедшие в последние годы вследствие развития рыночных отношений [3, с. 69]. Точно также социально-экономические отношения в форме уголовного законодательства проявляются и в уголовно-исполнительной системе. Анализ системы наказаний, методы исполнения наказания указывают на их тесную связь с политическими, экономическими, социальными отношениями. Например,

¹ См. ФНС приостановит инициирование банкротств с 9 марта // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/news/239605/> (дата обращения: 05.03.2022).

² См. Верховный суд посчитал налоги, которые должен заплатить ИП // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/240470/> (дата обращения: 29.04.2022).

³ См. ВС назвал критерии предпринимательской деятельности // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/232073/> (дата обращения: 12.06.2022).

создание возможности трудиться осужденному является обстоятельством, зависящим от экономической структуры общества, возможности наладить организацию труда в колониях и тюрьмах. Обучение, профессиональная подготовка, а также более высокое материальное обеспечение, связанное с привлечением осужденных к труду, возможность поддержки со стороны родственников — все это связь с общими социально-политическими отношениями, на действия уголовного законодательства, вытекающие из этих отношений¹.

В области исполнения наказаний безопасность предпринимательства интересует результаты применения уголовного законодательства к отдельным категориям преступников предпринимателей, а также их влияние на дальнейшее состояние преступности. Результаты указанных средств, примененных в борьбе с экономической и не только преступностью, определяют по уровню рецидивной преступности, факт рецидива указывает на то, что примененные средства не оказали должного воздействия. Сам рецидив ни в коей мере не дает основания к усилению безопасности предпринимательства, случается, что наказание не выполнило задачи возвращения предпринимателя к поведению, соответствующему требованиям общества, но бывает и так, что наказание соответствующим образом выполнило свою задачу, но отсутствие помощи после отбытия наказания, то есть необходимых мер поддержки возвращения лица к нормальной жизни в обществе, привело к рецидиву².

Анализируя содержательные проблемы организации исполнения наказания установлено, в какой мере привлечение осужденных к труду предпринимателей, их культурное и нравственное воспитание отвечают цели формирования у них уважения к требованиям общества и удержания от совершения новых преступлений, это такие вопросы, которые без криминологических исследований в настоящее время очень трудно проанализировать. Уже возможно провести количественные исследования по вопросу о видах и размере наказаний применительно к отдельным категориям преступлений предпринимателей, на основе их сопоставления с количественными данными по рецидиву

получить определенные численные и достаточно обоснованные выводы. В этом отношении динамика рецидивной преступности предпринимателей также служит определенным показателем, но сама по себе эта динамика недостаточна для того, чтобы соответствующим образом измерить эффективность методов, применяемых в процессе исполнения наказания. В этой области в порядке эксперимента применяют различные педагогические меры таким образом, чтобы была возможность измерить их воздействие в различные периоды времени. Таким путем появляется возможность получить представление о том, какие методы и средства, применяемые в процессе исполнения наказания, воспитывают осужденных предпринимателей³.

С исполнением наказания ранее были тесно связаны меры, применяемые после его отбытия, а основная цель наказания состояла в том, чтобы перевоспитать осужденного прежде всего самим фактом назначения наказания, что при лишении свободы проявляется в изоляции его от других членов общества, и, кроме того, посредством соответствующего обучения, приобщения к труду, проведения культурной и воспитательной работы сделать его способным к проявлению поведения, соответствующего требованиям общества, вернуть к нормальной жизни в обществе. Считалось, что при наличии оптимальных условий, деятельность по перевоспитанию осужденного приведет к тому, что будут созданы субъективные условия для соблюдения норм общественной жизни. Но была оговорка, что для приобщения лица к общественному труду, для возвращения его в общество, то есть для реализации упомянутых выше субъективных условий, нужно еще создать объективные предпосылки. А процесс ресоциализации может быть успешным только тогда, когда после отбытия наказания лицу будет обеспечена возможность получения соответствующей работы, жилья и прочее, когда будет создана моральная общественная поддержка, которая необходима для укрепления сформированных субъективных предпосылок. Советский опыт свидетельствовал о том, что как бы хорошо ни был поставлен процесс исполнения наказания, проблема ресоциализации этим не исчерпывалась. Меры, применяемые после отбытия наказания, в силу необходимости являлись дополнением к стадии отбытия наказания, и если эти меры отсутствовали,

¹ См. Юристы прокомментировали меры поддержки бизнеса // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/239582/> (дата обращения: 04.03.2022).

² См. В первом полугодии 2021 года за все преступления осуждены 273 888 человек // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/news/235876/> (дата обращения: 04.03.2022).

³ См. Минюст предложил, как вернуть в общество после колонии // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/240197/> (дата обращения: 05.04.2022).

то ресоциализация оказывалась безуспешной, обнаруживались негативные процессы в форме рецидивной преступности [4, с. 11]. Соответствующий анализ мер применялся и после отбытия наказания в сфере рецидива, посредством чего получали представление о том, какие существуют меры, применяемые после отбытия наказания, и насколько они отвечают предъявляемым требованиям, полученный опыт служил основанием для формулирования соответствующего уголовного законодательства¹.

Заключение

В изложенном мы пытаемся показать проявление принципов уголовного законодательства в отношении безопасности

¹ Выход по УДО и экстремизм: Пленум ВС переписал свои «уголовные» постановления // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/story/236203/> (дата обращения: 28.04.2022).

предпринимательства в каждой стадии применения уголовно-правовых норм, а также показать роль криминологических исследований в формировании этих принципов. В ходе этого изложения мы стремились установить тот факт, что уголовное законодательство вследствие тесной взаимосвязи, вытекающей из общности объекта исследования, взаимно используя результаты научных исследований, дают фактический материал для обоснования принципов безопасности предпринимательства. Особую и более самостоятельную роль в формировании принципов уголовного законодательства в сфере предупреждения преступности играют формы правового регулирования, оптимизация организационных структур, правоохранительных органов и соотношение их компетенции, влияющих на способы, мотивацию, последствия преступных действий, а также на индивидуализацию ответственности.

Список источников

1. Гармаш А. М. О преступности в сфере предпринимательской деятельности и о некоторых мерах по ее предупреждению // Известия Саратовского университета Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2012. Т.12, №2. С. 106–110.
2. Дамаскин О. В. Криминологические аспекты противодействия преступности: научно-практическое пособие. Москва :Юрлитинформ, 2017. 262 с.
3. Зацепин М. Н., Зацепин А. М., Филиппова О. В. Криминологические проблемы безопасности предпринимательства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 1. С. 68–70. DOI: 10.23672/SAE.2019.1.24668
4. Южанин В. Е. О ресоциализации осужденных как цели процесса обеспечения реализации наказания в виде лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2015. №4 (32). С. 9–15.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 18.11.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 10.01.2023.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

ПРОГРЕССИВНЫЕ И РЕГРЕССИВНЫЕ ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ И СУДОМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Вера Александровна Задорожная

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ),
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
verum_z@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0003-0001-2661>

Аннотация. Предметом исследования выступает равенство всех перед законом и судом. Целью исследования является выявление и описание факторов, способствующих и препятствующих реализации принципа равенства всех перед законом и судом при производстве по уголовным делам. Гипотеза исследования предполагает, что существуют взаимонаправленные факторы, оказывающие воздействие на реализацию указанного принципа и что их выявление позволит разработать меры, способствующие усилению прогрессивных факторов и уменьшению регрессивных, что приведет к более эффективной реализации принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе. В качестве метода исследования использован категориально-символьный метод «Гексаграмма». В результате проведенного исследования выявлены основные факторы, способствующие развитию и реализации равенства всех перед законом и судом; выявлены основные факторы, препятствующие реализации указанного принципа; разработана факторная модель реализации указанного принципа, комплексно представляющая обе группы факторов. Выводы: прогрессивными факторами, способствующими реализации названного принципа, являются его социальное, правовое и политическое значение. Регрессивными факторами, влияющими на реализацию данного принципа, является его высокая сложность, высокая дискуссионность, высокая ресурсоемкость. Полученный результат может быть использован при разработке мер по совершенствованию механизма реализации равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: равенство, закон, суд, принцип уголовного процесса, реализация, категориальная схема, факторная модель, гексаграмма

Для цитирования: Задорожная В. А. Прогрессивные и регрессивные факторы реализации принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 70–80. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10110

THE PRINCIPLE OF EQUALITY BEFORE THE LAW AND THE COURTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROGRESSIVE AND REGRESSIVE FACTORS OF IMPLEMENTATION

Vera A. Zadorozhnaya

South Ural State University (NRU),
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
verum_z@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-0001-2661>

Abstract. The subject of the study is equality of all before the law and the courts. The aim of the study is to identify and describe factors that promote and hinder the implementation of the principle of equality of all before the law and the court in criminal proceedings. The hypothesis of the research assumes that there are factors that influence the implementation of this principle. The identification of these factors will make it possible to develop measures that promote strengthening of progressive factors and reduction of regressive ones for effective implementation of the principle of equality of all before the law and court in criminal proceedings. The categorical-symbolic method "Hexagram" was used. As a result of the conducted study we have identified the main factors contributing to the development and implementation of equality of all before the law and justice; identified the main factors hindering implementation of this principle; developed a factor model of implementation of this principle, which comprehensively represents both groups of factors. Conclusions: the progressive factors contributing to the implementation of the principle are its social, legal and political importance. Regressive factors affecting the implementation of the principle are its high complexity, high discussion, high resource intensity. The obtained result can be used in the development of measures to improve the mechanism for the implementation of equality of all before the law and the court in criminal proceedings.

Keywords: equality, law, court, principle of criminal procedure, implementation, categorical scheme, factor model, hexagram

For citation: Zadorozhnaya VA. The principle of equality before the law and the courts in criminal proceedings: progressive and regressive factors of implementation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):70-80. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10110 (In Russ.)

Введение

Принцип равенства всех перед законом и судом декларирован в ч. 1 ст. 19 Конституции РФ, закреплен в федеральных конституционных и федеральных законах, регламентирующих отправление правосудия, в том числе, по уголовным делам (ст. 7 Федерального конституционного закона (далее — ФКЗ) «О судебной системе РФ», ст. 5 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в РФ», ст. 4 Уголовного кодекса РФ). Положение о равенстве всех перед законом и судом подлежит реализации в уголовном процессе, что предполагает соответствие данному принципу уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной деятельности.

В вопросе реализации принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе практика законотворчества и правоприменения демонстрирует наличие двух противоположных тенденций: с одной

стороны — деятельность по реализации данного принципа, с другой — его игнорирование либо нарушение во имя решения иных задач. Так, равенство всех перед законом и судом декларировано Основным законом страны, которому обязаны соответствовать законы федерального уровня, каким является Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ). Тем не менее, в тексте УПК РФ данный принцип в целом не реализован. Норма о равенстве всех перед законом и судом не внесена в число принципов уголовного процесса, закрепленных гл. 2 УПК РФ; гл. 52 УПК РФ устанавливает достаточно широкий круг лиц, в отношении которых уголовное судопроизводство ведется по особым правилам в силу их должностного положения, что является неравенством перед законом и судом [15, с. 86; 18, с. 111]. С одной стороны, согласно ч. 1 ст. 197 УПК РФ одним из требований к приговору суда по уголовному делу закон

указывает справедливость, условием которой является равенство всех перед законом и судом [13, с. 34–36], с другой — норма ч. 2 ст. 297 УПК РФ фактически сводит справедливость приговора к его законности, для соблюдения которой равенство всех перед законом и судом не столь необходимо.

Уголовно-процессуальная деятельность как система действий всех участников уголовного процесса также содержит в себе обозначенные тенденции по реализации принципа равенства всех перед законом и судом с одной стороны, и нарушению либо игнорированию данного принципа, с другой. Если рассмотреть всех участников уголовно-процессуальной деятельности [11, с. 31], то апеллируют к соблюдению названного принципа, как правило, участники, имеющие, представляющие или защищающие самостоятельный процессуальный интерес — в тех случаях, когда соблюдение принципа равенства всех перед законом и судом способствует защите такого интереса. Участники уголовного процесса, не имеющие самостоятельного, представляемого или защищаемого интереса, и не заинтересованные в исходе уголовного дела, но содействующие его правильному расследованию, рассмотрению и разрешению, а также присяжные заседатели, не могут реализовывать принцип равенства всех перед законом и судом, поскольку не имеют на это возможностей, таких, как знание судебной практики, полномочия по принятию процессуальных решений и прочих, а также не имеют такой задачи. Обязанность реализовывать принцип равенства всех перед законом и судом лежит на государстве в лице государственных органов и соответствующих должностных лиц (следователе, дознавателе, прокуроре, суде). Однако при производстве по уголовным делам, УПК РФ, которым они руководствуются в своей деятельности, не требует от них соблюдения равенства всех перед законом и судом. Ни ведомственный, ни судебный контроль, ни прокурорский надзор не ставят своей целью проверку соблюдения равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе. Правоприменитель в своей деятельности не озабочен обеспечением равенства всех перед законом и судом: он проводит следственные и иные процессуальные действия, соблюдает сроки, составляет процессуальные документы, занимается организацией расследования в условиях высокой нагрузки и нехватки кадров¹. Само качество

предварительного расследования при этом оставляет желать лучшего [10, с. 89–96]. До равенства ли правоприменителю... Собственно, тенденцию по реализации принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе в целом можно оценить как более слабую, нежели тенденцию его игнорирования или нарушения для решения иных важных задач. С другой стороны, нарушения принципа равенства всех перед законом и судом при производстве по уголовным делам ведут к обострению социальных конфликтов, выходят за рамки права, вызывают общественных резонанс, приводят к актуализации вопроса о реализации данного принципа со стороны общества.

Наличие в уголовном процессе двух противоположных тенденций в вопросе реализации принципа равенства всех перед законом и судом, позитивной и негативной, формируют проблемный вопрос о факторах (от лат. *factor* — движущая сила), которыми поддерживаются эти тенденции. В качестве гипотезы настоящего исследования принимается возможность декомпозировать позитивную и негативную тенденции реализации принципа равенства всех перед законом и судом, выделив основные факторы, оказывающие разнонаправленное воздействие на его реализацию.

Выделение и описание указанных факторов поможет выбрать стратегию в вопросе реализации принципа равенства всех перед законом и судом: либо уменьшить поддерживающие факторы, снизить значимость данного принципа и снять с повестки вопрос о его реализации, освободив ресурсы для решения, например, вопроса об особых правилах уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей [14, с. 122; 19, с. 170–175] без оглядки на соблюдение принципа равенства, и других. Либо уменьшить регрессивные факторы, разработать меры по формированию эффективного механизма реализации принципа равенства всех перед законом и судом, противостоя тенденции его игнорирования и нарушения.

Литературными источниками исследования послужили научные работы, специально посвященные реализации конституционного положения о равенстве всех перед законом и судом в уголовном процессе и других отраслях права; работы, исследующие равенство как правовую категорию, принципы правового и юридического равенства как источники или основы равенства всех перед законом и судом; работы, исследующие принципы, сформулированные на основании ст. 19 Конституции РФ (принцип равенства прав и свобод

¹ В МВД наблюдается некомплект полицейских в ключевых подразделениях // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13742609> (дата обращения: 17.10.2022).

человека и гражданина, принцип равенства человека и гражданина, принципы равенства перед законом, равенства перед судом). В избранных источниках изучались позиции авторов относительно обстоятельств, факторов, влияющих на реализацию исследуемого принципа. В изученных работах авторы не ставили своей целью выявление и описание названных факторов. Тем не менее, каждое из обоснований актуальности темы научного исследования содержит указание на обстоятельства, которые требуют искать пути реализации исследуемого принципа, таким образом оказывая влияние на данный вопрос. В перечислении и описании таких факторов в научном сообществе, исходя из анализируемых работ, прослеживаются общие тенденции, которые можно систематизировать следующим образом: 1) важность исследуемого принципа для общества (важное социальное значение равенства, неравенство как фактор социальной напряженности, болезненная реакция общества на отступления от равенства) [3, с. 64; 17, с. 215; 4, с. 102; 8, с. 13; 9, с. 45]; 2) важность принципа для государства (признак правового государства, условие решения определенных государственных задач) [16, с. 33; 8, с. 14; 12, с. 236]; 3) важность принципа для права (центральная идея правосудия, гарантия соблюдения прав и свобод человека и гражданина, основа правового статуса личности, конституционная ценность) [2, с. 105; 17, с. 215; 8, с. 14; 12, с. 236]; 4) неразрешенность проблемы, необеспеченность, наличие проблем правоприменения [3, с. 67; 16, с. 33; 9, с. 45]; 5) неизменная дискуссионность, отсутствие единого подхода [4, с. 94; 5, с. 150]; 6) сложность проблемы [3, с. 73; 9, с. 42].

Анализ литературных источников показал, что совокупность факторов, влияющих на реализацию принцип равенства всех перед законом и судом, существует. Данные факты возможно выявить, систематизировать, описать. Для этого в исследованиях в большинстве случаев применялись общенаучные методы анализа научной литературы и синтеза. Специальные методы формирования факторных моделей учеными не использовались. Цель выделения прогрессивных и регрессивных факторов реализации принципа равенства всех перед законом и судом в научных работах не формулировалась. Факторы, влияющие на реализацию принципа равенства всех перед законом и судом, выявлены в литературе, однако приведены без связи друг с другом, не собраны в единую систему, не исследуется их совокупность как комплексная проблема, не указано, какое влияние,

позитивное или негативное оказывает конкретный фактор на реализацию принципа равенства всех перед законом и судом. Таким образом, вопрос о системе факторов, позитивно и негативно влияющих на реализацию принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе, в настоящее время в науке не решен. Решение данного вопроса поможет разработке механизма реализации принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве.

Настоящее исследование ставит своей целью выявление и описание факторов, способствующих и препятствующих реализации принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе.

Методы

Специальным методом, пригодным для создания требуемой факторной модели, является категориально-символьный метод «гексаграмма», разработанный В. И. Разумовым [1, с. 152–153]. Данный метод находит применение в планировании, поскольку позволяет принимать во внимание как компоненты, обеспечивающие достижение цели (в нашем случае, реализация принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе), так и компоненты, препятствующие этому. Условием применения метода является возможность выделения в исследуемом объекте двух противоположных аспектов: «прогрессивного» и «регрессивного», каждый из которых может быть представлен тремя компонентами. В настоящем исследовании в качестве таких противоположных аспектов допустимо рассмотреть группу факторов, позитивно и негативно влияющих на реализацию принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе. В каждом аспекте из всей группы позитивных и негативных факторов возможно выделить те, которые наиболее существенно влияют на реализацию рассматриваемого принципа. Таким образом, нами делается вывод о применимости указанного метода для достижения целей настоящего исследования.

За теоретическую основу исследования принято понимание равенства всех перед законом и судом как конституционного принципа уголовного судопроизводства, который имеет своим источником правовое равенство, обладает содержанием, состоящим из нравственного, правового и технико-юридического элементов, направлен на реализацию при производстве по уголовным делам представлений о высшей нравственной ценности каждого человека, относится ко всем стадиям

производства по уголовному делу, определяет содержание закона и правоприменительной деятельности, требует от законодателя и лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, не допускать привилегированного или дискриминационного положения его участников [7, с. 63]. На предшествующем этапе исследования нами принцип равенства всех перед законом и судом определен следующим образом: принцип уголовного процесса, обязывающий государственную власть организовать уголовное судопроизводство без оказания предпочтения каким-либо участникам в нем физическим и юридическим лицам (группам лиц) или их дискриминации [6, с. 98–99]. Под фактором в самом общем виде понимается движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные черты¹. Под прогрессивным фактором в настоящем исследовании будет пониматься некая сила, которая способствует процессу реализации принципа равенства всех перед законом и судом. Под регрессивным фактором будет пониматься некая сила, которая затрудняет процесс реализации принципа равенства всех перед законом и судом.

Основным научно-методологическим подходом в данном исследовании избран категориально-системный подход. Равенство всех перед законом и судом состоит из частей, логически связанных между собой (нравственный, социально-правовой и технико-юридический аспекты его содержания), в связи с чем допустимо рассматривать его как систему, между частями которой есть связь, которая соединяет их в единое целое. В то же время понятие «равенство всех перед законом и судом» состоит из категорий «равенство», «все», «закон», «суд», в силу чего в исследовании целесообразно использовать категориальный подход. Системный подход позволяет также изучать факторы, влияющие на развитие исследуемого системного объекта, что позволит разработать искомую факторную модель реализации принципа равенства всех перед законом и судом.

Избранным научным методом выступил категориально-символьный метод «гексаграмма», предполагающий возможность выделения в объекте двух противоположных тенденций, позитивной и негативной, каждая из которых может быть представлен тремя факторами. Для каждой тенденции из всей группы позитивных и негативных факторов возможно выделить три главных, наиболее

существенно влияющих на реализацию принципа равенства всех перед законом и судом уголовном процессе, что позволяет сделать вывод о пригодности избранного метода для достижения целей настоящего исследования.

Содержание и логика метода предполагает [1, с. 152–153]:

1. Выявление двух противоположных — «восходящего» и «нисходящего» аспектов в объекте;

2. Дешифровку каждого из аспектов тремя компонентами.

3. Выявление наиболее прогрессивной составляющей «восходящей» триады и наиболее регрессивной — в «нисходящей» триаде.

4. Осмысление и описание полученной модели объекта исследования.

Применение данного метода позволит: разработать факторную модель объекта, отражающую как факторы, способствующие его реализации, так факторы, препятствующие этому; осуществить планирование реализации принципа равенства всех перед законом и судом как работу по поддержанию позитивных и нивелированию негативных факторов, установлению баланса между позитивной и негативной тенденциями.

Исследование и результаты

Равенство всех перед законом и судом рассматривается наукой как принцип права, руководящая идея, необходимое условие справедливости правосудия. Поэтому «восходящим», «позитивным», «прогрессивным» аспектом в объекте исследования будут так называемые положительные факторы, которые способствуют его реализации. Соответственно, «нисходящим», «негативным», «регрессивным» аспектом в объекте исследования будут факторы, тормозящие реализацию принципа равенства всех перед законом и судом. Две названные группы факторов оказывают противоположно направленное влияние на реализацию принципа равенства всех перед законом и судом. Каждая группа факторов представлена тремя основными, оказывающими самое существенное влияние на реализацию рассматриваемого принципа. Каждый из факторов является вершиной «восходящего» или «нисходящего» треугольника. «Восходящий» треугольник отражает комплекс прогрессивных факторов. В него включены: социальное, правовое и политическое значение равенства всех перед законом и судом (рисунок 1).

Социальное значение принципа равенства всех перед законом и судом обусловлено его принадлежностью к видам социального

¹ Современный словарь по общественным наукам / под общ. ред. О. Д. Данильяна. Москва : ИНФРА-М, 2020. С. 280.

равенства, которое исторически сложилось как социальная ценность; тесной связью с другими социальными ценностями (свобода, демократия, справедливость, гуманизм и др.);

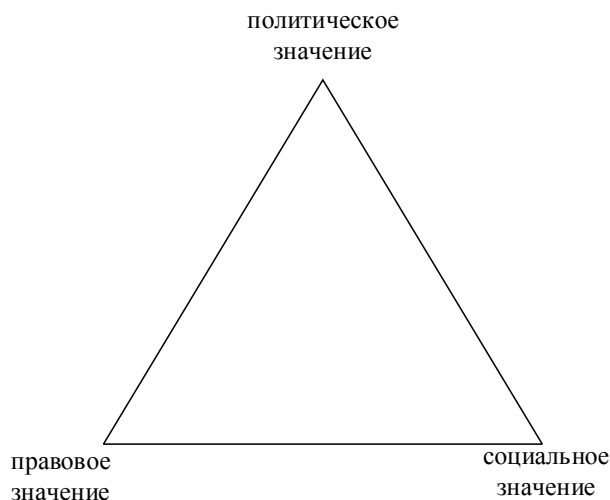

Рисунок 1 — Прогрессивные факторы реализации принципа равенства всех перед законом и судом

важностью для общества сферы правосудия по уголовным делам. Социальное значение принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве проявляется в реакции общества на его соблюдение. Нарушение данного принципа способно вызвать общественный резонанс, а соблюдение — солидарность общества с принимаемыми по уголовному делу решениями, одобрение деятельности государственных органов в сфере отправления правосудия по уголовным делам. Реализация принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе служит критерием общественной оценки правосудия по уголовным делам, влияет на правосознание граждан.

Правовое значение принципа равенства всех перед законом и судом обусловлено его социальным значением, которое распространяется и на правовую сферу как регулируемую наиболее важные общественные отношения; связью идеи равенства перед законом и судом с сущностью права, с принципом справедливости, с другими правовыми категориями и принципами (правовым равенством, равноправием, доступностью правосудия). В праве принцип равенства всех перед законом и судом служит критерием для оценки закона, в частности, критерием для определения соразмерности объемов предоставленных участникам процесса прав и возложенных на них обязанностей, ограничений, ответственности, предоставленных льгот,

привилегий, иммунитетов. Помимо оценки закона, данный принцип выступает критерием оценки качества правоприменительной деятельности, которая должна быть основана только на законе, независимо от принадлежности участников судопроизводства к какой-либо социальной группе или других характеристик их личности. Соблюдение принципа равенства всех перед законом и судом позволяет сделать вывод о реализации назначения уголовного судопроизводства. Правовое значение данного принципа заключается в том, что он определяет содержание закона и правоприменительной деятельности, является одной из гарантий реализации прав и свобод человека и гражданина при производстве по уголовным делам, способствует реализации назначения уголовного судопроизводства и укреплению правового статуса его участников. Также принцип равенства всех перед законом и судом является важным средством демократизации, гуманизации и профессионализации уголовного судопроизводства.

Политическое значение принципа равенства всех перед законом и судом обусловлено его социальным и правовым значением; общеизвестностью данного принципа и положительным отношением к нему; исторически доказанной эффективностью использования равенства в качестве политического лозунга. Общественное недовольство неравенством при отправлении правосудия, неравенством в отношении к гражданину со стороны правоохранительных органов может быть трансформировано в движение, обладающее достаточно серьезной политической силой (ярким примером служат успехи движения BLM¹, катализатором развития которого явились действия полицейского в отношении темнокожего подозреваемого). Идея борьбы за равенство всех перед законом и судом имеет серьезный политический потенциал.

Наиболее значимым прогрессивным фактором, оказывающим влияние на реализацию принципа равенства всех перед законом и судом, выступает его политическое значение, поскольку только оно может перевести равенство всех перед законом и судом из области социальных ожиданий и научных дискуссий в сферу реального воплощения, ответственность за которое лежит на государственной власти.

Нисходящий треугольник отражает комплекс негативных факторов, препятствующих реализации принципа равенства всех перед

¹ Black Lives Matter : [сайт]. URL: <https://blacklivesmatter.com> (дата обращения: 17.10.2022).

законом и судом. В него включены: высокая сложность, высокая дискуссионность и высокая ресурсоемкость реализации данного принципа (рисунок 2).

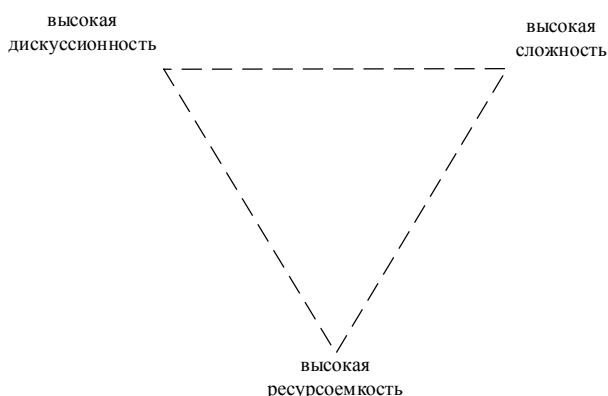

Рисунок 2 — Регрессивные факторы реализации принципа равенства всех перед законом и судом

Первым фактором избрана категория «сложность», которая обусловлена многовариантностью понимания данного принципа, его многоаспектностью, вовлечением в вопрос о его реализации эмоциональной составляющей, трудностями конкретизации и определения индикаторов реализации данного принципа, связью с другими категориями этики, которые также сложно измеримы, связью с решением других важных задач уголовно-процессуальной деятельности в условиях дефицита ресурсов на их решение.

Равенство всех перед законом и судом относится к виду социального равенства, служившего предметом исследования многих философов, ученых. Единого понимания, что такое равенство людей, до настоящего времени не достигнуто. Не достигнуто и единое понимание того, что представляет собой равенство всех перед законом и судом в праве, как оно соотносится с правовым равенством, равноправием, другими категориями, является ли оно принципом права, если да, то каким: конституционным, межотраслевым, отраслевым, каково его содержание, и прочие вопросы. Научные исследования равенства всех перед законом и судом в области конституционного, уголовного права, уголовного процессе, других отраслей права слабо согласуются между собой. Несмотря на конституционное закрепление исследуемого принципа, его исследования ведутся в рамках отдельных отраслей права, изолированно друг от друга. Помимо многовариантности понимания, сложность реализации принципа равенства всех перед законом и судом обусловлена его

многоаспектностью. Для реализации данного принципа необходимо понимание не только его сути, но и среды, в которой он подлежит применению, условий и механизма реализации, гарантий. Непросто сделать вывод, соблюдается ли принцип равенства всех перед законом и судом в каждой конкретной ситуации, какие показатели, в каком объеме достаточно сопоставить, чтобы ответить на данный вопрос. Связь принципа равенства всех перед законом и судом с другими «сложно измеряемыми» принципами (справедливость, гуманизм), не упрощает вопроса, как и эмоциональность реакций на его нарушение. Реализация принципа равенства всех перед законом и судом хоть и является важной задачей государственных органов, но ее решение неотделимо от решения других, не менее важных задач (обеспечения доступности правосудия, борьбы с преступностью, обеспечения правопорядка, защиты прав и свобод граждан и других). Фактор сложности порождает либо попытки упрощения представлений о равенстве всех перед законом и судом, либо отказ от его реализации.

Дискуссионность реализации принципа равенства всех перед законом и судом как второй прогрессивный фактор обусловлена его сложностью, многоаспектностью, многовариантностью. В частности, дискуссионными являются вопросы о месте принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе; корректность формулировки данного принципа (международные документы декларируют равенство всех перед законом, российская Конституция содержит в норма ч. 1 ст. 19 добавление «и судом»; вопрос о делении данного принципа на «равенство перед законом» и «равенство перед судом», механизм и критерии его реализации, вопрос об исключениях из данного принципа, и другие. Согласие научного сообщества по ряду вопросов не упраздняет дискуссий по другим аспектам проблемы.

В свою очередь, реализация равенства всех перед законом и судом является вопросом ресурсоемким. Ресурсоемкость реализации принципа равенства всех перед законом и судом обусловлена его сложностью и дискуссионностью. Для того, чтобы решить вопрос реализации принципа равенства всех перед законом и судом, необходимо выяснить, в чем такое решение должно заключаться, осуществлять научный поиск. Затем должны быть внесены изменения в действующее законодательство, организацию правоприменительной деятельности, что требует интеллектуальных, организационных, материальных,

временных ресурсов. В числе регрессивных факторов высокая ресурсоемкость реализации принципа равенства всех перед законом и судом выступает наиболее значимым фактором, как вытекающая из содержания первых двух факторов и имеющая непосредственное отношение к его реализации.

Таким образом, в рамках применения категориально-системного метода «гексаграмма» были выделены две группы противоположно направленных факторов, оказывающих влияние на реализацию принципа равенства всех перед законом и судом. Наложение графического отображения совокупностей позитивных и негативных факторов позволяет получить модель, визуализирующую представленные выше результаты (рисунок 3).

Разработанная модель позволяет сделать следующие выводы. Позитивно направленные

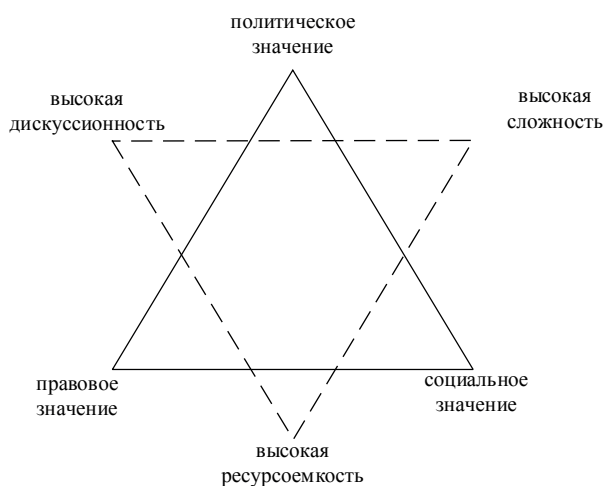

Рисунок 3 — Факторная модель реализации принципа равенства всех перед законом и судом

факторы, стимулирующие реализацию принципа равенства всех перед законом и судом, в уголовном процессе (его социальное, правовое и политическое значение) исторически сложились и определяются, в основном, особенностями категории «равенство», которая в формулировке данного принципа является ключевой. Данные факторы взаимообусловлены: правовое и политическое значение принципа равенства всех перед законом и судом определяется его социальным значением. Чем выше социальное значение принципа равенства всех перед законом и судом, тем выше его правовое и политическое значение. В то же время, допустима и обратная зависимость: борьба с неравенством перед законом и судом в уголовном процессе может быть представлена в качестве политического лозунга

с инициированием информационной повестки и поднятием социального значения данного вопроса. Социальное, правовое и политическое значение принципа равенства всех перед законом и судом невозможно «отменить», его можно сделать менее острым путем реализации данного принципа.

Совокупность позитивно направленных факторов актуализирует вопрос реализации принципа равенства всех перед законом и судом при производстве по уголовным делам, обуславливают негативную реакцию на его нарушение. Тем самым реализация принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе становится одним из критериев оценки деятельности государственной власти. В связи с этим вопрос о реализации принципа равенства всех перед законом и судом неизменно актуален, его невозможно игнорировать. Социальная ценность идеи равенства, острая реакция общества на его отсутствие влекут социальные и политические последствия, которые государственная власть обязана предупредить.

Негативно направленные факторы, препятствующие реализации принципа равенства всех перед законом и судом (высокая сложность, дискуссионность и ресурсоемкость), также сложились исторически и в целом обусловлены особенностями категории «равенство». Данные факторы связаны между собой. Высокая сложность рассматриваемого принципа порождает высокую дискуссионность вопросов его реализации, и они в совокупности — высокую ресурсоемкость данного процесса. Совокупность негативных факторов реализации принципа равенства всех перед законом и судом следует учитывать. Недостаточно внести в закон норму-принцип, должна быть проделана работа по ослаблению каждого из факторов. Высокая сложность вопроса снижается проведением исследований, научного поиска, дискуссий. Дискуссионность по мере начала обсуждений предположительно возрастет, однако впоследствии предполагается тенденция к ее снижению, поскольку по спорным вопросам постепенно обозначаются позиции, появится возможность достигнуть согласия. Ресурсоемкость также остается высокой на начальном этапе, когда делаются первые шаги по реализации принципа равенства всех перед законом и судом. В дальнейшем, особенно при комплексном решении проблем законодательства и правоприменительной деятельности, расход ресурсов может быть более или менее оптимизирован. Дешифровка аспектов, составляющих нисходящую тенденцию, показывает, почему

вопрос о равенстве всех перед законом и судом до сих пор не решен на должном уровне.

Помимо связи между однонаправленными факторами реализации принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе, прослеживается связь пар антагонистов позитивных и негативных факторов между собой. Социальное значение принципа равенства всех перед законом и судом коррелирует с его высокой сложностью. Чем выше социальное значение данного принципа, тем актуальнее вопрос о его реализации, однако тем больше аспектов требуется принимать во внимание (кто равен, по каким критериям, в чем это выражается, как это обеспечить, как это проверить, могут ли быть исключения, если да, то какие и пр.). Второй парой противоположных компонентов выступают правовое значение рассматриваемого принципа и высокая дискуссионность. Правовое значение принципа равенства всех перед законом и судом порождает научный поиск, неотделимый от дискуссий, о чем указывается в научной литературе. В свою очередь, политическое значение принципа равенства всех перед законом связано с высокой ресурсоемкостью. Повышение политического значения принципа равенства всех перед законом и судом способно дать движение его реализации, которое требует выделения для этого ресурсов.

Выводы

Полученная в результате настоящего исследования факторная модель комплексно показывает группы факторов, разнонаправленно влияющих на реализацию принципа равенства всех перед законом и судом в их взаимосвязи и взаимозависимости. Рассмотрение перспектив реализации принципа равенства всех перед законом и судом с применением данного символического метода является достаточно продуктивным, поскольку позволяет адекватно оценивать как возможности, так и препятствия его реализации, принимая во внимание как компоненты, обеспечивающие достижение поставленной цели (позитивные факторы, работающие на реализацию данного принципа), так и факторы, затрудняющие данный процесс.

Полученные результаты соответствуют выдвинутой гипотезе, согласуются с имеющимися в научной литературе представлениями об обстоятельствах, влияющих на реализацию принципа равенства всех перед законом и судом. Представленные в модели факторы, в основном, упоминаются в научных исследованиях. Тем не менее, в литературных источниках, попавших в выборку, не упомянут

фактор высокой ресурсоемкости реализации принципа равенства всех перед законом и судом, выделенный в настоящем исследовании в качестве наиболее регрессивного, затрудняющего деятельность по реализации данного принципа. Комплексное исследование факторов реализации принципа равенства всех перед законом и судом в их взаимосвязи и взаимозависимости с учетом позитивной и негативной направленности обеспечивает новизну полученных результатов.

Заключение

Таким образом, в результате настоящего исследования предложена факторная модель прогрессивных и регрессивных факторов реализации принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе. Прогрессивными факторами, способствующими реализации названного принципа, являются его социальное, правовое и политическое значение. Данные факторы обуславливают неизменную актуальность вопросов равенства всех перед законом и судом, определяют негативные последствия от его неудовлетворительного решения. Наиболее важным из данной совокупности является политическое значение принципа равенства всех перед законом и судом. Регрессивными факторами, влияющими на реализацию данного принципа, является его высокая сложность, высокая дискуссионность, высокая ресурсоемкость. Совокупность регрессивных факторов демонстрирует причины, по которым вопрос о реализации названного принципа не решен. Наиболее регрессивным из всей совокупности является высокая ресурсоемкость как наиболее препятствующая реализации данного принципа. Выявленные факторы, как однонаправленные, так и факторы-антагонисты, взаимосвязаны и взаимозависимы, и образуют единую систему, в которой прогрессивные и регрессивные факторы уравновешивают друг друга. Работа по реализации принципа равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе должны производиться с учетом всей совокупности выявленных факторов.

Результаты настоящего исследования вносят вклад в развитие теории равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе. В качестве вклада в методологию юридических исследований, в работе формулируются промежуточные выводы относительно продуктивности категориально-символических методов для изучения различных аспектов объекта исследования как компонентов единой системы, которая может быть

уравновешена путем установления управляемого и эффективного баланса между ее «прогрессивным» и «регрессивным» аспектами.

Практическая ценность результатов видится в том, что полученное знание поможет осуществить планирование реализации принципа равенства всех перед законом и судом как работу по поддержанию позитивных и нивелированию негативных факторов, установлению баланса между позитивной

и негативной тенденциями; разработать механизм реализации принципа равенства всех перед законом и судом с учетом прогрессивных и регрессивных факторов такой реализации. Предлагаемая факторная модель может быть использована в дальнейших научных исследованиях возможностей управления деятельностью по реализации принципа равенства всех перед законом и судом путём воздействия на противонаправленные факторы.

Список источников

1. Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях). Москва : Инфра-М, 2020. 227 с.
2. Гревнов А. А. Соотношение принципов равноправия сторон и равенства всех перед законом и судом с принципом состязательности в гражданском процессуальном праве // Современное право. 2011. № 8. С. 104–107.
3. Гуцин В. З. Конституционный принцип равенства всех перед законом и судом // Право и образование. 2010. № 3. С. 64–73.
4. Дашков Г. В. Почему в России не все равны перед законом и судом? // Наука. Культура. Общество. 2011. № 2. С. 93–104.
5. Дмитриев Д. Б., Донская О. Г. Принцип равенства в уголовном праве России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 148–155. DOI 10.22394/2074-7306-2021-1-3-148-155
6. Задорожная В. А. Дефиниция понятия «равенство всех перед законом и судом» в уголовном судопроизводстве // Вестник Сургутского государственного университета. 2022. № 1 (35). С. 91–100.
7. Задорожная В. А. Производство по уголовным делам на началах равенства всех перед законом и судом. Челябинск : Челябинский юридический институт МВД России, 2008. 197 с.
8. Зубакин В. Ю. Место и значение принципа равенства перед законом и судом в системе принципов правового государства // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 3 (37). С. 13–21.
9. Крылова Е. Г. Доктрина равенства в конституционном законодательстве: проблемы реализации // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 42–45.
10. Лапин Е. С. О качестве предварительного расследования // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 3. С. 89–96.
11. Макарова З. В. Понятие и структура уголовно-процессуальной деятельности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17, № 2. С. 31–35.
12. Масленникова Л. Н. Равенство — один из основных идеалов справедливого уголовного судопроизводства // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 20–21 марта 2015 года). Санкт-Петербург : РГУП, Сев.-Зап. ф-л, 2016. С. 235–344.
13. Насонова И. А. Равенство граждан перед законом и судом как условие реализации справедливости в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2013. № 5. С. 34–36.
14. Панфилов П. О. О реализации принципа равенства всех перед законом и судом при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности // Юрист-Правоведъ. 2017. № 1 (80). С. 117–123.
15. Поливода Я. В. Проблемы соотношения конституционных принципов депутатской неприкосновенности и равенства всех перед законом и судом // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. Т. 20, № 4. С. 81–92.
16. Путилов П. Н., Степанов В. Е. Правовое государство: реализация принципа равенства в уголовном и уголовно-процессуальном праве Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27, № 1. С. 32–38.
17. Романенко Н. В. О равенстве перед законом и судом как конституционном принципе правосудия // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 215–221.
18. Сафронов Д. М., Сафронов М. М. Особый порядок производства в отношении отдельных категорий лиц в контексте равенства всех перед законом и судом // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 108–111.

19. Сычев П. Г. Об отдельной главе Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о производстве по уголовным делам в отношении предпринимателей // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 170–175.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 23.10.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.01.2023.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

КРИМИНОЛОГИЯ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ НАУКА

Геннадий Николаевич Горшенков

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Нижний Новгород, Россия

gen7976@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-0314-2488>

Аннотация. Предметом исследования определены сущность и содержание криминологии как юридической науки, относящейся к научной специальности «5.1.4. Уголовно-правовые науки». В методологии выполненной работы использованы известные — универсальные, общенаучные и частные — методы исследования; при этом особая роль отведена системно-синергетическому подходу, позволившему рассмотреть множество составляющих предметных элементов в их сложных взаимосвязях и некотором «инновационном осмыслении», например, в оценке предмета, цели, функциональности криминологии как нормативистской науки.

Изложен ретрологический взгляд на становление и развитие криминологии как отрасли уголовной юриспруденции, приверженной единству буквы и духа уголовного закона, обосновывающей научные принципы криминализации, уголовного наказания, политики противодействия преступности. Дается определение криминологии как области социальной деятельности по выработке социолого-уголовно-правовых и политических знаний о криминале как системе социально-юридических отношений, возникающих как внутри взаимодействующих систем — «преступность» и «противопреступность», — так и между ними. Соответственно предметом криминологии выступают закономерности двуединой (преступно-противопреступной) системы.

Рассмотрена функциональность криминологии с учетом ее общетеоретической миссии в блоке уголовно-правовых наук; выделены соответствующие специальные функции — интегративная, концептуальная, правообразовательная, превентивно-защитительная и др.

Криминология как уголовно-правовая наука призвана формировать ассоциативное криминологическое мышление в профессиональном правосознании криминалистов и умение обращаться с уникальным теоретико-прикладным превентивным инструментарием противодействия преступности.

Ключевые слова: криминал, криминологическая стратегия, функциональность, преступно-противопреступная система, большая криминология

Для цитирования: Горшенков Г. Н. Криминология как уголовно-правовая наука // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 81–87. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10111

CRIMINOLOGY AS A CRIMINAL LAW SCIENCE

Gennady N. Gorshenkov

Nizhny Novgorod State University
named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia
gen7976@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-0314-2488>

Abstract. The subject of the study defines the essence and content of criminology as a legal science related to the scientific specialty “5.1.4. Criminal law sciences”. In the methodology of the work performed, well-known — universal, general scientific and private — research methods were used; at the same time, a special role was assigned to the system-synergetic approach, which allowed considering many constituent subject elements in their complex interrelations and some “innovative understanding”, for example, in assessing the subject, purpose, functionality of criminology as a normative science.

The metrological view on the formation and development of criminology as a branch of criminal jurisprudence committed to the unity of the letter and spirit of the criminal law, justifying the scientific principles of criminalization, criminal punishment, and anti-crime policy is presented. Criminology is defined as a field of social activity for the development of socio-criminal law and political knowledge about crime as a system of socio-legal relations arising both within the inter-operating systems — “crime” and “counter-crime” — and between them. Accordingly, the subject of criminology is the regularities of a two-pronged (criminal-anti-criminal) system.

The functionality of criminology is considered taking into account its general theoretical mission in the block of criminal law sciences; the corresponding special functions are identified — integrative, conceptual, legal education, preventive and protective, etc.

Criminology as a criminal law science is designed to form associative criminological thinking in the professional legal consciousness of criminologists and the ability to handle a unique theoretical and applied preventive tools for combating crime.

Keywords: crime, criminological strategy, functionality, criminal and anti-criminal system, “big criminology”

For citation: Gorshenkov GN. Criminology as a criminal law science. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):81-87. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10111 (In Russ.)

Введение

Именно *уголовно-правовая*. То есть относящаяся к уголовно-правовой семье как равноправная ее дочь (а не падчерица, т. е. механически, или формально включенная в данный семейный круг), наряду с такими же дочерними отраслями, как материальное, процессуальное, исполнительное право, их неразлучные спутницы: криминалистика, оперативно-розыскная деятельность, судебная экспертология¹. С последней представляется вполне уместным поставить рядом криминологическую экспертологию как весьма перспективную частную теорию и вид *криминологической деятельности*.

Не касаюсь всевозможных взглядов на то, какое значение придается *слову* «криминология», его терминологической роли, и кто что думает по этому поводу. Нас, теоретиков много (и это хорошо). У каждого, имеются индивидуальные особенности мировосприятия и его концептуальное выражение. *Одни* рассматривают феномен «криминология» исключительно в юридическом аспекте; *другие* — в социологическом; *третьи* — рассматривают данную науку как комплексную; *четвертые* — вообще «оставляют» от криминологии лишь «оболочку» (название), собирая под соответствующую «терминологическую крышу» мультидисциплинарное (от лат. *multum* — много) содержание.

Как отмечают Ю. Д. Блувштейн и А. В. Добрынин, «позитивное уголовное право интерпретируется нормативистской криминологией»

¹ Область науки. URL: [https://nppir.com/pasporta_vak/5.1.2._publichno-pravovye_\(gosudarstvenno-pravovye\)_nauki.pdf](https://nppir.com/pasporta_vak/5.1.2._publichno-pravovye_(gosudarstvenno-pravovye)_nauki.pdf) (дата обращения: 17.08.2022).

как отражение естественного права в уголовном законодательстве данного государства. Это отражение представляет собой более или менее адекватную проекцию» [1, с. 10].

Уголовный закон — это, главным образом, *вынужденная реакция на преступление*. Криминализируются именно те деяния, которые заслуживают того, «будучи сами по себе злом, “на самом деле” являются преступлениями» (*malainse* [1], т. е. плохое само по себе — авт.).

Основное содержание

Ретрологический аспект исследования.

Современную криминологию также нахожу как вынужденную реакцию научной мысли на криминальное зло, внутреннее побуждение к его осмыслению, которое *получает начало и развитие именно на юридической почве*. Так, в условиях Нового времени криминологические идеи были выражены главным образом в философско-правовом произведении Ш. Л. Монтескье «О духе законов» (1748), но несравнимо ярко и доказательно раскрыты в историческом произведении Ч. Беккария (считающего себя учеником Монтескье) «О преступлениях и наказаниях» (1764).

В трудах этих мыслителей сформулированы, по сути, основные идеи, которые и определяли *криминологическую основу юридического учения* (классической школы уголовного права) *о преступлении и наказании*. Произведение Ч. Беккария воспринимается как свод основополагающих *криминологико-политических* положений, выстраивающих не только *криминологическую стратегию* политического осмысления противодействия преступности, но и выступали мощной просветительской силой, иницирующей полномасштабную уголовную реформу.

Ученый-юрист Ф. М. Решетников, исследовавший творческий путь Ч. Беккария, высказал убеждение, что этот выдающийся итальянский просветитель и гуманист «должен рассматриваться *не как основоположник классической школы* уголовного права, а как *центральная фигура самостоятельного*, предшествующего этой школе просветительно-гуманистического (прогуманистического) *направления в буржуазном уголовном праве*» [2, с. 8].

А это направление и есть криминологическое. Например, американский ученый В. Фокс прямо утверждает, что «начало криминологии положила работа Беккария» [2, с. 10]. И это очевидно.

Как известно, сторонники классической школы уголовного права исследовали преступление односторонне, т. е. акцентировали внимание на его внешней (как сейчас мы говорим,

объективной) стороне, в которой доминирует деяние. Не реализованная криминалистами-классиками идея изучения внутренней (субъективной) стороны преступления получила развитие в исследованиях ученых другого, *позитивистского* направления, в котором заявила о себе новая, *антрополого-социологическая школа* во главе с Ч. Ломброзо и впоследствии с его единомышленниками социологом и криминологом Э. Ферри, предложившим концепцию *уголовной социологии*, включавшей в себя все отрасли знания о преступлении, а затем «итальянским юристом, экспертом в области *криминологии*» Гарофало¹, сосредоточившимся на разработке уголовно-правовых и процессуальных положений антропологической школы, которые он изложил в знаменитой книге под названием «Криминология».

Здесь следует учесть то важное обстоятельство, что лейтмотив уголовной социологии составляли положения юридической науки о преступлении и наказании, *опирающуюся* на криминальную антропологию, психологию, уголовную статистику, уголовное право, тюремоведение [3, с. 51]. Размышляя над преобразованием науки о преступлении и не допуская мысли об искусственном разделении находящихся в органическом единстве уголовного права и уголовной социологии, Э. Ферри писал: «Подобно тому, как нелепо было бы отделять изучение индивидуальных факторов преступления от факторов общественных, так нелепо и стараться отделить изучение социальной природы преступления от его юридической стороны» [3, с. 642].

Не будем забывать, что в развитии юридического учения о преступлении активно разрабатывалось новое направление — уголовная политика. К ней Ферри относился весьма сдержанно, однако, в практическом аспекте допускал применение её как «искусства, с помощью которого законодатели низводят правила уголовной науки с небес абстракции к земной действительности» [3, с. 650].

Так или иначе, в концепции Э. Ферри определялось условное триединство учения о преступлении («уголовная социология»), в котором предполагалось сочетание таких противоположностей (в лице отраслей знания), как уголовное право, криминология и политика. Такое видение общей науки о преступлении и наказании имели Ф. Лист, А. А. Пионтковский, М. П. Чубинский и др.

¹ Рафаэле Гарофало // Яндекс. URL: <https://yandex.ru/search/?text=рафаэль+гарофало+криминология&lr=133272&clid=2270454&win=537> (дата обращения: 06.11.2021).

Развитие криминологической отрасли, особенно *социологического направления в уголовной теории* стимулировало реформаторские идеи. Ведущая роль в этом отводится русскому юристу М. В. Духовскому, о котором профессор С. С. Остроумов писал так: «Именно его можно с полным основанием считать первым как в России, так и на Западе, заложившим основы социологического направления в уголовном праве и явившимся одновременно зачинателем новой науки — криминологии» [4, с. 2–4]. Духовской считал заблуждением видеть в уголовном праве науку, которая выводит свои определения из одного лишь «абстрактного разума», не изучая действительную жизнь. Эта наука должна изучать преступление как явление в обществе и его причины, а затем указывать «средства для его искоренения». Эти мысли он высказал в 1872 году в своей знаменитой лекции «Задачи науки уголовного права».

Российский правовед А. А. Пионтковский так определял *общую (трехотраслевую) науку уголовного права*: «Наука, занимающаяся изучением преступной деятельности, раскрытием естественных законов, обуславливающих собою эту деятельность, и изучением и установлением средств и способов борьбы с этой деятельностью» [5, с. 6].

Исходя из очевидной общности указанных отраслей и учитывая современные научные течения в учении о криминале, А. А. Пионтковский считал целесообразным не только соединение этих доктрин в общую науку, но и, кроме того, *объединение в ней всех прочих «родственных» течений*. Он приводит в поддержку своего утверждения аналогичную позицию Ферри, Гарро, Листа и других криминалистов. В концепции учёного выделась перспектива формирования новой, родовой науки — будет ли она названа «уголовным правом», «криминологией» или иначе.

Исследование общетеоретической сущности современной криминологии. Сегодня для уголовно-правовых наук, объединённых в одну «семью» новой научной специальности, это характерно и чрезвычайно важно. Примечательно, что профессор Ю. М. Антонян назвал криминологию в таком статусе «*Большой криминологией*» [6, с. 14]. Определение «большая» несет в себе смысл интегративной функциональности криминологии не только в национальной, но и в международной уголовно-правовой системах юриспруденции и соответствующих практиках, подчиненных политике противодействия преступности.

В идее «большой криминологии» находит выражение стратегический характер науки,

что нашло отражение в одном из проектов паспорта научной специальности «5.1.4. Уголовно-правовые науки» статус криминологии определен основными положениями относительно теории науки и ее предмета. Отдельно выделена «Стратегия применения специальных мер (уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических, оперативно-розыскных, уголовно-исполнительных, криминологических) в целях выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений»¹.

В данном контексте (криминологическая) стратегия представляется как *концепция или определенная система взглядов на понимание предупредительной сущности противодействия преступности, организация и выстраивание долговременной деятельности по профилактике, предупреждению преступлений, а также реагированию на преступления, прежде всего правоохранительными средствами в целях минимизации преступности и причиняемого ею вреда*.

С правоохранительными, или специальными средствами связано специальное противодействия преступности. И здесь уместно привести высказывание американского криминолога Дж. Р. Уилсона о том, что «в этом криминология смыкается с направлением, которое обычно называют правоведением» [7, с. 245].

Однако не следует понимать упрощенно уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, оперативно-розыскные и другие меры как элементарный набор специальных средств. Специальные меры нужно рассматривать как специальные организационно-правовые механизмы, технологии их применения, которое под силу *специалистам*, от профессионализма которых прежде всего и зависит функционирование этих механизмов. А это уже другой аспект — профессионального обучения. Еще С. К. Гогель, оценивая известное произведение Ч. Беккария, считал, «что прочтение его для каждого юриста, имеющего претензию быть образованным, совершенно *обязательно...*» [8, с. 64].

Таким образом, криминологическая идея предупреждения преступлений, «вышедшая» из уголовно-правового учения о преступлении и наказании, получила развитие в науке, реализации в многогранной (государственной и общественной) деятельности по борьбе

¹ Область науки. URL: <https://skspba.ru/wp-content/uploads/2021/09/Проект-паспорта-научной-специальности-5.1.4.-Уголовно-правовые-науки.pdf> (дата обращения: 16.08.2022).

с преступностью, в том числе, и особенно — через систему юридического профессионального образования.

Складывается «дифференцированное» представление о «большой криминологии» как двуединой науке, а именно криминологии: а) как *научном инструменте познания* преступности и возможностей ее минимизации; б) как *технологии применения* данного инструмента в противодействии преступности, особенно путем преобразования социально-юридических отношений, в той или иной мере детерминирующих преступность.

И здесь открываются перспективы криминологической стратегии, в содержании которой должно быть востребовано искусство *программирования* (планирования), *основанное*: а) на криминологических *оценках* прежде всего объекта воздействия и соответствующих механизмов (путем криминологического мониторинга, криминологической экспертизы и т. п.); б) на криминологических *прогнозах*, и в) на соответствующих *предложениях, рекомендациях*.

В данной структуре преступность как основной системообразующий фактор выступает главным предметным феноменом: *с одной стороны*, преступность исследуется как социально-юридическое явление, *с другой*, — изучаются возможности противодействия преступности.

Первый аспект, точнее можно определить как стратегическое направление исследования — преступности назвать его не иначе как «преступноведение», термин, введенные в качестве «русифицированного» синонима «криминологии» Д. А. Шестаковым [9].

Второй, «производный» от преступности аспект очевиден как *противодействие преступности*. В отличие от традиционного «предупреждения преступлений», термин «противодействие» объединяет собой предупредительное значение специальных (уголовно-правовых, -процессуальных, -исполнительных, криминалистических, оперативно-розыскных и иных) мер и *выгодное*, т. е. основанное на криминологических оценках, прогнозировании, программировании их применение.

В целом же криминология как нормативистская, т. е. обоснованная системой взаимосвязанных и взаимодействующих прежде всего уголовно-правовых норм, может быть определена так: *область социальной деятельности направленной на выработку социолого-уголовно-правовых и политических знаний о криминале как системе социально-юридических отношений, возникающих в связи*

с реагированием на преступность, познанием ее закономерностей, методов предупредительного воздействия на них и реализации этих знаний в специальном (основанном на правовом принуждении) предупреждении преступлений, минимизации причиняемого ими вреда, а также противодействия преступности в целом.

При этом следует обратить внимание на традиционно узкое осмысление латинского слова *crimen* — «криминология как наука о преступлении». Нет, это наука именно о криминале. «Криминал» (*crimen*) имеет несколько значений: «преступление», «преступник», «обвинение», «обвиняемый»; «вина», «вред»; «предмет разбирательства», «уголовное судопроизводство» и др. Таким образом, в определении выражен **предмет криминологии** — закономерности двуединой (преступно-противопреступной) системы, т. е., *с одной стороны, продуцирующих, составляющих преступность, и, с другой стороны, противодействующих преступности, а также свойства и возможности методов получения и систематизации этих знаний, с учетом исторического опыта.*

В отношении *цели* криминологии также представляется уйти от традиционного «прямолинейного» употребления данного слова в качестве термина. «Цель» принято воспринимать как предвкушаемый результат исследования, к которому стремился ученый. Результат может рассматриваться по отношению к каким-либо конечным действиям, видам деятельности, их этапам.

Наука же определяется как область человеческой деятельности, *функцией* которой является производство и систематизация объективных знаний о действительности [10, с. 413]. Цель науки носит абстрактный характер, или представление о том идеале, достижение которого предполагает определенная, в том числе и научная деятельность¹. Такая цель недостижима, но она служит стимулом для осуществления определенной деятельности (систематизации знаний)². Как, например, цель Национальной стратегии противодействия коррупции в России — «искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе»

¹ Целеполагание в технологии CP // Яндекс. URL: https://yandex.ru/search/?text=абстрактная+цель+это&lr=151229&clid=2270455&win=537&src=suggest_B (дата обращения: 25.08.2022).

² Полезно ли ставить недостижимые цели? // Большой вопрос. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3707795-polezno-li-stavit-nepreodolimye-celi-pochemu.html> (дата обращения: 25.08.2022).

(п. 5 Национальной стратегии противодействия коррупции)¹.

Таким образом, «цель» в данном контексте осмысливается как *целесообразность*, т. е. *сообразно чему* происходит движение научной мысли, на что оно *направлено* и какой *характер* имеет. Во всем этом находит выражение *функциональность* науки (функция, как известно, и есть выражение триединства — *цели, направления и характера* деятельности).

И в этом случае *цель уголовно-правовой науки криминологии* может быть определена как *последовательная систематизация и система знаний о предмете исследования (криминале), корректировка и выработка на их основе теоретических положений и практических рекомендаций, направленных на обеспечение эффективного функционирования противопреступной системы в предупреждении преступлений и минимизации вреда, причиненного преступностью, а также положений, направленных на саморазвитие криминологии.*

Логически возникает вопрос **о функциональности криминологии в блоке уголовно-правовых наук**. Как известно, функциональность в самом общем виде определяется как набор возможностей, или функций какой-либо системы². И в данном контексте необходимо обратить внимание на *специальный* аспект функциональности криминологии. Ее специфика заключается в оптимизации возможностей уголовно-правовых наук, законодательств и соответствующих практик в предупредительном воздействии на преступность.

Представляется возможным выделить как минимум шесть *специальных* функций криминологии как составляющей блока уголовно-правовых дисциплин:

1) *интегративная* (от лат. *integer* — полный, целый) *функция*, сущность которой видится в том, чтобы вырабатывать в этом интегративном единстве свойство *целостности* как общего свойства для всех дисциплин уголовно-правового блока;

2) *концептуальная функция* как формирование определенной системы взглядов на какое-либо явление, скажем, цифровую) преступность, ее причинность, систему превентивных мер и т. п.;

3) *правообразовательная функция*, под которой подразумевается участие криминологии в правообразовательном творчестве, прежде всего в теоретическом и эмпирическом обосновании правообразовательных решений;

4) *превентивно-защитительная функция*, сущность которой заключается, с одной стороны, в предупреждение возникновения криминогенных (виктимогенных) ситуаций; с другой стороны, в защите от реальной угрозы преступных посягательств (реализация мер противопреступной безопасности);

5) *оптимизирующая* (лат. *optimus* — наилучший) *функция*, смысл которой можно выразить термином «криминологизация», т. е. освещение криминологическими знаниями прежде всего правового и организационно-управленческого обслуживания системы предупредительного воздействия, в особенности уголовно-правовых институтов на преступность;

6) *политическая функция* — обеспечивающая криминологическую основу искусства управления системой противодействия преступности.

Заключение

Рассматривая статус криминологии как общетеоретической науки в отношении дисциплин уголовно-правового блока, важно обратить внимание на своего рода «информационный оборот»: *с одной стороны*, каждая из отраслей данного цикла нуждается в криминологической информации; *с другой стороны*, сама криминология испытывает потребность в апробационных знаниях, которыми ее обеспечивают родственные отрасли.

Целесообразность криминологического изучения преступности как социально-юридического явления должна заключаться не только в традиционном открытии внутренних и внешних закономерностей, преступности как объекта предупредительного воздействия уголовно-правовых отраслей науки, законодательства, а также соответствующих практик, но и *в осмыслении преступности как системообразующего фактора* в сложных отношениях взаимодействия таких емких субъектов, как *право и бесправие*, и как *системной угрозы* национальной безопасности. Система противодействия преступности должна реагировать на свой объект не только адекватно, но и имея преимущество над ним. В связи с этими задачами в криминологии открывается перспектива систематизация относительно однопорядковых знаний (о преступности, причинности, предупредительном

¹ Национальной стратегии противодействия коррупции // RG.RU. URL: <https://rg.ru/documents/2010/04/15/pacstrategiya-dok.html> (дата обращения 12.08.2022).

² Значение слова «функциональность» // КАРТАСЛОВ.РУ. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/функциональность> (дата обращения: 18.08.2022).

воздействии): *криминология уголовного права; криминология уголовного судопроизводства; криминология уголовно-исполнительного права, или пенитенциарная криминология; политическая криминология.*

Кроме того, по мере углубления познавательного процесса в определенные, недостаточно разработанные области изучаемого предмета науки (например, о *видах преступности, особенностях сферы их совершения, специфики причинности*), систематизируются знания в частных теориях как соответствующих

теоретических положениях более низкого уровня (криминология закона, семейная криминология, криминология массовых коммуникаций, виктимологические теории и множество других) [11, с. 229].

Таковы краткие размышления о науке, призванной формировать ассоциативное криминологическое мышление в профессиональном правосознании криминалистов и умение обращаться с уникальным теоретико-прикладным превентивным инструментарием противодействия преступности.

Список источников

1. Блувшейн Ю. Д., Добрынин А. В. Основания криминологии : опыт логико-философского исследования. Минск : Университетское, 1990. 208 с.
2. Решетников Ф. М. Беккариа / отв. ред. П. С. Грацианский. Москва : Юридическая литература, 1987. 128 с.
3. Ферри Э. Уголовная социология / сост. и предисл. В. С. Овчинского. Москва : ИНФРА-М, 2005. 658 с.
4. Остроумов С. С. Преступность и её причины в дореволюционной России. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 132 с.
5. Пионтковский А. А. Наука уголовного права. Ярославль : Типо-Литография Э. Г. Фальк, 1895. 24 с.
6. Антонян Ю. М. Пенитенциарная криминология как научная дисциплина и отрасль криминологии // Пенитенциарная криминология : учебник / под ред. Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. Рязань : Академия ФСИН России, 2009. 556 с.
7. Уилсон Дж. Р. Слово «криминология» : филологическое исследование и определение // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 3. С. 227–251.
8. Гогель С. К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. С.-Петербург, 1910. 506 с.
9. Шестаков Д. А. Теоретические положения преступноведения в свете конституционных установлений Российской Федерации // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2016. № 9-2. С. 331–335.
10. Наука // Философский энциклопедический словарь. Москва : Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.
11. Клименко Н. И. Общие и частные криминалистические теории // Ученые записки Таврического национального университет им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2013. Т. 26, № 1. С. 226–232.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 28.09.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 18.01.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН И ГЛАВА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН КАК СУБЪЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Даци Магомедович Гаджиев

*Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Россия
dmgadzhiev@yandex.ru*

Аннотация. Цель статьи — анализ криминальной атмосферы республики, а также изучение практики деятельности органов власти и управления по противодействию преступности. Региональная криминология — одно из перспективных направлений преступноведения, которое в настоящее время проходит этап качественного обновления своего методологического инструментария. Региональная криминология формируется как относительно новая область научного знания, основанная на констатации целого ряда вариативных характеристик состояния преступности, возникающих в силу территориального, социально-экономического и этнокультурного многообразия, имманентно присущего современным общественным отношениям. Применительно к настоящему исследованию от неё требуется обеспечить органы государственной власти и местного самоуправления адекватным представлением о преступности в республике, причинах её воспроизводства, а также эффективной стратегией воздействия на преступность. В работе обозначены некоторые проблемы, возникающие в ходе реализации полномочий высшего должностного лица региона. Такое исследование актуально не только в отношении Дагестана. Отработанные при его проведении методология и методика могут быть в дальнейшем распространены и на другие субъекты Федерации.

Ключевые слова: органы государственной власти Республики Дагестан, региональная криминология, преступность, коррупция, профилактика

Для цитирования: Гаджиев Д. М. Государственный совет Республики Дагестан и Глава Республики Дагестан как субъекты предупреждения региональной преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 88–97. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10112

Research article

THE STATE COUNCIL OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN AND THE HEAD OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN AS SUBJECTS OF REGIONAL CRIME PREVENTION

Datsi M. Gadzhiev

*Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia
dmgadzhiev@yandex.ru*

Abstract. The aim of the article is to analyze the criminal atmosphere of the republic, as well as to study the practice of the authorities and administration in combating crime. Regional criminology is one of the promising directions of criminology, which is currently undergoing the stage of qualitative updating of its methodological tools. Regional criminology is formed as a relatively new field of scientific knowledge, based on the statement of a number of variable characteristics of the state of crime, arising from the territorial, socio-economic and ethno-cultural diversity, inherent in modern social relations. In relation to the present study, it is required to provide state authorities and local authorities with an

adequate picture of crime in the republic, the causes of its reproduction, as well as an effective strategy of impact on crime. The paper identifies some of the problems that arise during the implementation of the powers of the highest official of the region. Such a study is relevant not only in relation to Dagestan. Its methodology and methodology can be further extended to other subjects of the Federation.

Keywords: state authorities of the Republic of Dagestan, regional criminology, crime, corruption, prevention

For citation: Gadzhiev DM. The State Council of the Republic of Dagestan and the Head of the Republic of Dagestan as subjects of regional crime prevention. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):88-97. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10112 (In Russ.)

Введение

В результате творческого поиска в Дагестане была найдена удачная форма государственного устройства с учетом особенностей многонационального состава населения, которая в течение длительного времени показала эффективность влияния в сфере предупреждения преступности [1; 2; 3; 4; 5].

Этногеографическое развитие современного Дагестана определяют 14 национальностей, которые составляют около 82 % численности населения республики. К ним относятся: аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, русские, лакцы, табасаранцы, азербайджанцы, чеченцы, ногайцы, горские евреи, рутульцы, агулы, цахуры. В настоящее время в республике проживает около трех миллионов человек. Феноменальным является тот факт, что большинство из названных этносов имеет собственные территории компактного проживания, и в связи с этим они считают себя государствообразующими народами Дагестана. Именно этот фактор стал основополагающим при формировании в республике конституционного органа коллективного президентства — Государственного Совета РД, в который вошло в качестве равноправных членом по одному представителю коренных народов Дагестана¹.

В Дагестане в 1991, 1993 и 1999 гг. проводились референдумы о целесообразности введения должности президента Республики Дагестан, всенародно избираемого гражданами, и все три раза подавляющее большинство (от 70 до 90 %) проголосовавших не поддержала эту идею.

Таким образом, по генетической памяти для дагестанского этноса ближе идея коллективного президента.

¹ См.: Государственный Совет Республики Дагестан как субъект предупреждения преступности : материалы Республиканской научно-практической конференции. Махачкала, 2001 ; Народное Собрание Республики Дагестан как субъект предупреждения преступности : материалы Международной научно-практической конференции (Махачкала — Пятигорск, 30–31 мая 2000 г.) и др.

Государственный Совет РД (далее — Госсовет РД) — продукт генетической памяти народов Дагестана, способ нахождения межнационального согласия, который представляет собой коллективного президента, а председатель его выступает главой дагестанского государства. Своеобразие Госсовета состояло в том, что каждая из 14 коренных (титульных) национальностей представлена в нем одним лицом. Это позволяло принимать соответствующие решения коллегиально с максимальным учётом интересов народа. Основное условие их титулизации — компактное проживание.

По Конституции РД 1994 г. Государственный Совет РД возглавлял исполнительную власть и обеспечивал взаимодействие органов государственной власти.

Госсовет РД, выступая гарантом законности и правопорядка (ст. 90 Конституции РД), обязан был разрабатывать и осуществлять меры по борьбе с преступностью в рамках своих полномочий.

Описание исследования

Анализируя криминологическую ситуацию в Дагестан в период деятельности Государственного Совета РД, необходимо отметить следующее. Ежегодно в республике в среднем совершалось свыше 14,7 тыс. преступлений. Причем наблюдалась относительная стабильность доли тяжких и особо тяжких преступлений. Широкое распространение приобрели похищения людей, наёмные убийства, терроризм, не сокращались преступления с использованием огнестрельного автоматического оружия и взрывных устройств. Организованная преступность занималась вымогательством, устанавливался контроль над банками, кредитными учреждениями, сферами предпринимательства. Насилие становилось инструментом давления на представителей власти, способом запугивания или устранения конкурентов по бизнесу, вымогательствами лиц от должности, средством разрешения конфликтов. В парламенте республики прямо заявляли: «Если нам

не удастся обуздать организованную преступность, никакие преобразования не принесут пользы обществу». Хотя наметилась тенденция некоторого снижения общего числа преступлений, тяжких преступлений становилось все больше. А это свидетельствует о силе и организованности двух «сиамских близнецов» — криминального предпринимательства и коррумпированного чиновничества. Рост социально-политического «авторитета» преступных элементов привел к снижению авторитета добросовестного труда учителей, ученых, промышленных рабочих, специалистов сельского хозяйства.

В 2001 г. среди насильственных проявлений значительное место составляли убийства, похищения людей, криминальные взрывы, вооруженные нападения. Более жестокими и агрессивными стали действия преступников, которые все чаще шли на активное сопротивление правоохранительным органам.

Высоким оставался уровень латентной преступности. Вторжение в Дагестан бандитских формирований и международных террористов, лиц, разыскиваемых за уголовные преступления и нашедших приют в ЧР, показали России и всему миру далеко идущие цели преступных сообществ — попытку раскола России и свержения конституционного строя в Дагестане.

Все это в совокупности вызывало чувство тревоги у населения за личную безопасность, тормозило реализацию экономических реформ, развитие предпринимательской инициативы. Отсюда вытекала задача усиления роли исполнительной власти и должностных лиц в предупреждении преступлений, создании эффективных механизмов контроля за исполнением ими законов и подзаконных актов.

Примером воздействия Государственного Совета РД на причины и условия, способствующие правонарушениям и преступности в республике, могут быть такие формы и методы воздействия, которые могут дать профилактический эффект через определенный промежуток времени. Последний аспект в деятельности Государственного Совета РД представляет наибольшую актуальность, поскольку позволяет концентрировать усилия органов государственной власти на нейтрализации общих причин, способствующих преступности, правовыми средствами в целом на уровне республики путем издания распоряжений, указов и принятия постановлений Госсовета РД в данной сфере общественных отношений, контролировать их исполнение. С учётом этих положений Госсовет РД разрабатывал и утверждал наиболее важные

концепции, тактические и стратегические направления по укреплению правопорядка в борьбе с преступностью. Причем профилактический эффект, как правило, следовало ожидать в будущем или, по крайней мере, к концу выполнения предупредительных мероприятий. Например, по результатам двух- или трехлетней программы борьбы с преступностью.

Программа состояла из следующих разделов: общая характеристика криминогенной обстановки в РД; цель и основные направления программы; совершенствование правовых и организационных основ усиления борьбы с преступностью; организация профилактической деятельности; совершенствование работы по борьбе с преступностью; активизация борьбы с организованной преступностью, коррупцией, бандитизмом, терроризмом, похищением людей, незаконным оборотом оружия, наркотиков; обеспечение экономической безопасности; материально-техническое, финансовое обеспечение правоохранительных органов республики. В борьбе с преступностью положительное влияние оказали и оказывают принятые программы по усилению борьбы с преступностью.

Вместе с тем в реализации названных программ были и продолжают иметь место недостатки, в частности отмечалось нецелевое использование бюджетных средств; рост экономической преступности, связанный с проявлением коррупции и проникновением криминалитета в органы власти и управления; наличие фактов сокрытия данных о фактах преступлений; о случаях либерального отношения судов к лицам, совершившим тяжкие преступления; отсутствие четкой координации правоохранительных органов и судов. Главы администраций районов и городов работу по выполнению программ зачастую сводили к отчетам правоохранительных органов, вместо того, чтобы организационно обеспечить выполнение мероприятия, особенно в части мобилизации населения, коллективов предприятий, общественных организаций на борьбу с преступностью. С учётом складывающейся криминальной обстановки в программу вносились соответствующие изменения и дополнения. Ход реализации программ заслушивался на заседаниях Государственного Совета РД, которые являлись организационно-правовой основой его деятельности. Ежегодно Правительство РД информировало Председателя Госсовета РД о ходе выполнения названных программ. Только в рамках выполнения указанных программ на заседаниях Госсовета РД были заслушаны вопросы

о ходе их выполнения в Кизилюртовском, Табасаранском районах, г. Каспийске, других районах и городах с вынесением соответствующих решений.

Взаимодействие органов государственной власти подразумевает взаимную связь Госсовета РД с другими органами государственной власти, которая предопределяется его конституционными полномочиями, ведущим положением в структуре власти. В соответствии с Конституцией РД (п. 5 ст. 95) Председатель Госсовета РД, а в последующем Президент Республики Дагестан и Глава Республики Дагестан обращался к Народному Собранию РД с ежегодным посланием о положении в республике. В нём глубоко анализировались вопросы состояния и предупреждения преступности. Это позволяет ориентировать органы государственной власти и местного самоуправления на основные направления борьбы с преступностью.

Обратим внимание на то, что в посланиях отмечалось, что: продолжается рост тяжких преступлений, много преступлений совершается с использованием огнестрельного оружия; значительно возросла преступность в сфере экономики, растут масштабы и новые формы проявления организованной преступности, расширяется география межрегиональных преступных связей. При этом в посланиях перед органами государственной власти и местного самоуправления ставятся конкретные задачи, в частности: при формировании и утверждении бюджета рассматривать в качестве первоочередных вопросы финансирования программ борьбы с преступностью; об усилении борьбы с коррупцией и экономическими преступлениями; эффективным инструментом в борьбе с коррупцией должен стать постоянный контроль институтов гражданского общества и СМИ над деятельностью органов власти.

Таким образом, Глава РД, Госсовет РД и Президент РД в своих посланиях указывают на негативные тенденции в обществе, иницируют различные формы и методы государственного воздействия на эти социальные явления, дают оценку деятельности органов государственной власти республики, в том числе и правоохранительных органов. Другой формой предупреждения преступности и активизации правоохранительных органов Госсоветом РД является оперативное реагирование на преступления, получившие большой общественный резонанс в республике и за его пределами. В постановлениях Госсовета РД по данному вопросу давалась политическая оценка общественно опасного деяния,

деятельности правоохранительных органов, адресовались конкретные поручения и предложения правоохранительным органам, ставились вопросы перед федеральными органами власти.

Непрерывный контроль за исполнением этих постановлений возлагался на Правительство РД, Совет безопасности РД и управления Государственного Совета РД.

Постановления Госсовета РД по этим вопросам принимались в связи с преступными посягательствами против представителей органов власти и местного самоуправления, в частности, Председателя Правительства РД, члена Госсовета РД, депутата Госдумы РФ, заместителя прокурора РД, министров РД, председателя Комитета Народного Собрания РД, заместителя руководителя Администрации Госсовета и Правительства РД, глав администраций Магарамкентского и Тарумовского районов, а также в связи с массовыми беспорядками, сопровождавшимися захватом здания Госсовета, Народного Собрания и Правительства РД.

Постановлением Госсовета РД были одобрены и внесены на рассмотрение Народного Собрания Республики Дагестан проекты законов «О праве граждан на приобретение и ношение огнестрельного оружия», «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности в Республике Дагестан».

Оперативное реагирование Госсовета РД на изменение состояния преступности и криминальной обстановки осуществлялось путем создания рабочих групп из представителей Правительства и Госсовета РД и правоохранительных органов для изучения ситуации и внесения соответствующих предложений.

Отряды самообороны создавались и функционировали при чрезвычайных ситуациях и угрозе их возникновения в мирное и военное время, в том числе при вооруженной агрессии в отношении республики, захвате её территории, массовых беспорядках, сопровождающихся насилием, угрозой жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Предупреждение преступности Госсоветом РД имело свои особенности, связанные с его конституционным статусом как органа, возглавляющего исполнительную власть и обеспечивающего взаимодействие органов государственной власти РД, как это было закреплено в Конституции Республики Дагестан 1994 г. Основной формой предупреждения преступности Госсоветом РД являлась работа его органов (кадрового, правового, контрольного

управлений, Совета безопасности...), постоянных комиссий по противодействию политическому и религиозному экстремизму, по правам человека, Совета старейшин и т. д. и временных комиссий, а также его нормативно-правовые акты в рассматриваемой сфере общественных отношений. Способы предупреждения преступности весьма разнообразны: обсуждение этих проблем на заседаниях Госсовета РД; создание рабочих групп по выработке предложений по укреплению правопорядка; актуализация в посланиях Председателя Госсовета РД проблем преступности.

Весомый вклад в предупреждение преступности вносили постоянные комиссии Госсовета РД. По преступлениям, получившим большой общественный резонанс, принимались постановления Госсовета РД, что позволяло установить помимо ведомственного, прокурорского и государственного контроль над раскрытием преступлений, получивших большой общественный резонанс в республике.

Для разработки предложений по борьбе с преступностью создавались консультативные органы при Госсовете РД на постоянной основе и на общественных началах (Совет безопасности РД, Республиканская антитеррористическая комиссия, Совет старейшин и т. д.).

Главная задача Совета безопасности РД — обеспечение безопасности граждан, повышение эффективности работы правоохранительных органов, укрепление законности и правопорядка.

Совет старейшин, являясь консультативным органом, вносил в Государственный Совет РД предложения по укреплению правопорядка и борьбе с преступностью.

Как видим, формы и методы предупреждения преступности, разработанные Госсоветом РД, были весьма многообразными. Объединяет их попытка раннего выявления, установления и правового регулирования негативных общественных отношений с целью контроля и сдерживающего влияния на преступность. Деятельность Госсовета РД обеспечивала кадровое, контрольное и правовое управления.

Другой формой участия Государственного Совета Республики Дагестан в предупреждении преступности стала процедура помилования.

Распоряжением Председателя Государственного Совета Республики Дагестан от 11 февраля 2002 г. № 4-р была образована Комиссия по вопросам помилования при Председателе Госсовета РД, утверждено Положение об этой комиссии и ее состав.

Акт помилования является юридическим основанием, обязывающим соответствующие правоохранительные и уголовно-исполнительные органы выполнять содержащиеся в нем предписания. Практика помилования свидетельствует, что помилованию, как правило, подлежат осужденные, отбывшие не менее половины назначенного судом срока наказания при наличии положительной характеристики, данной администрацией учреждения по месту отбывания наказания. Другими факторами в пользу помилования являются тяжелое состояние здоровья осужденного, его семейное положение, наличие несовершеннолетних детей, а также совершение преступления впервые и на бытовой почве.

Предупреждение преступности органами государственной власти, осуществляемое на общесоциальном уровне, имеет свои особенности. Эти особенности заключаются в регулировании процессов предупреждения преступности путем принятия нормативных актов, которые оказывают на нее сдерживающее влияние. При этом требуется учитывать политические, экономические, геостратегические, социально-демографические, нравственно-психологические, уголовно-правовые и иные основания.

Формы предупреждения преступности высшими органами государственной власти весьма разнообразны. Так, деятельность Госсовета РД по предупреждению преступности включала в себя: обсуждение проблем борьбы с преступностью на заседаниях Госсовета РД; комиссионную проверку деятельности городских и районных администраций по предупреждению преступности; анализ складывающейся криминальной ситуации в посланиях Председателя Госсовета РД и Президента РД Народному Собранию РД, обозначение тактических и стратегических направлений по его оздоровлению; обсуждение проблем борьбы с политическим и религиозным экстремизмом, терроризмом и организованной преступностью на постоянных комиссиях Госсовета РД.

Совет безопасности РД, являясь консультативным органом Госсовета РД, готовил Председателю Госсовета РД предложения по совершенствованию борьбы с преступностью, для противодействия внутренним и внешним угрозам. За счет бюджета РД во многих городских и районных администрациях введены должности заместителей главы администрации по вопросам общественной безопасности.

Предупреждение преступности осуществлялось и путем введения чрезвычайного положения на отдельных территориях республики.

На период действия чрезвычайного положения: а) был введен особый режим въезда и выезда, а также ограничение свободы передвижения на территории района чрезвычайного положения; б) усилена охрана общественного порядка и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения; в) запрещено проведение собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, а также иные массовые мероприятия; г) запрещены забастовки; д) ограничено движение транспортных средств и осуществлялся их досмотр; е) приостанавливалась после соответствующего предупреждения деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки; ж) осуществлялась проверка документов в местах скопления граждан, а в исключительных случаях при имеющихся данных о наличии у граждан оружия — личный досмотр, досмотр вещей, жилища и транспортных средств; з) выдворялись нарушители общественного порядка, не являющиеся жителями данной местности, к месту их постоянного проживания либо за пределы территорий, на которой введено чрезвычайное положение, за их счет.

С самого начала 1994 г. был введен особый режим проживания и перемещения граждан в Махачкале, затем в Кизилюрте, Каспийске, Дербенте, Хасавюрте и некоторых других населенных пунктах. Главная цель этой вынужденной меры — борьба с преступностью и укрепление правопорядка.

Правоохранительные органы оказались не готовыми к противодействию преступности в изменившихся условиях. Отмечалось, что профессиональный уровень многих работников правоохранительных органов остается все еще низким. Среди них есть и такие, которые злоупотребляют своим служебным положением, проявляют безответственность, грубость, позоря честных и преданных своему делу товарищей по службе. Существовали причины и субъективного порядка. Например, отсутствие должной наступательности в борьбе с криминалом со стороны правоохранительных органов, несоответствие применяемых ими оперативных методов и приемов реальной обстановке.

В этой связи ставилась задача усиления координации деятельности всех управленческих структур, правоохранительных органов и общественности в борьбе с преступностью. Сложная обстановка требовала введения в отдельных городах и районах республики усиленного административного режима.

Эффективному противодействию преступности мешала коррупция.

Государственный Совет РД на своих заседаниях и в принимаемых постановлениях вскрывал некоторые причины преступности, в том числе отдельных ее видов, в частности, в принятом постановлении от 31 августа 1995 г. «О фактах убийств и посягательств на жизнь и здоровье представителей власти и мерах по борьбе с проявлениями организованной преступности в республике»¹.

Особое внимание в постановлении уделялось следующим обстоятельствам: доступные формирования занимаются рэкетом стремятся установить контроль над банками, сферами предпринимательства, распределением материальных ресурсов, срываются с отдельными коррумпированными элементами в государственном аппарате. Все чаще насилие становится инструментом давления на представителей власти, способом запугивания или устранения конкурентов по бизнесу, средством разрешения конфликтов. Преступники своими противоправными деяниями тормозят реализацию экономических реформ, развитие предпринимательской инициативы. На этом заседании ставилась задача о перекрытии каналов финансовой подпитки организованной преступности, острее реагировать на многочисленные факты отвлечения бюджетных средств, их незаконной передачи коммерческим структурам, нецелевого использования инвестиционных и иных кредитов.

Обобщая итоги деятельности силовых структур по ликвидации террористов, следует отметить характерные недостатки: 1) отсутствие продуманного оперативного плана при блокировании и задержании террористов, скрывающихся в домах; 2) расшифровка СМИ действий спецслужб и приданных сил при блокировании террористов; 3) неиспользование имеющихся спецсредств при вытеснении террористов из подвальных и других подземных сооружений; 4) отсутствие четкого взаимодействия силовых структур при ликвидации террористов.

Весомый вклад в предупреждение преступности вносили постоянные комиссии Госсовета РД. По преступлениям, получившим большой общественный резонанс, принимались постановления Госсовета РД, что позволяло установить помимо ведомственного, прокурорского и государственного контроля над раскрытием преступлений, получивших большой общественный резонанс в республике.

¹ Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446276451> (дата обращения: 20.10.2022).

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что предупреждение преступности Госсоветом РД представляло собой процесс, осуществляемый на общесоциальном уровне путем непрерывного изучения, оценки и принятия адекватных мер нормативно-правового и иного характера по нейтрализации, снижению преступности и контролю над ней в рамках своих полномочий, определяемых ведущим его положением в структуре исполнительной власти республики.

В связи с противоречием некоторых положений Конституции РД Конституции РФ Конституционным собранием РД 10 июля 2003 г. была принята новая Конституция РД.

Вместо Госсовета РД была введена должность Президента РД, который является высшим должностным лицом РД и возглавляет исполнительную власть РД.

Президент РД проводит политику, направленную на обеспечение прав и свобод человека и гражданина, законности и правопорядка... (ст. 75 Конституции РД).

Осмысление периода президентского правления в Дагестане представляет особую ценность для дальнейшего поступательного развития республики, анализа допущенных недостатков и упущений в борьбе с преступностью, которые необходимо избежать в дальнейшем.

2006–2010 гг. — это первый период президентского правления в Дагестане. 20 марта 2006 г. Президент РФ В. В. Путин внес на рассмотрение парламента Дагестана представление о наделении полномочиями Президента РД Алиева Муху Гимбатовича сроком на 4 года.

В Послании Президента Республики Дагестан Народному Собранию Республики Дагестан от 10 июля 2008 г. подчеркивалось, что «Конечно, правоохранительные органы есть за что критиковать. И прежде всего за низкую раскрываемость тяжких преступлений, в том числе вызвавших большой общественный резонанс, неудовлетворительную организацию борьбы с экономическими преступлениями, слабую оперативно-розыскную деятельность. Немало поступает обращений о недозволенных методах ведения дознания и следствия. Однако, высказывая критические замечания в их адрес, мы не имеем права забывать, что именно работники правоохранительной системы республики в тяжелейших условиях службы ежедневно принимают на себя главную нагрузку в борьбе с преступностью, бандитизмом и терроризмом. Наша первейшая задача — консолидация дагестанского общества, сохранение политической стабильности, конструктивного сотрудничества,

гражданского и общественного согласия по коренным вопросам развития республики. Вторая не менее важная проблема — бескомпромиссная борьба с преступностью, коррупцией, легализация теневой экономики»¹.

Рассматриваемый отрезок времени характеризуется усилением президентского влияния и контроля за деятельностью правоохранительных органов, всесторонней поддержкой становления и развития институтов гражданского общества. В конечном итоге принятые меры способствовали улучшению социально — экономического развития республики. Республика по многим параметрам социально — экономического положения вышла на лидирующие позиции Южного федерального округа. Впервые начали проводиться конкурсные отборы граждан на государственную гражданскую службу. Осуществлялся взыскательный спрос с министерств, ведомств и руководителей структурных подразделений Администрации Президента и Правительства Республики Дагестан за результаты своей деятельности и проведением ими государственной политики в соответствующих сферах деятельности.

Основные выводы

1. Дагестан — многонациональная республика, и кадровая политика должна соответствовать структуре населения. Однако на деле в кадровой политике преобладают родственно-куначеские и тухумно-клановые предпочтения, что приводит к засилью в органах власти и управления, а также на «выгодных» должностях представителей одной национальности и недовольству другой ее части.

2. На наш взгляд, следует систематически анализировать национальный состав кадров республиканского, городского и районного звеньев государственного, хозяйственного управления, вузов, техникумов и научных учреждений, профсоюзных, молодежных и других общественных организаций.

3. Органы государственной власти обязаны своевременно реагировать на негативные тенденции в структуре и динамике преступности. В основном преступления, как правило, совершают нигде не работающие молодые люди. Они же пополняли ряды незаконных вооруженных формирований, организованных преступных групп и сообществ, как в республике, так и за ее пределами. Не удалось

¹ Послание президента Дагестана: «Главный итог прошедших лет — нам удалось обеспечить стабильность в республике» // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1026146.html> (дата обращения 20.10.2022).

решить проблему трудоузанятости населения путем создания дополнительных рабочих мест. Средства, выделенные на эти цели, становились чаще всего объектом мошеннических действий и расхищались.

4. В этот период, к сожалению, оказались нереализованными наши предложения по созданию при Госсовете РД группы научных и практических работников по изучению и разработке мер разрушающего воздействия на преступность, а также проведению криминологической экспертизы нормативно-правовых актов по рассматриваемым и иным вопросам, затрагивающим права и законные интересы граждан¹.

5. Не придавалось значения нашим предложениям проводить зондаж общественного мнения до принятия нормативно-правовых актов по наиболее актуальным проблемам жизни дагестанского общества. Изучение практической деятельности, материалов заседаний и посланий Государственного Совета РД, а также оппозиционных изданий (газета «Дагестанцы») позволяет обозначить главные недостатки в его работе по предупреждению преступности в республике.

6. Одним из действенных средств по противодействию преступности является полная реализация предписаний, содержащихся в постановлениях Госсовета по данному вопросу, и систематический контроль над исполнением собственных решений. К сожалению, многие принятые решения по указанным вопросам не проверялись с выездом на места ответственными работниками, не обсуждались на заседаниях Государственного Совета РД и не ставился вопрос об ответственности виновных лиц.

К примеру, первые программы по борьбе с преступностью не были профинансированы, в результате многие вопросы не были реализованы, что повлекло рост криминальной напряженности и преступности в республике. Рассматриваемый период характеризуется как коррупционно-критический. При этом существенно возросла цена преступности.

Эти негативные явления достигли масштабов, угрожающих безопасности республики, и проникли даже в силовые структуры. Как показывает экспертный опрос, в системе МВД РД за прием на работу, продвижение по службе, присвоение очередного звания надо платить соответствующую «мзду», и об этом было заявлено на коллегии МВД РД,

посвященной итогам оперативно-служебной деятельности за 2004 г.

7. В правоохранительных органах надо обеспечить пропорциональное представительство всех народов республики, предусмотреть ротацию руководителей этих органов на районном, городском и республиканском уровнях, что исключит создание в них клановых структур, которые являются источником приращенности преступности.

8. Отсутствие надлежащего государственного контроля и попустительство со стороны властных структур привело к многомиллионным хищениям бюджетных средств. К уголовной ответственности, как правило, привлекались рядовые исполнители, а организаторы и покровители, способствовавшие этому, остались в тени.

9. Оценивая итоги деятельности по предупреждению преступности еще в 1995 г., Государственный Совет РД указывал, что следует пресечь практику предоставления финансовых средств заемщикам без предварительного анализа их финансового состояния, эффективности хозяйствования, платежеспособности, уровня налоговой дисциплины. Эти требования были проигнорированы, и республику захлестнул вал хищений государственных средств.

В результате подобных и иных мошеннических действий в первые годы рыночной экономики выращивались олигархи республиканского масштаба, которые в последующем приняли деятельное участие в незаконной приватизации и умножили свои капиталы, которые использовались для проникновения во властные структуры.

10. Обзор республиканской экономической литературы в этот период показывает, что, несмотря на наличие довольно значительного потенциала высококвалифицированных экономистов, в том числе профессоров, академиков, не была разработана и представлена на рассмотрение Госсовета и Правительства РД добротная программа возрождения экономики республики, адаптированная к реалиям рыночной экономики.

Публикации на эту тему страдали декларативностью, а предложения не были научно и практически обоснованы, и локально апробированы. Эффективность борьбы с преступностью во многом зависит от степени координации этой работы.

11. Не оправдала себя парадигма, согласно которой социально ориентированная рыночная экономика — саморегулирующаяся система. Поэтому необходимо было восстановить координационно-управленческую

¹ Об идее криминологической экспертизы см.: Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2011. С. 49–50.

функцию государства на всех уровнях власти, особенно по социально значимому блоку вопросов.

12. По отчетам руководителей Министерства финансов и Министерства сельского хозяйства и продовольствия РД на совещании при Президенте РД необходимо было обсудить состояние контроля за использованием целевых бюджетных и кредитных средств, выделенных для поддержки сельхозпроизводителей, поскольку эта сфера становилась весьма криминальной.

13. В целях исключения фактов уклонения граждан от уплаты налогов государству на уровне Правительства РД не удалось принять правовой акт, обязывающий администрации городов (районов), органы государственной статистики, налоговые инспекции РД, банки организовать и проводить ежемесячную взаимосверку зарегистрированных предприятий, граждан-предпринимателей. Создать единый банк данных о всех зарегистрированных в республике предприятиях (граждан — предпринимателей), в том числе реорганизованных, ликвидированных.

14. Предложения по созданию при Совете безопасности республики Координационного совета с возложением на него задач сбора и анализа оперативной информации и доведения прогнозов по ее развитию до силовых министерств, ведомств и руководствоваться ими при возникновении чрезвычайных ситуаций на территории РД, а также разработки программы государственной поддержки сотрудников правоохранительных органов республики, самоотверженно выполняющих свой долг не удалось реализовать.

15. В рамках функционирования Общественной палаты по контролю за деятельностью органов государственной власти следовало обратить приоритетное внимание на расходование бюджетных средств.

16. При Главе РД создать постоянную рабочую группу (совет) из религиозных деятелей, научных и практических работников

изучению по разработке мер предупреждения коррупции, экстремизма и терроризма.

17. Ежеквартально осуществлять контроль за исполнением решений, принятых Главой РД и Правительством РД по проблемам укрепления правопорядка и борьбы с преступностью и информировать их о результатах проверки.

18. Следует обеспечить в правоохранительных органах пропорциональное представительство всех народов республики, предусмотреть ротацию и обновление руководителей этих органов через каждые три года на районном, городском и республиканском уровнях с целью исключения возникновения в них клановых структур. Разработать критерии оценки деятельности этих органов.

19. Дополнить статью 78 Конституции Республики Дагестан, расширив компетенцию Главы Республики. Следует предоставить ему полномочие на введение чрезвычайной формы правления с соответствующими ограничениями в случаях чрезвычайной ситуации, связанной с вторжением бандформирований, противоправной деятельности незаконных вооруженных формирований, а также при крайнем обострении религиозного экстремизма или возникновении тотальной коррупции. На уровне республиканского законодательства регламентировать эти ограничения, согласовав их с федеральным законодательством.

Таким образом, оценивая деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по предупреждению преступности, необходимо отметить, что им следует сосредоточить усилия на следующих направлениях: экономическом возрождении республики; усилении государственного контроля в сферах обеспечения безопасности и достойной жизни граждан; проведении системной, бескомпромиссной борьбы с коррупцией в республике, которая приняла беспрецедентный характер; пересмотреть кадровую политику, сделав акцент на их расстановке исключительно по деловым и профессиональным качествам.

Список источников

1. Гаджиев Д. М. Власть и особенности предупреждения преступности в Республике Дагестан : монография / Администрация Президента и Правительства Республики Дагестан. Махачкала : [б. и.], 2007. 478 с.
2. Гаджиев Д. М. Безопасность Дагестана: криминальные угрозы и меры противодействия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2 (33). С. 57–61.
3. Гаджиев Д. М. О региональном подходе к противодействию преступности // Российский следователь. 2015. № 8. С. 27–31.
4. Гаджиев Д. М., Гаджиев М. Д. Субъекты предупреждения преступности Республики Дагестан // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 4. С. 511–514.

5. Гаджиев Д. М. История болезни. Становление и укрепление олигархических кланов Республики Дагестан // Самоуправление. 2019. № 1 (114). С. 33–37.

6. Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2011. 73 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 27.11.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.01.2023.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ГЕНОЦИДЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Кристина Александровна Краснова¹, Мария Александровна Волкова²

¹Российский государственный университет правосудия,
Северо-Западный филиал, Санкт-Петербург, Россия
krasnova_vnii@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-1545-8025>

²Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия
mvolkova2013@bk.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-5928-6929>

Аннотация. Значение современных судебных процессов о геноциде и обсуждение судебных решений послевоенных лет (Нюрнбергский и Японский трибуналы, Хабаровский процесс) состоит в том, чтобы не исказить события Второй мировой войны и не допустить их повторения в XXI веке. Современность определяет необходимость формирования новых подходов к содержательному определению геноцида в целях недопустимости искажения исторической памяти народов. Авторами проведен анализ действующего российского и международного законодательства, научно-публицистических источников. Обращено внимание на то, что в научных публикациях нередко искажается значение термина «геноцид», исторические факты трактуются искаженно. По результатам исследования делается вывод о необходимости расширения термина геноцид в уголовном законодательстве.

Ключевые слова: геноцид советского народа, блокада, историческая память, военные преступления, преступления против человечности, культурный геноцид, лингвистический геноцид

Для цитирования: Краснова К. А., Волкова М. А. Историческая память о геноциде советского народа в годы Великой Отечественной войны: уголовно-правовой аспект // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 98–102. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10113

Research article

HISTORICAL MEMORY OF THE GENOCIDE OF THE SOVIET PEOPLE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: CRIMINAL AND LEGAL ASPECT

Kristina A. Krasnova¹, Maria A. Volkova²

¹North-Western branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia
krasnova_vnii@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-1545-8025>

²Moscow Financial-Industrial University "Synergy", Moscow, Russia
mvolkova2013@bk.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-5928-6929>

Abstract. The significance of modern genocide trials and discussion of court decisions of the post-war years (the Nuremberg and Japanese tribunals, the Khabarovsk trial) is not to distort the events of the Second World War and prevent their repetition in the 21st century. Modernity determines

the need for the formation of new approaches to the meaningful definition of genocide in order to prevent the distortion of the historical memory of peoples. The authors analyzed the current Russian and international legislation, scientific and journalistic sources. Attention is drawn to the fact that in scientific publications the meaning of the term genocide is often distorted, historical facts are interpreted distortedly. Based on the results of the study, it is concluded that it is necessary to expand the term “genocide” in the criminal law.

Keywords: genocide of the Soviet people, blockade, historical memory, war crimes, crimes against humanity, cultural genocide, linguistic genocide

For citation: Krasnova KA, Volkova MA. Historical Memory of the Genocide of the Soviet People during the Great Patriotic War: Criminal and Legal Aspect. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):98-102. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10113 (In Russ.)

Введение

20–23 ноября 2022 г. в столице Ленинградской области — г. Гатчине — прошел Международный научно-практический форум «Без срока давности. Геноцид советского народа со стороны нацистов и пособников в годы Великой Отечественной войны: историческое осмысление и судебная практика», который развил публичную дискуссию о нравственном понимании геноцида — преступления, предусмотренного ст. 357 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Данному мероприятию предшествовало вынесение двух знаковых судебных решений.

10 октября 2022 г. решением Ленинградского областного суда удовлетворено заявление прокурора Ленинградской области С. А. Жуковского о признании военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом советского народа установленных и вновь выявленных преступлений, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны на территории региона¹.

20 октября 2022 г. Санкт-Петербургским городским судом блокада Ленинграда признана преступлением против человечности и геноцидом национальных и этнических групп, проживавших на территории СССР². Указанные судебные решения основываются на фактах, исследовании архивных материалов и других исторических источников и являются крайне важными для сохранения исторической памяти.

Вместе с тем, по словам Генерального прокурора Российской Федерации И. В. Краснова,

«спустя десятилетия есть желающие исказить историческую правду, в том числе и в отношении этих событий»³. Об этом свидетельствуют и публикации в англоязычном сегменте сети Интернет. К примеру, в научной статье, опубликованной 7 сентября 2022 г. преподавателем Лейденского университета (Нидерланды), ее автор Эгберт Фортюин рассматривает аргументы, используемые Россией в отношении геноцида русскоязычного населения на Украине, как часть российской пропаганды, основанной на итогах Второй мировой войны. Автор считает объективно установленные факты, касающиеся ситуации на Донбассе, недействительными, основанными на преувеличениях, гиперболическом использовании терминологии и лжи, а русский язык и культуру признает «средством восстановления российской сферы влияния» [8].

В негативном ключе рассматривают историческую память о геноциде и другие авторы, характеризуя отсылки современных политиков к истории преследований отдельных народов исключительно как направленные на разжигание националистических и ультраправых настроений для достижения политических целей, приводя в пример лидеров России и Венгрии [6].

Нельзя сказать, что термином «геноцид» охватываются исключительно события Великой Отечественной войны. Так, геноцидом признаны и преступления в отношении сербов, совершенные на территории Независимого Хорватского государства в годы Второй Мировой войны. В частности, в 1941 г. был принят целый ряд так называемых «расовых законов». Согласно указу «О хорватской национальности», право на гражданство

¹ Новость от 10.10.2022 // Ленинградский областной суд : [сайт]. URL: http://oblsud.lo.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=848 (дата обращения: 03.01.2023).

² Черенева В. Блокаду Ленинграда официально признали геноцидом // RG.RU. URL: <https://rg.ru/2022/10/20/reg-szfo/blokadu-leningrada-oficialno-priznali-genocidom.html> (дата обращения: 03.01.2023).

³ Игорь Краснов принял участие в Международном научно-практическом форуме «Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы» // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64996227> (дата обращения: 24.11.2022).

получали только арийцы, а сербы и евреи попали в группу лиц, «принадлежащих государству». По указу о «защите арийской расы и чести хорватского народа» сербам предписывалось носить на одежде синюю повязку с буквой «П» (православный), евреям — звезду Давида на желтом фоне [7]. Из событий послевоенных лет операция «Анфаль» по международным стандартам преступлений подпадает под описание геноцида. Речь идет о кампаниях расстрелов, массовых убийств и организованного истребления курдской общины Ирака. Стратегия операции «Анфаль», продолжавшейся в период с февраля по сентябрь 1988 г., заключалась в том, чтобы разрушить все оборонительные возможности курдского сообщества. Разрушение деревень в Курдистане и перемещение населения на открытое пространство было направлено на то, чтобы навсегда избавиться от их идентичности и способности к продолжению рода, поскольку истреблялась молодая и активная возрастная группа указанного сообщества. В результате община Анфаль, численность которой составляла примерно 182 тыс. человек, потеряла более 70 тыс. жителей [9].

Как видим, научный дискурс активно оперирует термином «геноцид», который требует нового осмысления в текущих условиях проведения специальной военной операции, начатой 24 февраля 2022 г. Далее рассмотрим указанное понятие через призму уголовной репрессии.

Исследовательская часть

Геноцид является одним из самых серьезных преступлений против человечности, поскольку оно затрагивает жизнь, свободу, права или человечность группы людей. Эти преступления в совокупности составляют так называемые гуманитарные преступления. Геноцид считается относительно недавно возникшим, поскольку его появление в своем нынешнем виде связано с периодом после Второй мировой войны, когда его признаки были описаны в резолюциях ООН и Конвенции ООН о предупреждении геноцида и наказании за него 1948 г. [5]

Следует отметить коллизионность терминологии, используемой российским, иностранным и международным законодательством. Так, ст. 2 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., ст. 19 проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и ст. 6 Статуса Международного уголовного суда определяют геноцид как «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью

или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую и религиозную группу как таковую путем убийства, серьезных телесных повреждений или умственного расстройства, предумышленное создание таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение, меры, рассчитанные на предотвращение деторождения, насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую». Как отмечается в литературе, это определение не в полной мере соответствует УК РФ [4].

На наш взгляд, полным нельзя считать и определение, содержащееся в международных актах. В качестве разъяснений могут быть приняты положения Доклада Подготовительной комиссии международного уголовного суда¹. В ст. бвышеназванного Доклада объективную сторону геноцида предлагается оценивать «в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против этой группы». Таким образом, можно предположить, что геноцид может выходить за рамки тех деяний, которые определены в уголовном законодательстве. В частности, полное или частичное уничтожение расовой, этнической или иной группы людей может производиться не только физически, но и идеологически, путем искоренения национального самосознания, культурно-исторических национальных обычаев, языка. Такой культурный геноцид не подпадает под действия, предусмотренные ст. 357 УК РФ, но допускается международной правоприменительной практикой, как следует из приведенного выше Доклада Подготовительной комиссии международного уголовного суда.

Важность сохранения культурно-исторического национального наследия понимают во многих государствах. Так, в Польше в 2018 г. была введена уголовная ответственность за высказывания о соучастии Польши нацистским преступлениям по время Второй мировой войны, а также за пропаганду бандеровской идеологии и отрицание «преступлений украинских националистов»².

¹ Доклад Подготовительной комиссии Международного уголовного суда. Часть II. Окончательный проект текста Элементов преступлений // Refworld : [сайт]. URL: <https://www.refworld.org.ru/type,LEGHIST,,53a1a6ce4,0.html> (дата обращения: 03.01.2023).

² Об Институте национальной памяти — Комиссии по расследованию преступлений против польского народа : Закон от 18 декабря 1998 года (поправки от 1 февраля 2018 года) // Конституции государств (стран) мира : Библиотека конституций Пашкова Романа : [сайт]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1917> (дата обращения: 03.01.2023)

Геноцид советского народа в годы Великой Отечественной войны оставил культурный отпечаток, который продолжает играть важную роль на культурной арене. Поэтому следует взглянуть на изучение понятия «культурный геноцид» как одной из форм преступления геноцида с целью установления содержания культуры как объекта преступления геноцида.

Культурный геноцид является не новым признаком преступления геноцида. В литературе он рассматривается в качестве составной части геноцидной политики, где может составлять фазы прегеноцида или постгеноцида либо выступать в качестве самостоятельного преступления. В качестве такого М. Э. Бабаян предлагает признать практику уничтожения культуры народов Османской империи, Шри-Ланки и Тибета [1]. В наши дни в рамках культурного геноцида не только нивелируется русский язык как средство коммуникации достаточно многочисленных русскоязычных сообществ ряда стран постсоветского пространства. Помимо этого, в результате одиозных решений правительств и местных органов управления отдельных недружественных государств происходит истребление любых материальных следов позитивного участия россиян в жизни отдельных регионов. Только в 2022 г. подверглись сносу мемориалы советским воинам-освободителям в городах Латвии, осквернены военные кладбища в городах Польши, демонтированы памятники советским солдатам в городах Литвы и Эстонии, Монумент Дружбы народов в Киеве, памятники русским писателям и поэтам в других городах Украины, памятник «Мир во всем мире» в Финляндии. Скорбный список, к сожалению, будет только пополняться.

Одним из проявлений исторического геноцида, направленного на искоренение национального сознания, можно считать лингвистический геноцид (так называемый «лингвоцид»). Впервые его ввел в научный оборот ещё в 1967 г. Я. Б. Рудницкий [3], предложивший считать таковым подчинение носителей языка определенной языковой доктрине, фокусом которой выступает принудительная языковая ассимиляция. Язык любой нации (народа) отражает его культурно-исторические особенности, поэтому искоренение языка отрывает его носителя от исторических корней.

В России понимают важность сохранения культурного наследия, что гарантируется целым рядом правовых актов. Так, в 1995 г. был принят Федеральный закон «Об увековечении

Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов»¹, целью которого указывается сохранение памяти о защитниках Родины. 29 декабря 2022 г. указанный законодательный акт дополнен определением Георгиевской ленты в качестве символа воинской славы России. В 2020 г. Конституция РФ была дополнена ст. 67.1, закрепившей обязанность государства чтить память защитников Отечества, обеспечивать защиту исторической правды. Таким образом, наша страна предпринимает активные меры по сохранению национального самосознания.

К большому сожалению, в настоящее время не хватает основанных на фактических данных уголовно-правовых исследований, проверяющих эффективность уголовной политики в сфере противодействия геноциду [2]. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы научные разработки в рассматриваемой сфере превратились в ключевые источники информации для законодателя. Эти научные исследования должны, прежде всего, отвечать на вопросы, какие различные формы геноцида существуют в современном мире и каким образом уменьшить их проявление правовыми мерами.

Заключение

Исследование проблемы геноцида показывает, насколько чувствительной темой она является не только в нашей стране, но и за рубежом. Полагаем, что в наши дни недопустима стратегия «молчания о геноциде». Преступления геноцида, совершенные в отношении советского народа в годы Великой Отечественной войны, обязательно должны широко упоминаться в учебниках истории, быть острой темой в литературе и кино, и не только историки, но и криминологи должны рационально исследовать преступления геноцида с новых аспектов через призму нравственности.

Геноцидом следует считать не только убийство или причинение вреда здоровью представителям национально-этнических или религиозных групп, но и иные действия, направленные на утрату ими осознания своей национальности / расы / этноса / религии. В этой связи рекомендуется внесение изменений в российское уголовное законодательство, путем дополнения признаков объективной стороны ст. 357 УК РФ.

¹ Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс», 2023.

Список источников

1. Бабаян М. Э. Феномен культурного геноцида: история и современность // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 14 (3). С. 99–111.
2. Кобец П. Н. Задачи и цели отечественной уголовной политики в условиях гражданского общества середины второго десятилетия XXI столетия // Государство и право в условиях гражданского общества : сборник статей Международной научно-практической конференции (Уфа, 08 мая 2015 года) / отв. ред. Сукиасян А. А. Аэтерна, Уфа, 2015. С. 81–83.
3. Кудинова Т. А., Резникова А. В., Кабулов Д. М. Язык ненависти как фактор эскалации лингвистического геноцида в контексте современной этноязыковой конфликтологии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 4 (75). С. 27–30.
4. Маляева Е. О. Международное законодательство об ответственности за преступления против права человека на жизнь // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 2. С. 338–348.
5. Решняк М. Г. Действие уголовного закона во времени: проблемные вопросы применения // Вестник Международного юридического института. 2011. № 2 (38). С. 7–29.
6. Becker S. O., Mukand Sh., Yotzov I. Persecution, pogroms and genocide: A conceptual framework and new evidence // Explorations in Economic History. 2022. Vol. 86. 101471. DOI: 10.1016/j.eeh.2022.101471
7. Dimić L. D. Genocide over the Serbian people in the Independent State of Croatia (1941–1945) // Napredak — časopis za političku teoriju i praksu. 2022. Vol. 3. Iss. 2. Pp. 41–52. DOI: 10.5937/napredak3-39499
8. Fortuin E. Ukraine commits genocide on Russians: the term “genocide” in Russian propaganda // Russ Linguist. 2022. No. 46. P. 313–347. DOI: 10.1007/s11185-022-09258-5
9. Ismat M. I., Salim J. H., Azad A. Sh. Genocide crimes committed against the Kurds in Iraq. Statistical study on Anfal operations 1987–1988 // Journal of Kurdistan for Strategic Studies. 2022. № Special iss. URL: <https://jkss.kissr.edu.iq/index.php/en/article/view/123/104> DOI: 10.54809/jkss.viSpecial.123

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 03.01.2023.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.01.2023.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

**ФАШИЗМ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
И ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ
В УСЛОВИЯХ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****Сергей Викторович Кондратюк***Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия*
kondratyuk.serzh@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

Аннотация. Исследованы вопросы криминологической профилактики проявлений фашизма на освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации. Актуальность темы определена задачами криминологической теории и практики противодействия фашизму. Теоретическая часть исследования содержит обобщение достижений криминологии. Современный фашизм определен как идеология. Социальная структура фашистского толка обозначена термином «общность». Выделены основные идеи фашизма: превосходства над другими социальными общностями; вождизма; устранения чужих общностей вплоть до их физического уничтожения; идея мессианства. Соответственно основным идеям фашизма выделены его признаки: 1) внешнего облика; 2) смысла формулировок употребляемых высказываний; 3) поведенческих стереотипов; 4) культурного кода. Сформулирована гипотеза о существовании детерминант фашизма на освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации. Проверка гипотезы осуществлена социологическим методом. Разработанная анкета учитывает требования взаимоконтроля и взаимного дополнения поставленных вопросов. Анкетированием охвачены представители студенчества, демобилизованные из рядов Народной милиции ДНР. Распределение респондентов по признакам пола и возраста соответствует социальной структуре новых субъектов Российской Федерации. По результатам анкетирования определены следующие детерминанты фашизма, сложившиеся на освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации: закрепление признаков фашизма в поведенческих и смысловых атрибутах; приемлемое отношение к проявлениям фашизма; готовность общественных структур, складывающихся на освобожденной территории, к восприятию фашизма. Установлено негативное влияние отдельных лидеров общественного мнения, допускающих высказывания экстремистского содержания. Показано, что структурные признаки и поведенческие стереотипы соответствуют криминальной субкультуре. Обращено внимание на возможность негативного воздействия со стороны идеологических противников, направленного на внедрение фашистского содержания в сложившиеся социальные общности. Сформулированы направления криминологической профилактики фашизма. Рекомендовано охватить молодежь влиянием политических партий и общественных движений с антифашистской идеологией.

Ключевые слова: идеология экстремизма, фашизм, социологическое исследование, детерминанты фашизма, криминальная субкультура, криминологическая профилактика фашизма

Для цитирования: Кондратюк С. В. Фашизм: социологическое исследование и детерминирующие факторы в условиях новых субъектов Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 103–110. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10114

FASCISM: A SOCIOLOGICAL STUDY AND DETERMINING FACTORS IN THE CONDITIONS OF THE NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sergey V. Kondratyuk

Togliatti State University, Togliatti, Russia
kondratyuk.serzh@mail.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

Abstract. The issues of criminological prevention of manifestations of fascism in the liberated territory of the new subjects of the Russian Federation are investigated. The relevance of the topic is determined by the tasks of criminological theory and practice of countering fascism. The theoretical part of the study contains a generalization of the achievements of criminology. Modern fascism is defined as an ideology. The social structure of the fascist sense is designated by the term “community”. The main ideas of fascism are highlighted: superiority over other social communities; leadership; elimination of alien communities up to their physical destruction; the idea of messianism. According to the main ideas of fascism, its signs are highlighted: 1) the appearance; 2) the meaning of the wording of the statements used; 3) behavioral stereotypes; 4) the cultural code. The hypothesis of the existence of the determinants of fascism in the liberated territory of the new subjects of the Russian Federation is formulated. The hypothesis was tested using a sociological method. The developed questionnaire takes into account the requirements of mutual control and mutual addition of the questions posed. The survey covered representatives of the student body demobilized from the ranks of the People’s Militia of the DPR. The distribution of respondents by gender and age corresponds to the social structure of the new subjects of the Russian Federation. According to the results of the survey, the following determinants of fascism that have developed in the liberated territory of the new subjects of the Russian Federation have been identified: the consolidation of signs of fascism in behavioral and semantic attributes; an acceptable attitude to manifestations of fascism; the readiness of social structures developing in the liberated territory to perceive fascism. The negative influence of individual opinion leaders who allow statements of extremist content has been established. It is shown that structural features and behavioral stereotypes correspond to the criminal subculture. Attention is drawn to the possibility of a negative impact from ideological opponents aimed at introducing fascist content into established social communities. The directions of criminological prevention of fascism are formulated. It is recommended to reach young people with the influence of political parties and social movements with anti-fascist ideology.

Keywords: ideology of extremism, fascism, sociological research, determinants of fascism, criminal subculture, criminological prevention of fascism

For citation: Kondratyuk SV. Fascism: a sociological study and determining factors in the conditions of the new subjects of the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):103-110. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10114 (In Russ.)

Введение

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В связи с проведением СВО в российском обществе наблюдаются кардинальные изменения в общественно-политической сфере [1–3]. Как правило, подобный исторический перелом приводит к радикализму и взглядов и мировоззренческих позиций. Между тем, на освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации молодежь в возрасте до 30 лет воспитывалась в чуждой для российской традиции системе взглядов и ценностей. В настоящее время

внедренные ранее мировоззренческие установки переносятся в новую социальную среду. Поэтому на территории новых субъектов РФ можно ожидать сочетание антагонистических общественных позиций. По мнению криминологов, наблюдается тренд общественного сознания в сторону экстремизма и его проявления фашизма [4]. Ученые предупреждают о «скатывании общества назад», к архаическим формам идеологии, к фашизму.

Детерминантам современного фашизма уделено много внимания в работах современных авторов, как отечественных, так и зарубежных [5–7]. В научной литературе отмечено,

что преступное поведение фашистского содержания проявляется в возникновении социальных общностей, объединенных ненавистью к «чужим» [8; 9]. В общностях фашистского толка чужими считаются социальные группы по признакам антропометрическим, этнографическим, культурологическим и другим [10]. Авторы обращают внимание, что почвой для возникновения данного социального феномена становится ощущение нестабильности, закрепленное в различных, прежде всего в молодежных социальных общностях [11]. Можно видеть, что подобные условия сложились на освобожденной территории в результате многолетнего выталкивания людей из российской многонациональной мировоззренческой системы. Однако подобные детерминанты, сформировавшиеся на освобожденной в ходе СВО территории, еще не рассматривались в научной литературе с позиций противостояния фашизму. Между тем, проблема детерминант фашистской идеологии требует научного анализа, в плане задач криминологической профилактики данного социального феномена.

В связи с вышеизложенным целью исследования является выявление криминологических детерминант фашизма в условиях новых субъектов Российской Федерации.

Методы исследования

Исследование проведено с применением общего и специальных научных методов уголовного права, криминологии и социологии.

Изучена научная литература, в которой фашизм отображен в историческом, культурном, а также уголовно-правовом и криминологическом аспектах. Применен метод анализа исторических факторов и условий укоренения идей фашизма, с последующим сопоставлением их с обстановкой на освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации. Сформулирована гипотеза о существовании предпосылок проникновения фашизма в общественное сознание на указанной территории. Гипотеза проведена социологическим исследованием общественного мнения. Результаты получены анкетированием 212 респондентов, основную часть из которых составили студенты вузов ДНР и ЛНР, демобилизованные из Народной милиции ДНР. При составлении анкеты учтены рекомендации социологов по реализации принципа взаимного дополнения вопросов, поставленных респонденту [12]. Ввиду ограниченного количества респондентов, статистическая погрешность составляет $\pm 5\%$, поэтому результаты анкетирования округлены до десятков

процентов. Неожиданным для нас оказалось превышение количества лиц женского пола (свыше 60 %) над количеством участников противоположного пола. Данный факт можем объяснить запретом для военнослужащих (между тем, значительное их количество смогло принять участие в анкетировании) пользоваться смартфонами на территории СВО. По возрастным категориям мы получили следующее распределение участников анкетирования: в возрасте 18–25 лет — 40 % респондентов, 26–35 лет — 30 %, 36–45 лет — 20 %, свыше 45 лет — 10 %.

Результаты исследования

В научной литературе криминологического направления феномену фашизма уделяют внимание многие ученые (Ш. Б. Магомедов, И. М. Мацкевич, В. В. Меркурьев, С. Ф. Милюков, П. С. Рыжов, Н. Е. Фокин и др.). Исследованы закономерности его возникновения [13–15] и внедрения в общественное сознание российского общества [16–18]. Рассматриваются вопросы идейного содержания [19–21], а также направления криминологического противодействия ему [22–24]. Между тем, на настоящий момент отсутствует достаточное количество работ по заявленной теме, охватывающих проблему социума на освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации.

Применительно к нашему исследованию фашизм рассматриваем как вид экстремизма. Экстремизм трактован в научной литературе как идеология и политическая практика выделения и преследования социальных групп по признаку национальному, расовому, антропологическому, этнокультурному и другим [25]. Такую группу лиц, солидарно следующих за подобной идеей, обозначаем как «социальную общность». Отсюда можно видеть, что фашизм отличается идеей солидаризма, т. е. стремлением к объединению социальной общности по признаку принадлежности к «своим». Также можно рассматривать фашизм как гипертрофированное проявление конкуренции, присущей современному обществу. Следует заметить, что если, например, в экономике или в науке конкурируют отдельные индивиды или их группы, то согласно идеологии фашизма конкуренция осуществляется между социальными общностями. При этом, в конкурентной борьбе по отношению к чужим допускаются радикальные действия, вплоть до изгнания их с территории или физического устранения. К тому же, социальную общность фашистского толка объединяет идея избранности, предназначенности для построения

эталонного общественного порядка. В этом ученые видят проявление идеалистических взглядов на общество. Приверженцы фашистской идеи оторваны от понимания экономических, социальных, правовых и т. п. научных закономерностей прогресса. Также авторы обращают внимание на архаизацию общностей фашистского толка. Их представители объединены стремлением к патриархальности, что проявляется в идее вождизма, в признании за лидером права доминировать над общностью указанного толка. Также в научной литературе отмечено, что идеология фашизма приобретает форму культового вероучения. Еще следует обратить внимание на деструктивную направленность фашизма, в отличие от других солидаристских идеологий современности. Вместо сотрудничества с другими социальными объединениями, общность фашистского толка допускает их устранение, вплоть до физического уничтожения.

Таким образом, фашизм можно представить как солидаризм, доведенный до крайности. Идеологически оправдывается применение радикальных средств в конкурентной борьбе между социальными общностями.

Так, по мнению, ученых, в современных условиях фашизм приобрел форму идеологии. В ней выделяем следующие основные идеи.

1. Идея превосходства данной социальной общности над другими, определяемыми как «чужие».

2. Вождизм. Носители идеологии фашизма признают ведущую роль вождя для социальной общности и для каждой отдельной личности. Авторитет вождя признается непререкаемым, такой лидер становится выразителем и защитником интересов социальной общности.

3. Идея устранения чужих путем изгнания с территории, которую занимает социальная общность фашистского толка, вплоть до их физического уничтожения.

4. Идея мессианства, что означает признание за данной общностью права устанавливать эталонный социальный порядок.

По нашим наблюдениям, идеология фашизма может проявляться в следующих признаках, присущих приверженцам данной социальной общности: 1) во внешнем облике; 2) в формулировках и смысле употребляемых высказываний; 3) в поведенческих стереотипах; 4) в проявлениях культуры.

Соответственно перечисленным выше основным идеям, составляющим идеологию фашизма, и указанным его признакам сформирован вопросник для анкетирования респондентов, проживающих на освобожденной

территории новых субъектов Российской Федерации.

В предлагаемой анкете источник проникновения идей фашизма в общественное сознание выражен в вопросе с такой формулировкой: «*Ряд лидеров общественного мнения выступают с призывами к репрессиям по отношению к отдельным нациям, религиям, а также социальным группам (спортивных фанатов, скин-хедов, дог-хантеров, нетрадиционных ориенталистов и т. п.). А Вы лично замечали случаи провозглашения подобных призывов?*».

На этот вопрос категорично ответили всего 10 % респондентов; лишь иногда замечали подобные высказывания до 40 % из участников анкетирования. Так, почти половина участников отметили наличие в общественном дискурсе экстремистских проявлений. Всего 20 % не замечают данного явления. Остальные анкетированные затруднились ответить на этот вопрос. Интересно, что в комментариях отдельные респонденты указали на конкретных телеведущих и общественных деятелей, которые позволяют себе в публичной сфере одобрять подобные идеи.

Следующий вопрос «*Поддерживаете ли Вы идеи устранения из общества представителей наций, религий, либо нежелательных социальных групп (спортивных фанатов, скин-хедов, дог-хантеров, нетрадиционных ориенталистов и т. п.)?*» фактически дополняет предыдущий и служит для него проверочным параметром.

Категорически поддерживают указанную идею до 30 % респондентов, против — до 50 %. На этот вопрос анкеты мы получили свыше 10 % иных ответов, в которых участники анкетирования уточняли формулировку вопроса и высказались за устранение из общества представителей конкретных общностей (в основном, нетрадиционных ориенталистов). Так, в итоге значительная часть респондентов допускает «насилованную зачистку общества от нежелательных элементов». Ожидаемо, данный результат корреспондирует с ответами на предыдущий вопрос анкеты.

На выявление убежденности в личном превосходстве над чужими ориентирован вопрос «*Употребляете ли Вы в повседневном общении унижительные наименования отдельных наций (хохлы, кацапы, чурки, негры и т. п.)?*». Данный вопрос направлен на выявление признаков формы и смысла употребляемых высказываний, если они отображают идею превосходства над чужими.

На этот вопрос категорически ответили свыше 30 % из участвующих в анкетировании. Однако, в комментариях, многие, как бы

оправдываясь, указали на «шуточный характер» употребления унижительных наименований отдельных наций.

На выявление степени укоренения чувства принадлежности к социальной общности направлены вопросы, взаимно дополняющие друг друга: «Состоите ли Вы в зарегистрированной политической партии (общественном движении)?» и «Участвуете ли Вы в деятельности неформальных объединений (волонтерских, спортивных, культурных, по интересам)?».

На эти вопросы положительно ответили только до 10 % из респондентов, а значительная их часть (до 80 %) не состоит ни в политических партиях, ни в неформальных общественных объединениях. Анализируя поступившие от респондентов комментарии, можно констатировать отсутствие сформированных общественных структур на недавно освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации.

Наличие культурного кода, соответствующего фашистской идеологии отображено вопросами: «Используете ли Вы в группе сверстников обращение по псевдониму (позывной, кличка, погоняло), ритуальное приветствие (Слава!, Братья!, Пацаны! и т. п.), особые жесты (удар ладонями, поднятая вертикально вверх рука, плечевое рукопожатие и т. п.), ритуалы (омовение в фонтане, танец, хоровое пение, декламация речевки и т. п.)?» и «Считаете ли Вы приемлемыми татуировки символического содержания: солнцеворот, руны, мальтийский крест, распятая девушка, христианская икона, мусульманские суры, изречения мудрецов, цифровые символы?». В содержание последнего вопроса включен признак отличительного внешнего облика и специфического культурного кода приверженцев фашистской идеологии.

На последние два вопроса ответы респондентов распределились поровну (с учетом статистической погрешности). Так, обращения по псевдониму используют свыше 20 % из анкетированных. Примерно столько же (до 30 %) считают приемлемыми татуировки указанного смысла. Однако 10–20 % затруднились ответить на поставленные вопросы, и свыше 10 % написали в комментариях, что не считают атрибуты приветствия и татуированные изображения указанного типа опасными для общества. Категорически не используют указанные поведенческие стереотипы и выступают против татуировок экстремистского содержания до 60 % респондентов. Вместе с тем, только 10–20 % опрошенных испытали затруднения с ответом. Некоторые указали в комментариях наличие у себя таких

татуировок. Итого, свыше 40 % из числа наших респондентов применяют элементы ритуального поведения и считают допустимыми экстремистские по форме речевки, жесты, татуировки.

На выявление степени проникновения в общественное сознание идеи собственной социальной исключительности направлен вопрос «Поддерживаете ли идеи устранения из общества представителей наций, религий, либо нежелательных социальных групп (спортивных фанатов, скин-хедов, дог-хантеров, нетрадиционных ориенталистов и т. п.)?». С этим вопросом корреспондирует следующий: «Ощущаете ли Вы собственную принадлежность к какой-либо социальной группе (например: ветераны, опричники, волонтеры, фанаты, байкеры, скин-хеды, дог-хантеры, АУЕ)?». Оба этих вопроса являются взаимоисключающими по смыслу, однако, их постановка позволяет выявить у анкетированных степень понимания признаков фашизма.

Ожидаемо на эти вопросы мы получили от большинства респондентов категорическое «нет» (до 70 % от числа участников анкетирования). Однако в комментариях многие из респондентов не удержались от критических высказываний в адрес определенных социальных общностей, в основном, неформальных ориенталистов. Также в комментариях многие уточнили смысл своего отрицательного ответа — они бы поддержали, но только законное устранение из общества нежелательных элементов.

В анкете был поставлен и прямой вопрос: «Допускаете ли Вы политику репрессий к отдельным социальным группам на территории новых субъектов Российской Федерации?», в содержание которого вложена возможность политической реализации фашизма.

Категорично против высказались свыше 60 % из участников анкетирования, но до 20 % затруднились ответить. В комментариях наши респонденты высказались за уважительное отношение к чуждым социальным общностям: «лишь бы они не нарушали закон». Многие из тех, кто прокомментировал свой ответ на данный вопрос, считают достижимыми мир и согласие между социальными общностями, сложившимися на освобожденной территории.

Обсуждение полученных результатов исследования

Таким образом, по результатам анкетирования отмечаем попытки влияния, в плане радикализации общественного сознания, со стороны лидеров общественного мнения.

Можно признать привычным применение символики, поведенческих стереотипов, речевых высказываний, экстремистских по форме, но еще не наполненных фашистским содержанием. Констатируем процесс возникновения социальных общностей на освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации. Следует признать важной тенденцию к образованию общественных структур, по форме соответствующих фашизму как общественной идеологии и политической практике. Вместе с тем, анкетирование выявило шутовское отношение респондентов к проявлениям фашизма в повседневном общении. Такое можно объяснить традиционной терпимостью и добротой российского общества к чужим, к тем, кто не разделяет твоих общественно-политических взглядов. Многие из респондентов исключают возможность репрессий в политической практике.

Также по результатам анкетирования можно выделить слабые звенья в общественном сознании на освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации, детерминирующих распространение фашизма.

Во-первых, это закрепление признаков фашизма в культурном коде приверженцев радикальных идей. Культурное оформление поведенческих стереотипов и смысловых атрибутов фашизма происходит через криминальную субкультуру, содержащую поведенческие признаки и смысловые атрибуты фашизма. Так, криминальная субкультура представляет опасность для общественного сознания и в плане фашизации общества. Поэтому противодействие ей средствами криминологической профилактики актуализировано для новых субъектов Российской Федерации.

Во-вторых, слабым звеном в общественном сознании на освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации можно назвать облегченное отношение к проявлениям фашизма. В связи с этим можно ожидать действий со стороны идеологических противников, направленных на радикализацию общественного сознания. Противостояние такому идеологическому проникновению видится средствами криминологической профилактики экстремизма.

В-третьих, складывающиеся на освобожденной территории общественные структуры подготовлены к наполнению их антиобщественным, в том числе и фашистским содержанием. Поэтому обращаем внимание на необходимость охвата освобожденной территории политическими партиями, общественными организациями и движениями с позитивной основной идеей.

Выводы

1. Детерминанты экстремизма фашистского направления связаны с устойчивыми признаками группового поведения представителей социума. На освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации к таким признакам поведения отнесены материальные и поведенческие атрибуты — символика, речевые выражения, особенности поведения в группе. Признаки идеологии фашизма проявляются в ритуале приветствия и закрепились в криминальной субкультуре.

К детерминирующим факторам также отнесены высказывания некоторых лидеров общественного мнения, воспринимаемые как призывы экстремистского содержания на территории новых субъектов Российской Федерации.

2. Подтверждена гипотеза о готовности социума новых субъектов Российской Федерации к восприятию идей и политической практики фашизма.

Структуры внутригруппового общения и поведенческие стереотипы социальных общностей пока еще не наполнены фашистской идеологией. Поведенческие и атрибутивные признаки фашизма совпадают с распространяемой в обществе криминальной субкультурой. Можно прогнозировать попытки воздействия со стороны идеологических противников, направленные на внедрения фашистского содержания в сложившиеся социальные общности.

3. Криминологическая профилактика фашизма и других проявлений экстремизма состоит в наполнении общественных движений антифашистским содержанием, а также в противодействии распространению криминальной субкультуры на освобожденной территории новых субъектов Российской Федерации.

Список источников

1. Выходец Р. С. «Информационные доминанты» как инструмент информационно-психологических войн // Общественные науки и современность. 2022. № 4. С. 93–104.

2. Как живешь, Россия? : Бюллетень : Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.] ; отв. редактор В. К. Левашов. Москва : Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2022. 91 с.

3. Евстафьев Д. Кризис вокруг Украины как фокусная точка глобальных трансформаций // Свободная мысль. 2022. № 5. С. 45–60.
4. Моисеев А. М. Криминалистический подход к документированию военных преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 1 (74). С. 55–60.
5. Меркурьев В. В., Рубцов Д. И., Сальников Н. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления, не имеющие срока давности: актуальность исследования // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 3 (60). С. 82–86.
6. Шевелева К. В. О нормативно-правовом закреплении понятий «нацизм» и «фашизм» в отечественном законодательстве // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2 (63). С. 78–83.
7. Шамсунов С. Х., Меркурьев В. В., Агапов П. В. Уголовно-правовая охрана исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой отечественной войн: опыт социологического исследования // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 127–145.
8. Агапов П. В. Конституционный запрет на пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду (уголовно-правовой аспект) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 78–84.
9. Рубцов Д. И. Противодействие проявлениям фашизма и нацизма в контексте итогов Токийского и Хабаровского процессов // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2022. № 4 (34). С. 125–131.
10. Кондратюк С. В., Румянцев П. А. Система и системность использования квалифицирующих признаков преступления // Гуманитарные балканские исследования. 2019. Т. 3, № 3. С. 112–115.
11. Шевелева К. В. Повышение эффективности применения норм об ответственности за реабилитацию нацизма // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 2 (88). С. 91–93.
12. Моисеев А. М., Жигулин А. М. Понятие технологии документирования и научный подход к формированию ее структуры // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3 (74). С. 120–126.
13. Манн М. Объяснение межвоенного подъема авторитаризма и фашизма (из книги) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 2 (17). С. 6–31.
14. Галкин А. А. Германский фашизм. Издание 2-е, дополненное и переработанное. Москва : Наука, 1989. 352 с.
15. Шевелева К. В. Историческая память о Великой Отечественной войне как объект уголовно-правовой охраны // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2 (68). С. 152–159.
16. Клименок Д. Г., Тлепшев А. Х. Становление русского фашизма в 20–30-х годах XX века // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ : материалы XV сероссийской науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых (Барнаул, (28–29 апреля 2022 года). Барнаул, 2022. С. 305–308.
17. Ваторопин А. С. Русский фашизм в современной России: социологический анализ // Социум и власть. 2011. № 1 (29). С. 28–32.
18. Рокки Т. Русское черносотенство и фашизм: элементы сходства и различия // История. Историки. Источники : электронный научный журнал. 2022. № 3. С. 87–96.
19. Дергунов Ю. В. Концепция периферийного фашизма в политико-социологической мысли // Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий : материалы V Международной науч.-практ. конф. (Донецк, 03–04 июня 2021 года). Донецк, 2021. С. 26–28.
20. Эли Д. Теории фашизма: проблема интерпретации // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4 (23). С. 22–40.
21. Любин В. П. 2017.03.038-039. Фашизм и правый радикализм: подходы российских и зарубежных ученых на страницах журнала «Берегиня-Сова-777». (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2017. № 3. С. 192–203.
22. Мелихова Л. И. Реабилитация нацизма: спорные вопросы толкования // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты : сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 15 апреля 2022 г.). Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2022. С. 69–73.
23. Меркурьев В. В., Рубцов Д. И. Совершенствование уголовно-правовых средств. Противодействие фашизму и нацизму при нарастании угроз национальной безопасности России // Обозреватель. 2022. № 5-6 (388-389). С. 89–103.
24. Болдырева О. М. Уголовно-правовая характеристика нацизма и фашизма // Человечество против фашизма: люди, народы, государства : материалы IV междунар. науч.-практ. конф., посвященной 77-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне (Омск, 29 апреля 2022 г.). Омск : Военная академия материально-технического обеспечения им. А. В. Хрулева, 2022. С. 8–14.

25. Закомолдин Р. В., Кондратюк С. В. Критерии выбора обстоятельств, используемых в качестве квалифицирующих преступление признаков // Гуманитарные балканские исследования. 2019. Т. 3, № 3. С. 116–120.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 16.01.2023.
Дата рецензирования статьи / Revised: 17.01.2023.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

ПОДХОДЫ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ К РАЗРЕШЕНИЮ КОЛЛИЗИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ МЕЖДУ НОРМАМИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ, И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Александр Геннадьевич Упоров

*Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Россия
uporo65@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0003-0211-4231>

Аннотация. Коллизия является важнейшим институтом и научным вопросом в рамках международного публичного и международного частного права. Коллизия является конкуренцией норм различных уровней права. В нашем случае рассматриваются вопросы конкуренции норм национального и международного права, а также международного права между собой (например, международный двусторонний договор и многосторонний договор). В настоящей научной работе рассмотрены вопросы решения коллизионных споров между актами национального права зарубежных государств и международных договоров, ратифицированных и подписанных ими с другими государствами. Существует два основных подхода решения коллизионных проблем государствами. Большинство стран строит противодействие коллизий именно на основе превалирования международного законодательства над национальным. Второй подход основан на объединении государств в группы и создании общего законодательства по определенной отрасли права. Отмечен положительный опыт, который может быть применен в контексте международно-правового сотрудничества Российской Федерации с другими государствами.

Ключевые слова: международное право, коллизия права, международный договор, конвенция, национальное право

Для цитирования: Упоров А. Г. Подходы зарубежных государств к разрешению коллизий, возникающих между нормами международных договоров, и целесообразность их применения в Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 111–113. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10115

Research article

APPROACHES OF FOREIGN STATES TO RESOLVING CONFLICTS ARISING BETWEEN THE NORMS OF INTERNATIONAL TREATIES AND THE EXPEDIENCY OF THEIR APPLICATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Aleksandr G. Uporov

*Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Russia
uporo65@mail.ru*

 <https://orcid.org/0000-0003-0211-4231>

Abstract. Conflict is the most important institution and scientific issue in the framework of international public and private international law. A conflict is a competition of norms of different levels of law. In our case, the issues of competition between the norms of national and international

law, as well as international law among themselves (for example, an international bilateral treaty and a multilateral treaty) are considered. In this scientific work, the issues of resolving conflict of laws disputes between acts of national law of foreign states and international treaties ratified and signed by them with other states are considered. There are two main approaches to solving conflict-of-laws problems by States. Most countries build conflict prevention precisely on the basis of the prevalence of international legislation over national legislation. The second approach is based on the unification of States into groups and the creation of common legislation on a particular branch of law. The positive experience that can be applied in the context of international legal cooperation of the Russian Federation with other states is noted.

Keywords: international law, conflict of law, international treaty, convention, national law

For citation: Uporov AG. Approaches of foreign states to resolving conflicts arising between the norms of international treaties and the expediency of their application in the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):111-113. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10115 (In Russ.)

Введение

В современном мире в период глобализации огромное значение играет международно-правовое сотрудничество между государствами. Данное сотрудничество осуществляется на основе национального и международного законодательства. Национальное законодательство представляется положениями отдельных актов, регулирующих вопросы международного сотрудничества. Международное законодательство же выделяется многостороннее в виде ратифицирования конвенция (например, Гагская конвенция по вопросам гражданского процесса 1954 г.¹), а также в виде двусторонних договоров между двумя государствами.

В результате наличия такой широкой системы нормативно-правового регулирования взаимодействия государств между собой в тех или иных вопросах, часто могут возникать коллизии норм права. Коллизии норм права представляют собой противоречия между нормами права. Как правило, противоречия в основном выступают между нормами специального и общего права. Однако какие нормы считать специальными, а какие общими и как вопрос коллизии реализуется в иных государствах, нам предстоит узнать в настоящей научной работе.

Описание проводимого исследования

Коллизия норм права при взаимодействии государств может возникать не только при непосредственном взаимодействии, но и являться предметом данного взаимодействия. В Российской Федерации коллизия норм регулируется следующим образом.

Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 8 в пункте 3 указано, что двусторонние договоры по отношению к многосторонним являются специальными, а значит их нормы применяются в первую очередь [3]. Однако двусторонними договорами могут регулироваться не все положения, необходимые для эффективной правовой помощи. В таком случае применяются положения общего правового акта — многостороннего договора о правовой помощи.

Далее необходимо рассмотреть вопрос регулирования коллизий норм в зарубежных государствах. Большинство зарубежных государств стремится к минимизации споров между нормами права разных государств, в том числе с международными актами и договорами. Так, к примеру, в рамках Содружества Независимых Государств в 90-х годах подготавливались модельные акты для различных отраслей права, направленные на идентичность законодательства разных стран друг к другу [5, с. 156].

Принцип модельных законов реализуется и в других областях нашей планеты. В Европе действует Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных обществ и властей от 1980 г.² (далее — Конвенция). В ней закреплена ряд типовых соглашений, действующих на территории стран-участниц Конвенции, основанные на нормах систем права этих государств. Российская Федерация также является участницей данной Конвенции.

Между скандинавскими государствами в рамках Северного совета существует

¹ Гагская конвенция по вопросам гражданского процесса от 1 марта 1954 г. // Собрание постановлений Правительства СССР. 1967. № 20. Ст. 145.

² Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей от 21 мая 1980 г. № 106 // Собрание законодательства РФ. 2003. № 31. Ст. 3103.

соглашение о сотрудничестве¹. Одним из положений договоренностей является достижение большего соответствия национальных правовых норм в области частного права. Тем самым, это позволяет наиболее эффективно решать вопросы в области частного права. Например, при осуществлении правовой помощи.

Ибер-Американским институтом процессуального права в 1992 году подготавливался проект Международного налогового кодекса, направленного на унификацию национально-законодательства, однако, в силу разрозненности правовых систем не был реализован.

Рассмотрим исследуемый вопрос далее на примерах законодательства конкретных государств. Так, Франция может осуществлять взаимодействие с иными государствами с целью получения информации о действующем иностранном законодательстве, если при коллизии норм права действует право другого государства над российским [1, с. 127].

В Албании Конституцией данного государства в ст. 5 определено, что законодательство государства не должно противоречить международному и имеет верховенство над

национальным правом. Данная норма говорит о том, что в случае коллизии будет применяться право международного характера над национальным албанским правом [4, с. 126].

Основы разрешения коллизий устанавливаются именно основными законами государств. Так, странами бывшего Советского Союза в Конституциях устанавливается, что международные нормы имеют приоритет над национальным правом [2, с. 40].

Заключение и вывод

Таким образом, исходя из существующих подходов разрешения коллизий, следует отметить, что наиболее подходящим является создание для определенных групп государств объединенного законодательства. Так, к примеру, 11 апреля 2017 г. был принят Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС), в который также входит Российская Федерация. Однако в эпоху глобализации создается больше количество объединений, и, тем самым, по большому числу отраслей права такое сделать остается невозможным. Мы считаем, что необходимо считать нормы международного права специальными по отношению к национальному. При коллизии норм национального права двух государств применять законодательство также международного права или действующего между ними договора.

¹ Хельсинский договор о сотрудничестве между Данией, Финляндией, Исландией, Норвегией и Швецией (в ред. Копенгаген, 29 сентября 1995 г.) // URL: <https://base.garant.ru/2563308/> (дата обращения: 01.11.2022).

Список источников

1. Лиц М. О. Правовая помощь по гражданским и торговым делам между Россией и Францией // *LexRussica* (Русский закон). 2016. № 10 (119). С. 126–130.
2. Морозов А. Н. Конституционное отражение общепризнанных принципов и норм международного права // *Журнал российского права*. 2018. № 7 (259). С. 33–45.
3. О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 8 // *Вестник ВАС РФ*. 1999. № 8.
4. Тиунов О. И., Манов Б. Г. Принцип соблюдения международных договоров: коллизии международного и национального права // *Журнал российского права*. 2008. № 6 (138). С. 124–142.
5. Тихомиров Ю. А. Согласованность и коллизии норм // *Московский журнал международного права*. 1996. № 2. С. 154–164.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 14.11.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 10.12.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОРЯДКА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Научная статья
УДК 343.1
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10116

114–118

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ: ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

Владимир Александрович Авдонин

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева

Екатеринбург, Россия

v.a.avdonin@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-8425-1565>

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовое исследование особенностей института бремени доказывания во Вьетнаме. Автором рассматриваются отличительные признаки вьетнамского процесса доказывания, свойств, предъявляемых к доказательствам, субъекты доказывания на различных этапах уголовного процесса. В частности, исследователь обращается как к ординарным субъектам несения доказательственного бремени, практически аналогичным российским, так и к экстраординарным (профессиональным) субъектам доказывания. Определяется функционал следователя, прокурора. Кроме того, поднимается одна из главных проблем уголовного процесса Вьетнама — несение обязанности по доказыванию судом, что порождает отсутствие объективности при разрешении дела по существу, поскольку в данном случае случается совпадение процессуальных функций обвинения и рассмотрения уголовного дела. Относительно места адвоката-защитника отмечается, что хотя он не является полноправным субъектом доказывания, все же имеет достаточно широкие полномочия по участию как в предварительном, так и судебном следствии и несет дискреционное бремя утверждения, тем не менее, его участие чаще всего пассивно, носит формальный характер и в подавляющем большинстве является защитой по назначению органов предварительного следствия или суда со всеми вытекающими отсюда последствиями. В конечном счете, автором сделан вывод о необходимости реформирования вьетнамского уголовного процесса с целью четкого отделения процессуальных функций каждого из участников судопроизводства и повышения качества оказания юридической помощи профессиональным защитником — адвокатом.

Ключевые слова: социалистическая правовая семья, бремя доказывания, субъекты доказывания, сторона обвинения, суд, сторона защиты, адвокат, состязательность, равноправие сторон, предварительное расследование, судебное следствие, процессуальные функции

Для цитирования: Авдонин В. А. Распределение уголовно-процессуального бремени доказывания в социалистической Республике Вьетнам: общее и частное с Российской Федерацией // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 114–118. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10116

Research article

DISTRIBUTION OF THE BURDEN OF PROOF IN THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM: COMMON AND SPECIFIC WITH THE RUSSIAN FEDERATION

Vladimir A. Avdonin

Ural State University of Law named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

v.a.avdonin@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-8425-1565>

Abstract. The article conducts a comparative legal study of the features of the institution of the burden of proof in Vietnam. The author considers the distinctive features of the Vietnamese process of proof, the properties of evidence, the subjects of proof at various stages of the criminal process. In particular, the researcher refers to both ordinary subjects of bearing the burden of proof, almost similar to Russian ones, and extraordinary (professional) subjects of proof. The functionality of the investigator, the prosecutor is determined. In addition, one of the main problems of the criminal process in Vietnam is raised — the obligation to prove by the court, which gives rise to a lack of objectivity in resolving the case on the merits, since in this case the procedural functions of the prosecution and the consideration of the criminal case coincide. Regarding the place of the defense lawyer, it is noted that although he is not a full-fledged subject of proof, he still has fairly broad powers to participate in both the preliminary and judicial investigations and bears the discretionary burden of approval, however, his participation is most often passive, is formal nature and in the overwhelming majority is protection by appointment of the preliminary investigation bodies or the court with all the ensuing consequences. Ultimately, the author concluded that it is necessary to reform the Vietnamese criminal process in order to clearly separate the procedural functions of each of the participants in the proceedings and improve the quality of legal assistance provided by a professional defense lawyer.

Keywords: socialist legal family, burden of proof, subjects of proof, prosecution, court, defense, adversarial lawyer, equality of arms, preliminary investigation, judicial investigation, procedural functions

For citation: Avdonin VA. Distribution of the burden of proof in the socialist Republic of Vietnam: common and specific with the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):114-118. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10116 (In Russ.)

Введение

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что институты доказательственного права, в частности, бремя доказывания, являются востребованным и перспективным направлением научной деятельности по всему миру, современная демократическая Россия — не исключение. Для наиболее глубокого изучения отечественного доказательственного бремени целесообразно провести сравнительно-правовой анализ распределения обязанности по доказыванию во Вьетнаме, имеющем историческую, социокультурную связь с Россией, такой подход позволяет детально изучить особенности: как положительные, так и отрицательные, что в дальнейшем приведет к теоретическому и практическому развитию институтов доказывания и разрешению актуальных проблем уголовного судопроизводства.

Методологическая основа исследования представлена комплексом различных приемов и методов познания, как общенаучных (анализ и синтез, индукция и дедукция), так и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой метод), используемых автором комплексно.

Теоретическая и практическая значимость научного труда заключается в том, что от правильности распределения бремени доказывания между надлежащими субъектами зависит качество и объективность осуществления уголовного процесса на всех стадиях. Соответственно, процесс доказывания напрямую влияет на законность, обоснованность и справедливость принимаемых на предварительном или судебном следствии решений. Результаты настоящего исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении и применении института бремени доказывания с целью

укрепления принципов состязательности и равноправия сторон на всех этапах уголовного судопроизводства.

Описание исследования

Правопорядок Вьетнама исторически формировался посредством постоянной борьбы и взаимодействия разного рода правовых культур и правовых концепций: социалистической правовой семьи, вьетнамского феодального права и даже права Франции. Социалистическая Республика Вьетнам (далее — Вьетнам) остается одним из малочисленных государств, где до сих пор существует социалистическая система права, хотя и модернизированная.

Кроме того, детальный анализ уголовно-процессуальных норм Вьетнама позволяет выявить, что на Уголовно-процессуальный кодекс этого государства, принятый в 2003 году, а затем подвергшийся реформированию в 2015 году, немаловажное влияние оказали положения уголовно-процессуального законодательства Союза Советских Социалистических Республик (далее — СССР), что породило схожесть регулирования процесса доказывания в современное время во Вьетнаме и России, являющейся правопреемником СССР.

Радикальные изменения социальной, политической, экономической, а также правовой систем жизнедеятельности российского государства, вызвавшие демократизацию и стремительное развитие институтов гражданского общества, безусловно, нашли отражение в ныне действующем уголовно-процессуальном законодательстве России. При этом законодательный орган Вьетнама даже в нововведенном УПК 2015 года не воспринял в полном объеме правовые новеллы России, коренным образом отличные от положений УПК РСФСР, к тому же, постоянно подвергающиеся изменениям [1, с. 140].

Следует отметить, что УПК России, по сравнению с УПК Вьетнама, более детально регламентирует вопросы доказательственной деятельности, предъявляя достаточно строгие требования к допустимости доказательств [2, с. 6].

На первый взгляд может показаться, что содержание института бремени доказывания как в России, так и во Вьетнаме является схожим, под ним принято понимать обязанность субъектов доказывания (должностных лиц и специализированных органов), осуществляющих уголовное расследование, производить собрание, проверку и оценку доказательств [3, с. 148]. Однако, с этим нельзя согласиться по следующим основаниям.

Так, согласно ч. 2 ст. 14 УПК РФ доказательственное бремя обличения обвиняемого (подозреваемого) и опровержение защитительных доводов возлагается именно на сторону обвинения, упоминания о правомочиях или даже обязанностях стороны защиты отсутствуют¹.

В соответствии же со статьей 15 УПК Вьетнама доказывать виновность лица — обязанность органов и лиц, обладающих государственно-властными полномочиями осуществления уголовного судопроизводства, включая суд. Обвиняемый (подозреваемый), адвокат-защитник имеют право, но не обязаны доказывать свою невиновность². Выясняется, что, во-первых, существенным и главным отличием является тот факт, что суд во Вьетнаме выступает полноправным субъектом, на которого возложено бремя доказывания по уголовному делу, а, во-вторых, участники со стороны защиты наделены правомочием участвовать в процессе доказывания, имея при этом бремя утверждения оправдывающих обстоятельств.

Следует рассмотреть легальных субъектов доказывания вьетнамского уголовного судопроизводства. В статье 34 УПК Вьетнама законодатель закрепляет перечень ординарных органов, должностные лица которых вправе осуществлять уголовно-процессуальную деятельность и непосредственно участвовать в процессе доказывания: следственный орган, прокуратура и суд, прокуратура и следственные органы³.

Центральными субъектами бремени доказывания, главной задачей которых является осуществление предварительного расследования и производство следственных действий в Социалистической Республике Вьетнам, являются руководитель следственного органа, его заместитель, следователь, а также сотрудник по расследованию (иными словами, помощник следователя, осуществляющий

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

² Criminal Procedure Code no. 101/2015/qh13 of November 27, 2015 [Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам № 101/2015/QH13 от 27.11.2015 г.] // World Intellectual Property Organization : [сайт]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21477> (дата обращения: 29.09.2022). Данный кодекс принят вместо УПК 2003 г. (согласно Резолюции Национального собрания Вьетнама № 109/2015/QH13 от 27 ноября 2015 г.). Однако в связи с выявлением существенных ошибок в Уголовном Кодексе Вьетнама 2015 г. фактическая дата вступления в законную силу УПК Вьетнама в редакции закона от 27 ноября 2015 г. была перенесена на 01.01.2018 г.

³ Там же.

производство отдельного следственного действия с введом и по поручению последнего)¹. Уголовный вьетнамский процесс не располагает такими органами и должностными лицами как «орган дознания», «руководитель органа дознания», «дознатель», соответственно, предварительное расследование здесь производится лишь в форме предварительного следствия [4, с. 66].

Прокуратура Вьетнама, как и в России, обладает полномочиями по контролю над процессом расследования уголовного дела, поддержанию государственного обвинения². Специфической является компетенция прокуратуры на стадии рассмотрения дела в суде: полноценный прокурорский надзор за законностью осуществления судебной деятельности³. Кроме того, прокурорские работники несут бремя доказывания, осуществляя расследование преступлений в области посягательства на интересы правосудия.

Суд во Вьетнаме выступает специальным субъектом доказывания, в малой степени, — на стадии досудебного производства, и в большей — в процессе судебного следствия, имеет не только право, но и несет определенные обязанности по доказыванию фактов, имеющих значение для разрешения уголовного дела, иными словами, выступает полноценным участником доказательственного бремени и, затем, одновременно выступает «арбитром», вынося окончательное решение [3, с. 149]. Получается, что в лице суда происходит смешение процессуальных функций обвинения и разрешения дела по существу.

К экстраординарным субъектам, которые наделены бременем доказывания в рамках своей компетенции при расследовании некоторых преступлений, связанных с сферой их профессиональной деятельности, относят:

- 1) пограничные силы;
- 2) таможенный департамент;

- 3) органы контроля за лесопользованием;
- 4) морская полиция;
- 5) рыбоохрана;
- 6) органы Министерства Общественной Безопасности;
- 7) военная служба⁴.

Каково место адвоката-защитника (иного лица, имеющего право осуществлять защиту по уголовному делу) во Вьетнаме при распределении бремени доказывания? Исходя из буквального толкования законодательства — статей 73, 81 и 88 УПК Вьетнама следует, что защитник не обременен необходимостью доказывания каких-либо обстоятельств, однако, фактически он является полноправным субъектом доказывания, производя собрание и осуществляя проверку и оценку доказательств. Кроме того, защитник наделен правом высказывать свое мнение по поводу имеющихся доказательств, а также требовать от уполномоченных субъектов надлежащим образом проверять и оценивать улики⁵.

Во-первых, защитник наделен полномочием собирать предметы, документы и иные доказательства. Однако, адвокат не вправе «утаивать» собранные доказательства до определенного, избираемого им тактического момента, а обязан, вне зависимости от этапа уголовного процесса, без всякого промедления направить их субъекту, осуществляющему предварительное преследование или судебное следствие, для определения их правовой пригодности.

Во-вторых, согласно п. «i», п. «k» ч. 2 ст. 73 УПК Вьетнама участники со стороны защиты вправе проверять, оценивать и давать объяснения по поводу доказательств, документов, связанных с уголовным делом, и требовать у лиц, осуществляющих уголовное преследование, проведения проверки и оценки доказательств. Кроме того, защитник вправе предъявлять требования уполномоченным органам, чтобы те, в свою очередь, собрали определенные доказательства, назначили дополнительную или повторную экспертизу, провели повторную оценку имущества⁶.

К сожалению, на практике, несмотря на широкий спектр полномочий по собиранию, проверке и оценке доказательств, роль защитника во Вьетнаме незначительна, а малочисленные положения уголовно-процессуального законодательства этого государства исполняются лишь формально, должного эффекта не имеют. Сами адвокаты-защитники своим

¹ Нгуен Тхи Нгок Иен. Бремя доказывания в уголовно-процессуальном праве Социалистической Республики Вьетнам // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 148–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bremya-dokazyvaniya-v-ugolovno-protsessualnom-prave-sotsialisticheskoy-respubliki-vietnam> (дата обращения: 27.09.2022).

² Семенцов В. А., Май Дак Биен. Полномочия прокурора в досудебном производстве по УПК Республики Вьетнам // Общество и право. 2010. № 3 (30). С. 187–191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polnomochiya-prokurora-v-dosudebnom-proizvodstve-po-upk-respubliki-vietnam/> (дата обращения: 27.09.2022).

³ Criminal Procedure Code no. 101/2015/qh13 of November 27, 2015 [Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам № 101/2015/QH13 от 27.11.2015 г.].

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

бременем утверждения пользуются крайне редко, занимая пассивную роль в процессе доказывания. Так, вьетнамский правовед Чан Нгок Минь приводит следующие показатели: по статистике Народного суда провинции Дак Лак, в период с 2010 до 2017 г. только 9,35 % (1112/11 893) уголовных дел были рассмотрены с участием защитника». Кроме того, подавляющее большинство защитников назначались должностными лицами, осуществляющими уголовно-процессуальное судопроизводство [5, с. 88].

Иными словами, во Вьетнаме участие адвоката чаще всего производится в обязательных случаях осуществления защиты, в абсолютном большинстве — по назначению, пассивно и бездеятельно, что, безусловно, негативно сказывается на праве человека и гражданина на квалифицированную юридическую помощь в уголовном процессе, подрывая назначение такого института гражданского общества, как адвокатура.

Заключение

Таким образом, распределение бремени доказывания во Вьетнаме, несмотря на историческую производность законодательства от уголовно-процессуальных норм СССР и схожесть с УПК РФ, имеет серьезные недостатки.

Представляется, что законодателю, руководствуясь принципом состязательности

сторон, необходимо определить процессуальную функцию суда в качестве арбитра при разрешении дела по существу, исключив его из перечня субъектов, несущих доказательственное бремя.

Уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама формально предоставляет значительный объем прав стороне защиты для участия в процессе доказывания (в том числе, полномочия требовать от уполномоченных органов проведения следственных действий), но фактически данные нормы не реализуются, защитник не обладает независимостью и участвует при рассмотрении уголовных дел крайне редко и формально.

Адвокат, таким образом, хоть и не относится к субъектам, на которых возлагается обязанность доказывания, не только имеет право, но и обязан, исходя из назначения института защиты в уголовном процессе, активно участвовать в процессе по собиранию, проверке и оценке доказательств, используя все имеющиеся правовые средства. К сожалению, в практической плоскости роль защиты весьма мала.

Без соблюдения базовых положений состязательности, равноправия сторон и распределения между разными субъектами процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела невозможно объективное и беспристрастное рассмотрение уголовного дела.

Список источников

1. Ле К. В. Доказывание по поступившему сообщению о преступлении в уголовно-процессуальном праве Социалистической Республики Вьетнам // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 139–142.
2. Нгуен Тхи Нгок Иен. Доказательства и доказывание в уголовном процессе социалистической Республики Вьетнам и Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Москва, 2018. 30 с.
3. Нгуен Тхи Нгок Иен. Бремя доказывания в уголовно-процессуальном праве Социалистической Республики Вьетнам // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 148–150.
4. Нгуен Тхи Нгок Иен. Следователь в уголовном процессе Социалистической Республики Вьетнам // Гуманитарные науки в XXI веке : материалы XXXXI Международной науч.-практ. конф. (Москва, 11 декабря 2017 г.). Москва : Спутник+, 2017. С. 65–68.
5. Чан Н. М. Защитник как субъект доказывания в уголовно-процессуальном праве Вьетнама // Закон и право. 2019. № 8. С. 87–89.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 03.10.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 30.10.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10117

119–124

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ НАЗНАЧЕНИЯ, ПРОИЗВОДСТВА И ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ КОМПЛЕКСНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Максим Мустакимович Алиев

Академия управления МВД России, Москва, Россия

aliev.alievso@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-1544-2982>

Аннотация. *Введение.* Научная статья посвящена важнейшему институту уголовно процессуальной деятельности — институту комплексной судебной экспертизы. Комплексная судебная экспертиза является одним из видов судебных экспертиз в уголовном и гражданском судопроизводстве.

Результаты. В результате исследования выработаны отдельные признаки комплексной судебной экспертизы. В современной действительности назначение и производство комплексных судебных экспертиз является сложным, не до конца изученным и разработанным процессом, поэтому необходимо его всестороннее изучение, выявление существующих проблем и возможных путей их решения. В статье рассматриваются организационно-тактические вопросы назначения и проведения комплексных судебных экспертиз. Проведен анализ практической деятельности экспертно-криминалистических подразделений и следственных подразделений при производстве и оценке результатов комплексных судебных экспертиз по уголовным делам, связанным с дорожно-транспортными преступлениями. Описаны примеры из следственно-экспертной практики по уголовным делам, связанным с дорожно-транспортными преступлениями. Высказаны обоснованные предложения по внесению отдельных изменений и дополнений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Выводы. Особое и пристальное внимание уделяется возможностям комплексных судебных экспертиз по уголовным делам на современном этапе, обосновывается их преимущество перед разрозненным проведением комплекса отдельных видов судебных экспертиз.

Ключевые слова: уголовное дело, комплексная экспертиза, эксперт, следователь, автомобиль

Для цитирования: Алиев М. М. Особенности тактики назначения, производства и оценки результатов комплексных экспертиз при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. №1 (36). С. 119–124. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10117

FEATURES OF TACTICS OF APPOINTMENT, PRODUCTION AND EVALUATION OF THE RESULTS OF COMPLEX EXAMINATIONS IN THE INVESTIGATION OF TRAFFIC CRIMES

Maxim M. Aliev

Academy of Management of the Interior Ministry of the Russia
Moscow, Russian Federation,

aliev.alievso@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-1544-2982>

Abstract. *Introduction.* The scientific article is devoted to the most important institution of criminal procedural activity — the Institute of complex forensic examination. Complex forensic examination is one of the types of forensic examinations in criminal and civil proceedings.

Results. As a result of the study, separate signs of a comprehensive forensic examination have been developed. In modern reality, the appointment and production of complex forensic examinations is a complex, not fully studied and developed process, therefore it is necessary to comprehensively study it, identify existing problems and possible ways to solve them. The article deals with organizational and tactical issues of appointment and conduct of complex forensic examinations. The analysis of the practical activities of forensic units and investigative units in the production and evaluation of the results of complex forensic examinations in criminal cases related to road traffic crimes. Examples from investigative and expert practice in criminal cases related to road traffic crimes are described. Reasonable proposals were made to introduce certain amendments and additions to the current criminal procedure legislation.

Conclusions. Special and close attention is paid to the possibilities of complex forensic examinations in criminal cases at the present stage, their advantage over the scattered conduct of a complex of separate types of forensic examinations is justified.

Keywords: criminal case, complex examination, expert, investigator, car

For citation: Aliev MM. Features of tactics of appointment, production and evaluation of the results of complex examinations in the investigation of traffic crimes. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):119-124. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10117 (In Russ.)

Введение

При расследовании дорожно-транспортных преступлений следователи органов МВД России всё чаще сталкиваются с актуальными вопросами, связанными с проведением комплексных судебных экспертиз. Для разрешения многих вопросов, характеризующих объективную сторону преступления, лицу, проводящему расследование уголовных дел данной категории, требуется помощь других участников процесса, обладающих специальными знаниями.

Самым эффективным способом оказания помощи следователям является проведение комплексных судебных экспертиз по уголовным делам, связанным с расследованием дорожно-транспортных преступлений.

Комплексная судебная экспертиза в России находится в зоне пристального внимания многих ученых.

Описание исследования

Так, нами говорилось ранее о том, что с точки зрения профессора Владимира Юрьевича Владимирова: «в последнее время при расследовании преступлений довольно часто возникает необходимость в комплексном использовании специальных знаний, особенно при установлении обстоятельств, связанных с реконструкцией расследуемого события» [2, с. 5].

В ст. 201 «Комплексная судебная экспертиза» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) сформулировано: «судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, является комплексной. В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается: какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт; какие факты

он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность»¹.

В данном контексте, заслуживает внимание позиция профессора Надежды Павловны Майлис, о которой мы говорили неоднократно: «комплексной является такая экспертиза, при производстве которой, решение вопроса невозможно без одновременного совместного участия различных специалистов в формулировании общего вывода. Основанием для такого вывода служат частные заключения каждого эксперта по вопросам, относящимся к его компетенции. Эти заключения должны вплотную подводить к решению общего вопроса и совместному заключению всех экспертов» [5, с. 32].

Необходимо особо выделить, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве закреплено, что комплексная судебная экспертиза должна выполняться экспертами разных специальностей совместно, однако при этом каждый из них подписывает только ту часть заключения, в которой описываются лично им проведенные исследования, которые содержат в том числе синтезирующую часть, являющуюся основанием для формулирования вывода, что исключает возможность формулирования общего вывода экспертами разных специальностей.

Подтверждая изложенную позицию, рассмотрим классический пример проведенной комплексной транспортно-трасологической и фототехнической экспертизы: «в мае 2013 года, в вечернее время, произошло столкновение мотоцикла марки «Yamaha FZX-750», под управлением гр. И, и автомобилем марки «Toyota Platz», под управлением гр. К., что привело к смерти водителя мотоцикла и причинения тяжкого вреда здоровью его пассажиру»².

В экспертное учреждение субъекта Российской Федерации была назначена следователем, проводящим расследование, комплексная транспортно-трасологическая и фототехническая судебная экспертиза.

Перед экспертами поставлены 75 вопросов, включая отражающие обстоятельства события

по версии следователя, а также по версиям законных представителей участников дорожно-транспортного происшествия.

Изложим некоторые выборочно отобранные нами вопросы, имеющие существенное значение для дела:

1. Где находилось место столкновения мотоцикла «Yamaha FZX-750» с автомобилем «Toyota Platz»?

2. Выполняла ли водитель автомобиля «Toyota Platz» маневр поворота налево в границах перекрестка проезжих частей шоссе?

3. Состоятельна ли с технической точки зрения версия водителя «Toyota Platz»?

4. Состоятельна ли с технической точки зрения версия потерпевшего гр. Ф?

5. Наиболее вероятный разлив технической охлаждающей жидкости из верхнего патрубка радиатора и правой крышки картера мотоцикла «Yamaha FZX-750» при столкновении и контактировании его с автомобилем «Toyota Platz»?

6. Каков механизм столкновения транспортных средств?

Заключение комплексной транспортно-трасологической и фототехнической судебной экспертизы при его оформлении состояло из двух частей: заключение фототехнической экспертизы, которое рассматривало 1 вопрос; другая часть, состоящая из заключения транспортно-трасологической и автотехнической судебной экспертизы, была посвящена остальным вопросам. При этом вопросы, относящиеся к сфере судебной автотехнической экспертизы, решал эксперт-трасолог, имеющий специальную подготовку по обоим видам судебных экспертиз.

Эксперты разных специальностей сформулировали выводы по вопросам, которые непосредственно относятся к их компетенции. Эксперт-трасолог не может оценить с точки зрения достоверности вывод эксперта в области фототехнической экспертизы и наоборот. Производство подобных комплексных судебных экспертиз по сути означает проведение комплекса экспертиз, что не позволяет охарактеризовать такой процесс познания как результат комплексного исследования, что, по мнению многих учёных-криминалистов и теоретиков судебно-экспертной деятельности, оказывает отрицательное влияние на процесс становления института комплексных судебных экспертиз как наиболее информативного и наукоёмкого источника доказательств.

В ходе сравнительного-правового анализа норм УПК РФ, ФЗ № 73-ФЗ от 31.05.2001 г. «О государственной судебно-экспертной

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

² Приговор Ахтубинского городского суда Астраханской области, 2013 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения: 30.10.22).

деятельности в Российской Федерации»¹ (далее — «ОГСЭД в РФ») прослеживаются правовые коллизии в части регулирования порядка производства комплексных судебных экспертиз и экспертной оценки полученных при этом результатов.

По смыслу статьи 23 закона «ОГСЭД в РФ» по результатам проведения комплексного экспертного исследования эксперты разных специальностей могут сформулировать общий вывод, что исключается по смыслу ст. 201 УПК РФ, согласно которой «каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований»².

Доказательственная продуктивность порядка производства комплексных судебных экспертиз, предусмотренная статьёй 23 закона «ОГСЭД в РФ», продиктована самой жизнью. Такой подход позволяет следователю и суду оперировать доказательствами по делу, полученными на основе комплексного исследования обстоятельств дела с использованием возможностей различных наук, что существенно объективизирует расследование в целом.

В настоящее время с развитием системы образования и улучшения обеспечения криминалистической техникой, эксперты могут получить специальные знания в различных областях науки, техники, искусства или ремесла. Указанное обстоятельство объективно позволит им проводить комплексные судебные экспертизы самостоятельно и единолично, а не в составе комиссии экспертов разных специальностей, как того требует закон. УПК РФ и закон «ОГСЭД в РФ» подобное положение не закрепил, в связи с чем комплексная судебная экспертиза, которая проведена единолично экспертом, сведущим в различных областях знаний, может быть поставлена под сомнение участниками процесса как источник доказательств.

В Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации «О судебной экспертизе по уголовным делам» установлено: «если эксперт обладает достаточными знаниями, необходимыми для комплексного исследования, он вправе дать единое

заключение по исследуемым им вопросам»³. Указанное обстоятельство в определённой степени нивелирует имеющуюся правовую коллизию, но не снижает степени актуальности корректировки действующего законодательства в этой части.

Другим важным фактором при производстве комплексных судебных экспертиз играет тот факт, что в ходе формирования общего вывода могут быть обнаружены ошибки экспертов. Профессор Надежда Павловна Майлис пояснила: «в заключении, которое состоит из нескольких исследований, проведенных разными специалистами, могут быть допущены разного рода ошибки, например, логические, технические и другие. Подобные ошибки могут быть замечены в ходе составления общего вывода» [4, с. 178].

Анализируя экспертную практику, можно сделать обоснованный вывод о том, что внесение соответствующих изменений в действующий УПК РФ и закон «ОГСЭД в РФ» актуально и должно способствовать оптимизации процесса получения достоверных результатов путём проведения комплексных судебных экспертиз.

Следует отметить, что информативность и доказательственная значимость судебных транспортно-трасологических экспертиз существенно повышается при их комплексном производстве с участием эксперта-автотехника. Наиболее эффективным с точки зрения организации таких комплексных судебных экспертиз является привлечение к их производству судебных экспертов, обладающих специальными знаниями в обеих областях знаний, либо одного профессионального судебного эксперта, сведущего в обеих областях знаний. Несмотря на то, что действующим уголовно-процессуальным и судебным экспертным законодательством последняя форма организации производства комплексных судебных транспортно-трасологических и автотехнических экспертиз не предусмотрена, следственно-судебная практика уверенно набирает опыт такой организационной формы на практике.

Одним из примеров подобной практики явилось дорожно-транспортное происшествие, имевшее место «в октябре 2020 года на федеральной административной дороге с участием транспортного средства «ВАЗ-21099» под управлением водителя гр. К., транспортного средства «ВАЗ-21099» под управлением

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

³ О судебной экспертизе по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

водителя гр. Н. Водитель транспортного средства «ВАЗ-21099» гр. Н. и его пассажир гр. А погибли на месте происшествия»¹.

В рамках возбужденного уголовного дела назначена автотехническая экспертиза в судебно-экспертное учреждение региона. Поскольку перечень поставленных перед экспертом-автотехником вопросов содержал также транспортно-трассологическую тематику, руководителем СЭУ производство автотехнической экспертизы было поручено сотруднику, имеющему право производства не только автотехнических, но и транспортно-трассологических экспертиз, ответить на которые эксперт был вправе с учётом комплексного характера своей компетенции.

Вопросы, поставленные перед экспертом:

1. Какова скорость а/м «ВАЗ-21099» под управлением водителя гр. Н, к моменту начала торможения?

2. Возможно ли определить место столкновения автомобилей экспертным путем, по обнаруженным на месте происшествия информативным признакам? Если да, то где располагалось место столкновения ТС?

3. Каков механизм столкновения транспортных средств?

4. С технической точки зрения соответствовали ли действия водителей требованиям ПДД РФ в данной дорожной ситуации, если нет, то каким пунктам и состоят ли они в причинной связи с фактом ДТП?

Выводы эксперта:

— скорость автомобиля «ВАЗ-21099», под управлением водителя гр. Н. к моменту начала торможения составляла около 56 км/ч;

— сопоставление и совмещение перечисленных повреждений автомобилей позволяет утверждать, что их первоначальный контакт в процессе рассматриваемого дорожно-транспортного происшествия произошел правой передней угловой частью а/м «ВАЗ-21099» под управлением водителя гр. К. с правой передней частью а/м «ВАЗ-21099» под управлением гр. Н. При этом угол между продольными осями автомобилей по направлению их движения составлял $162^{\circ} \pm 3^{\circ}$;

По повреждениям транспортных средств с учетом дорожной обстановки на месте происшествия можно сказать, что столкновение автомобилей: встречное, перекрестное, блокирующее для автомобиля «ВАЗ-21099» под управлением гр. К., правое переднее угловое,

а для автомобиля «ВАЗ-21099» под управлением гр. Н. правое переднее;

— место столкновения указанных автомобилей расположено на некотором расстоянии от окончания следов торможения, оставленных автомобилем «ВАЗ-21099», под управлением гр. Н. на правой полосе проезжей части;

— механизм данного ДТП представляется следующим образом: в процессе движения автомобиль «ВАЗ-21099» под управлением гр. Н. выехал на встречную полосу движения и правой передней частью допустил столкновение с правой передней угловой частью автомобиля «ВАЗ-21099» под управлением гр. К. Затем для автомобилей возник разворачивающий момент по ходу часовой стрелки относительно циферблата часов и последующим контактированием передней части автомобиля «ВАЗ-21099» под управлением гр. Н с правой боковой частью автомобиля «ВАЗ-21099» под управлением гр. К. После чего автомобили переместились за пределы проезжей части.

Таким образом, комплексной автотехнической и транспортно-трассологической экспертизой, проводимой судебным экспертом, компетентным в обеих отраслях знаний, было установлено, что механизм формирования вещной обстановки места происшествия объективно соответствовал версии водителя автомобиля «ВАЗ-21099» под управлением гр. К., то есть выводы эксперта даже при отсутствии свидетельской базы убедительно доказывали вину водителя автомобиля «ВАЗ-21099» под управлением гр. Н.

Заключение

Обобщая вышеизложенное можно сделать следующий вывод: комплексная экспертиза имеет достаточно характерные отличительные особенности, предполагающие необходимость и возможность дальнейшего совершенствования её правовой регламентации. Поэтому представляется целесообразным внести изменения в ст. 201 УПК РФ и в ст. 23 закона «ОГСЭД», а именно, закрепить в ней следующее положение: «Если судебный эксперт обладает достаточными знаниями в различных областях науки, техники, искусства или ремесла, необходимыми для комплексного исследования представленных на экспертизу объектов, он вправе произвести самостоятельное комплексное исследование и дать единоличное заключение по поставленным перед ним вопросам, затрагивающим обстоятельства расследуемого события, для исследования которых необходима компетенция в различных сферах научно-практического знания».

¹ Приговор Енотаевского районного суда Астраханской области, 2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения: 30.10.22).

Список источников

1. Судебная ситуалогическая экспертиза места происшествия : учебное пособие для ординаторов и аспирантов / В. Ю. Владимиров, А. В. Ковалев, И. Ю. Макаров, А. Ф. Кинле. Москва : Принт, 2017. 55 с.
2. Владимиров В. Ю., Грекова Е. В. Комплексное исследование или выход за пределы компетенции // Энциклопедия судебной экспертизы: научно-практический журнал. 2018. № 2 (17). С. 5–12.
3. Евстратова Ю. А. Комплексная экспертиза: проблемы содержания понятия // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2. С. 98–101.
4. Майлис Н. П. Процессуальные и организационные ошибки при назначении и производстве комплексных экспертиз // Проблемы сертификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 21 января 2016 г.). Москва : Проспект, 2016. С. 178–181.
5. Майлис Н. П. Пограничные задачи комплексных экспертиз (трасологической и автотехнической, трасологической и КЭМВИ) // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований : материалы Всесоюзной научно-практической конференции (Рига, 5–6 декабря 1984 г.). Москва : ВНИИСЭ, 1985. 196 с.
6. Соболевская С. И. Проблемные вопросы комплексной экспертизы в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1. С. 142–145
7. Шляхов А. Р. Судебная экспертиза : организация и проведение. Москва : Юрид. Лит. 1979. 166 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 23.10.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.01.2023.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

Научная статья
УДК 340
DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10118

125–131

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ. ПРАВОВОЙ ЭПИФЕНОМЕН

Сергей Валерьевич Бутов

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт
войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
scorpioseorg@list.ru*

 <https://orcid.org/0000-0002-5775-0713>

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования в российском законодательстве таких юридических категорий как «правовой статус» и «правовое положение». Автор посредством анализа правовых норм освещает подход в российском законодательстве к определению и соотношению понятий «правовой статус» и «правовое положение». Автор отмечает, что действующее законодательство Российской Федерации не дает легального определения таким юридическим категориям, как «правовой статус» и «правовое положение».

В статье приводятся точки зрения отечественных правоведов на соотношение понятий «правовой статус» и «правовое положение», которые, как правило, полностью схожи или диаметрально противоположны. С точки зрения автора юридические категории «правовой статус» и «правовое положение» не являются тождественными и имеют различное смысловое значение. При этом указанные категории не противопоставляются, а дополняют друг друга. Автор статьи, выражая свое мнение, предлагает ввести в научный оборот такую категорию как «правовой эпифеномен», характеризующий с одной стороны разность правового положения и правового статуса, а с другой — их сходство.

В статье подчеркивается необходимость дальнейшего развития российского законодательства в сфере правовой регламентации таких юридических категорий, как «правовой статус» и «правовое положение», что должно привести к единому толкованию и более эффективному использованию указанных терминов в правоприменении.

Ключевые слова: правовой статус, правовое положение, соотношение понятий, правоотношения, правовой эпифеномен

Для цитирования: Бутов С. В. Правовой статус и правовое положение субъектов правоотношений в российском законодательстве. Правовой эпифеномен // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 125–131. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10118

LEGAL STATUS AND LEGAL POSITION OF SUBJECTS OF LEGAL RELATIONSHIPS IN RUSSIAN LEGISLATION. LEGAL EPIPHENOMENON

Sergey V. Butov

St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia
scorpioseerg@list.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5775-0713>

Abstract. The article applies the problem of using such legal categories as “legal status” and “legal position” in Russian legislation. The author of the analysis of legal norms regulating approaches in Russian legislation to belonging and relations of the concepts of “legal status” and “legal position”. The author of the legislation that the current legislation of the Russian Federation does not provide a definition based on the law of legal categories such as “legal status” and “legal position”.

The article presents the points of view of domestic jurists on the relationship between the concepts of “legal status” and “legal position”, which, as a rule, are completely similar or diametrically opposed. From the author’s point of view, the legal categories “legal status” and “legal position” are not identical and have different semantic meanings. At the same time, these categories are not opposed, but complement each other. The author of the article, expressing his opinion, proposes to introduce into scientific circulation such a category as “legal epiphenomenon”, which characterizes, on the one hand, the difference between the legal status and legal position, and, on the other hand, their similarity.

The article emphasizes the need for further development of Russian legislation in the field of legal regulation of such legal categories as “legal status” and “legal position”, which should lead to a unified interpretation and more efficient use of these terms in law enforcement.

Keywords: legal status, legal position, correlation of concepts, legal relations, legal epiphenomenon

For citation: Butov SV. Legal status and legal position of subjects of legal relationships in Russian legislation. Legal epiphenomenon. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):125-131. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10118 (In Russ.)

Введение

Сложно себе представить существование и функционирование политической системы, гражданского общества, системы всех политико-правовых институтов без самих субъектов правоотношений, обладающих определенным правовым статусом. Государство, устанавливая посредством юридических норм правовой статус (положение) субъекта тем самым регулирует его деятельность в системе правоотношений. Установление правового статуса (положения) является одним из важнейших элементов механизма правового регулирования. «Правовые нормы юридически закрепляют положение человека в обществе, влияя на социальную структуру общества, уровень демократии, состояние законности и пр.» [1, с. 105].

Правовой статус (положение) личности и государственных (муниципальных) органов, а также должностных лиц все чаще актуализируется в процессе демократизации

российского общества. Вместе с тем до настоящего времени в Российской Федерации не издано ни одного нормативного правового акта, раскрывающего такие общие понятия как «правовое положение» и «правовой статус». Лишь немногочисленные правовые акты определяют само понятие правового положения (статуса) конкретных (специальных) субъектов правоотношений. Нормативная неопределенность указанных понятий порождает споры относительно их содержания и соотношения. Единого мнения по указанной проблематике не сложилось и в юридической науке среди правоведов.

Описание исследования

Обратившись к источникам отечественного законодательства, в частности, к римскому праву, оказавшему существенное влияние на правовые системы многих стран, можно заметить, что термин «статус» произошел от римского слова «status», означающего

положение, состояние. Статус представляет собой собирательный образ, совокупность устойчивых значений, непосредственно влияющий на позиционирование обладающего статусом субъекта в обществе, его права и обязанности по отношению к другим субъектам. Еще во времена Античности правовой статус являлся юридически закрепленной формой, наполненной содержанием в виде социального положения человека в обществе. В Древнем Риме для обладания полной правоспособностью физическое лицо должно было быть наделено тремя видами статуса: статусом свободы (*status libertatis*), которым в отличие от рабов обладали лишь свободные граждане, статусом гражданства (*status civitatis*), присущим только гражданам своей страны и семейным статусом (*status familiae*) домовладыки [2, с. 46]. Социальный статус римлянина вводился в правовые рамки, определяя его положение в обществе и наделяя соответствующими правами и привилегиями.

Используя достояния античного права, немецкий юрист Г. Еллинек ввел в широкий научный оборот юридическую категорию *status*'а лица, под которым он понимал определенное положение лица по отношению к государству [3, с. 219].

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «статус» толкуется как сложившееся состояние, положение [4, с. 624]. Вторым специальным смысловым содержанием понятия статуса словарь определяет посредством правового положения. Вместе с тем само правовое положение гражданина является толковым смыслом слова «гражданство». Как видно из толкования терминов вышеуказанный источник отождествляет понятия «правовой статус» «правовое положение» и «гражданство», что, по мнению автора, является не совсем правильным. Схожая, но более конкретная правовая позиция в отношении такого понятия как правовой статус представлена в Большой юридической энциклопедии А. Б. Барихина [5, с. 807]. В ней статус определяется как правовое положение субъекта права — физического или юридического лица, которое характеризуется его уставом, организационно-правовой формой, свидетельством о регистрации, правами и обязанностями, ответственностью, полномочиями, определенными в нормативных актах.

Категория «правовое положение» в отечественном законодательстве начала активно применяться уже в первой четверти 20 века [6, с. 20]. Правовой статус в научный оборот вводится значительно позже. Изначально

он употреблялся без словосочетания с прилагательным «правовой» и, как правило, применялся к привилегированным субъектам правоотношений, тем самым подчеркивая значимость их социально-политического положения¹. Легальное определение правового положения (статуса) в Советских нормативно-правовых актах не давалось, при этом такие акты регламентировали права, обязанности и ответственность субъектов правоотношений.

Законодательство Российской Федерации не проводит какого-либо различия между понятиями «правовой статус» и «правовое положение». Это выражается в виде отождествления указанных понятий посредством использования следующей логически-лингвистической формы «правовой положение (статус)» в нормативно-правовых актах². Возможно и прямое указание в законе на тождество этих понятий. Так, статья 2 Закона РФ «О статусе столицы Российской Федерации» под статусом столицы России предписывает понижать правовое положение города Москвы³.

Следует отметить, что законодательство России, определяющее правовой статус (правовое положение) различных субъектов правоотношения, как правило, не раскрывает само понятие правового статуса. Содержание

¹ О статусе народных депутатов в СССР : Закон СССР от 20.09.1972 № 3352-VIII // Ведомости ВС СССР. 1972. № 39. Ст. 347.

² О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215 ; О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 22. Ст. 3089 ; О муниципальной службе в Российской Федерации : Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152 ; О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 40. Ст. 5488 ; О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» : Федеральный закон 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 30. Ст. 4532 ; Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации : Федеральный закон 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4174.

³ О статусе столицы Российской Федерации : Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4802-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 19. Ст. 683.

правового статуса в таких нормативных правовых актах следует определять посредством логического анализа всего документа или его части (раздела, главы, статьи). Так, в статье 64 Конституции РФ указано, что положения главы 2 составляют «основы правового статуса личности в Российской Федерации»¹. Учитывая название указанной главы «Права и свободы человека и гражданина», можно предположить, что основными элементами правового статуса личности являются лишь права и свободы. Вместе с тем, проанализировав содержание статей главы 2 Конституции РФ, приходим к выводу, что наряду с правами и свободами, которые преимущественно декларируются в указанной главе, статьи 44, 57, 58, 59 устанавливают основные конституционные обязанности гражданина (заботиться о сохранении историко-культурного наследия, платить налоги и сборы, сохранять природу и окружающую среду, защищать Отечество), а статья 54 закрепляет основы порядка привлечения к юридической ответственности — применения закона, устанавливающего или отягчающего ответственность.

В преамбуле Федерального закона «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» отмечается, что указанный закон определяет права, обязанности, ответственность, правовые и социальные гарантии сенатора Российской Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации². Учитывая название этого нормативного правового акта можно предположить, что именно права, обязанности, ответственность, правовые и социальные гарантии являются элементами правового статуса указанной категории чиновников. В другом случае Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации», определяющий организационно-правовые и финансово-экономические основы государственной гражданской службы содержит главу 3 «Правовое положение (статус) гражданского служащего»³. Хотя понятие

правового положения в главе не дается, проанализировав ее можно выделить элементы, составляющие правовой статус государственного гражданского служащего. Законодательство Российской Федерации в исключительных случаях все же дает четкое определение правового статуса некоторых специальных субъектов правоотношений, например, таких как военнослужащие или педагогические работники. Так статья 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» определяет статус военнослужащего в виде установленной государством совокупности прав, свобод и обязанностей военнослужащих, а также их ответственности⁴. Таким образом, законодатель четко определяет понятие и содержание правового статуса лишь той категории субъектов правоотношений, чьи задачи являются наиболее приоритетными и социально-значимыми и для государства и для общества в целом. В части 1 статьи 47 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» раскрывается понятие правового статуса педагогического работника, который представляет собой совокупность прав и свобод, обязанностей и ответственности, социальных гарантий и компенсаций, ограничений, которые установлены законодательством Российской Федерации и ее субъектов⁵. Заметим, что в указанном нормативном правовом акте законодатель не только раскрыл понятие правового статуса, но и определил его состав довольно широким перечнем элементов.

Наряду с законодательством Российской Федерации, которое отождествляет понятия «правовой статус» и «правовое положение» схожего мнения придерживаются такие юристы как Н. И. Матузов [7, с. 181], В. В. Якунина [8, с. 43], И. В. Григорьева [9, с. 87], Р. А. Хасанов [10, с. 22], В. И. Новоселов [11, с. 23], В. М. Корельский и В. Д. Перевалов [12, с. 507] и др. Свою точку зрения многие из них аргументируют усложнением юридической терминологии в случае наделения категорий «правовой статус» и «правовое положение» различным смысловым содержанием. Другая часть ученых разделяет указанные юридические понятия, как по смыслу, так и по содержанию, предлагая рассматривать

¹ Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками : Указ Президента Российской Федерации от 3 июля 2020 г. № 445 // Российская газета. 2020. 4 июля. (№ 144).

² О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 2. Ст. 74.

³ О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июля 2004 г.

№ 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

⁴ О статусе военнослужащих : Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

⁵ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

их во взаимосвязи для более объективной оценки правовых явлений. К ним относятся В. А. Патюлин [13, с. 228], Н. В. Витрук [14, с. 25], Е. А. Лукашева [15, с. 100], А. А. Алексеев [16, с. 142], Е. Г. Белькова [17, с. 44], В. Н. Протасов [18, с. 181], С. Г. Лысенков [19, с. 8].

Вместе с тем автором предпринята попытка создания компромиссного решения между учеными и законодателем относительно вопроса тождества (разности) понятий «правовой статус» и «правовое положение». В рамках данного подхода целесообразно ввести в научный оборот такое понятие как «правовой эпифеномен». Эпифеномен (от греч. *epi* — при, после, возле и *phainomenon* — являющееся) — придаток к феномену, побочное явление, сопутствующее другим явлениям, но не оказывающее на них никакого существенного влияния [20, с. 693]. Применительно к правовому положению правовой эпифеномен наиболее точно характеризует соотношение указанного понятия с такой юридической категорией, как «правовой статус». Исходя из того, что правовой статус является отправной точкой, начальным уровнем развития правового положения, которое в ходе своего изменения под действием различных социально-экономических и иных факторов может преобразоваться в новый правовой статус, отличный от прежнего, можно говорить о том, что разность между правовым положением и правовым статусом характеризует именно правовой эпифеномен — то есть те конкретные правоотношения, в которые вступает субъект, реализуя свой правовой статус. Результат данных правоотношений — правовой эпифеномен, складывающийся вокруг (при, возле, после) правового статуса, как правило, является несущественным и не влечет за собой преобразования в новый правовой статус. Основываясь на данном подходе, представляется рациональным мнение ряда ученых, отождествляющих правовой статус и правовое положение. Тем не менее, следует принять во внимание тот факт, что, хотя посредством «правового эпифеномена» и не происходит качественное преобразование в новый правовой статус, правовой эпифеномен при этом является результатом конкретных правоотношений, придающим определенную специфику правовому положению по сравнению с исходным для него правовым статусом. Автору представляется возможной такая ситуация, когда развитие правового положения может привести к образованию нового правового статуса. В связи с этим стоит согласиться с мнением В. В. Бараненкова. Он обуславливает правовое положение лица его правовым

статусом, который является «ролевой позицией» субъекта в правовых отношениях, определенным фиксированным уровнем (ступенью) развития правового положения, достижение которого влечет его скачкообразное существенное изменение, возникновение нового юридического состояния [21, с. 22]. В этом случае около статусные правоотношения перестанут представлять собой правовой эпифеномен с того момента, как только начнут играть существенную роль в развитии нового правового статуса.

Таким образом, правовой эпифеномен — это конкретные правоотношения, вытекающие из правового статуса, расширяющие его содержание, но не оказывающие существенного влияния для перехода на новый качественный уровень к новому правовому статусу. В рамках такой интерпретации следует отметить интересную особенность закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»¹. В нем законодателем предпринята попытка разграничить понятия «правовой статус» и «правовое положение» судей по критерию их общности (особенности). Так в пункте 1 статьи 2 закона указано, что единым статусом обладают все судьи в Российской Федерации, а особенности правового положения определенных категорий судей, таких как военных, мировых или судей Конституционного Суда Российской Федерации регламентируются соответствующими законами. В данном случае правовой эпифеномен с одной стороны не приводит к новому правовому статусу определенных категорий судей, с другой же — указывает на особенности их правового положения.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ действующего законодательства Российской Федерации позволяет сделать следующие основные выводы.

Законодатель, как правило, отождествляет понятия «правовой статус» и «правовое положение» посредством использования логически-лингвистической формы «правовой положение (статус)» в нормативно-правовых актах. В качестве исключения возможно, как прямое указание на тождество понятий «правовой статус» и «правовое положение» (Закон РФ «О статусе столицы Российской Федерации») так и на специфику этих правовых

¹ О статусе судей в Российской Федерации : Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1792.

категорий (Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации»). При этом общее определение правового статуса законодатель не дает. Лишь в отношении некоторых специальных субъектов правоотношений закон раскрывает содержание правового статуса. Указанные факты свидетельствуют о несовершенстве Российского законодательства на современном этапе его развития.

Ряд ученых согласен с законодателем, считая правовой статус и правовое положение идентичными понятиями. Другие же, напротив, разграничивают указанные правовые категории. Автор статьи не считает правовой статус и правовое положение тождественными, но и говорить об их противопоставлении было бы неверным. Правовой статус и правовое положение — это взаимосвязанные и взаимодополняющие друг друга понятия. Правовой статус, как и правовое положение, включает в себя права, свободы, обязанности, ответственность субъектов правоотношений, но при этом является статичной отправной точкой, начальным уровнем развития правового положения в конкретных правоотношениях. Результатом такого развития является правовой эпифеномен, представляющий собой разность между правовым положением

и исходным правовым статусом, отражающую совокупность реальных прав, обязанностей и ответственности, связанную с конкретными юридическими фактами, динамично возникающими между субъектами правоотношений в зависимости от ряда социально-экономических, политических и иных факторов. Правовой эпифеномен присущий правовому положению по своему определению не приводит к новому качественному состоянию (новому правовому статусу). Это с одной стороны дает основания предположить о тождественности понятий правовой статус и правовое положение, а с другой наделяет правовой статус определенной спецификой, превращая его в правовое положение и тем самым разграничивая указанные юридические категории. Правовой статус и правовое положение конкретного субъекта правоотношений всегда необходимо рассматривать в единстве. Это позволит более глубоко проанализировать и понять сущность многих взаимосвязанных с ними правовых явлений. В настоящее время существует объективная потребность в четкой нормативной регламентации и едином легальном толковании в российском законодательстве таких юридических категорий как «правовой статус» и «правовое положение».

Список источников

1. Дерюгин А. А., Луценко В. В. Правовой статус военнослужащего войск национальной гвардии Российской Федерации: социальная природа, структура и содержание // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 2 (15). С. 105–108.
2. Новицкий И. Б. Римское право : учебник для вузов. Москва : Зерцало-М, 2020. 256 с.
3. Еллинек Г. Общее учение о государстве. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. 750 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. Москва : Рус. яз., 1988. 750 с.
5. Большая юридическая энциклопедия : БЮЭ : более 30 000 терминов и определений / авт. и сост. А. Б. Барихин. Москва : Книжный мир, 2010. 960 с.
6. СССР. Законы и постановления. Кодекс законов о льготах и преимуществах для военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной армии и Рабоче-крестьянского Красного флота Союза ССР и их семей. 2-е изд., доп. Москва : Красная звезда, 1925. 91 с.
7. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 5-е изд. Москва : Дело, 2020. 528 с.
8. Якунина В. В. Гражданская правосубъектность индивидуального предпринимателя: проблемы возникновения и прекращения : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2009. 197 с.
9. Григорьева И. В. Теория государства и права : учебное пособие. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. 306 с.
10. Хасанов Р. А. Гражданско-правовой статус обладателя исключительного права на товарный знак : дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2010. 199 с.
11. Новоселов В. И. Правовое положение граждан в советском государственном управлении. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та. 1976. 216 с.
12. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. Москва : ИНФРА-М : Норма, 1997. 558 с.
13. Патюлин В. А. Государство и личность в СССР. Правовые аспекты взаимоотношений. Москва : Наука, 1974. 246 с.
14. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. Москва : Норма, 2008. 448 с.

15. Права человека : учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. 2-е изд., перераб. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. 560 с.
16. Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 томах. Т. 2. Москва : Юрид. лит., 1982. 360 с.
17. Белькова Е. Г. Статус субъекта права // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2007. № 1. С. 44–47.
18. Протасов В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2001. 346 с.
19. Лысенков С. Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны (историко-правовое исследование) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Лысенков Сергей Геннадьевич. Санкт-Петербург, 2005. 54 с.
20. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Республика, 2001. 719 с.
21. Бараненков В. В. Теоретико-правовые основы определения юридической личности военных организаций // Военное право. 2009. № 2. С. 22–40.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 22.09.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 07.11.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С НАРУШЕНИЕМ ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Андрей Николаевич Белов

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань, Россия
firesecurity.kzn@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-4076-8076>

Аннотация. В настоящей статье анализируются теоретические вопросы определения объекта преступления, предусмотренного ст. 219 УК РФ. Категория «пожарная безопасность» рассматривается в контексте общественной безопасности, как ее структурный элемент. Делается вывод о том, что пожарная безопасность есть состояние защищенности личности, общества и государства от пожаров и их последствий, обеспечиваемое государством через систему нормативных правовых актов и документов, содержащих соответствующие требования пожарной безопасности. Доказывается, что пожарная безопасность является смежной с общественной безопасностью в части интересов общества, и именно в этой части общественная и пожарная безопасность соотносятся как объекты преступного нарушения требований пожарной безопасности.

Ключевые слова: объект преступления, безопасность, общественная безопасность, пожарная безопасность, требования пожарной безопасности, источники повышенной опасности, пожар

Для цитирования: Белов А. Н. Об объекте преступления, связанного с нарушением требований пожарной безопасности // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 1 (36). С. 132–138. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10119

Research article

ON THE OBJECT OF THE CRIME OF VIOLATING FIRE SAFETY REQUIREMENTS

Andrey N. Belov

Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEMU), Kazan, Russia
firesecurity.kzn@yandex.ru

 <https://orcid.org/0000-0003-4076-8076>

Abstract. This article analyzes the theoretical issues of determining the object of a crime under Art. 219 of the Criminal Code of the Russian Federation. The category “fire safety” is considered in the context of public safety, as its structural element. It is concluded that fire safety, that is, the state of protection of the individual, society and the state from fires and their consequences, is provided by the state through a system of regulatory legal acts and documents containing relevant fire safety requirements. It is proved that fire safety is adjacent to public safety in terms of the interests of society, and it is in this part that public and fire safety are correlated as objects of a criminal violation of fire safety requirements.

Keywords: the object of the crime, security, public safety, fire safety, fire safety requirements, sources of increased danger, fire

For citation: Belov AN. On the object of the crime of violating fire safety requirements. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2023;(1):132-138. DOI: 10.47475/2311-696X-2023-10119 (In Russ.)

Введение

Общественная безопасность в уголовном праве представляется категорией весьма неоднозначной, но вместе с тем важной и в некоторой степени ключевой. Данная категория в уголовном праве трактуется одновременно в трех значениях — как общий объект всех преступлений (исходя из признака общественной опасности всякого преступления), как родовой объект преступлений (раздел 9 УК РФ) и как видовой объект преступлений (глава 24 УК РФ) [1; 6; 9; 11]. Такой подход законодателя весьма неоднозначен, поскольку одна и та же категория «общественная безопасность» используется в различных по содержанию значениях. Природа такого подхода кроется в смене уголовно-правовой доктрины, касающейся классификации объекта преступления «по вертикали», когда законодатель перешел от трехзвенного к четырехзвенному ее варианту.

Прежде всего отметим, что понятие общественной безопасности не следует смешивать с более широким по содержанию понятием национальной безопасности. Национальная безопасность представляет собой триединство безопасности личности, безопасности общества и безопасности государства. Общественную же безопасность следует рассматривать как безопасность общества, то есть как состояние отсутствия внешних и внутренних угроз интересам общества. Задача государства состоит в гарантиях и обеспечении интересов общества, в том числе уголовно-правовыми средствами. Таким образом, общественная безопасность есть социальное благо и объект уголовно-правовой охраны со стороны государства, взявшего на себя обязательство оберегать интересы общества от различных угроз (включая преступные посягательства), а в целом — его безопасность [11].

Соответственно, обеспечение общественной безопасности предполагает внедрение системы мер принудительного воздействия в целях создания необходимых условий, обеспечивающих спокойную жизнедеятельность общества и всех его институтов.

При этом сфера жизнедеятельности общества весьма широка и многообразна и включает в себя большое количество направлений. И любое из этих направлений может быть подвергнуто преступным посягательствам, причиняющим вред размеренному, уравновешенному и спокойному состоянию жизнедеятельности общества.

Более того, важно понимать, что общественная безопасность есть элемент общественных отношений, которые имеют свою

структуру: объекты (те блага, по поводу которых происходят отношения), субъекты (те, кто принимает участие в этих отношениях), содержание (социальные связи, права и обязанности участников отношений) и состояния (такие состояния, поддержание которых обеспечивает нормальное развитие отношений) [9; 10; 11].

Таким образом, общественная безопасность — это состояние, которое характеризуется отсутствием либо минимальным уровнем внешних и внутренних угроз интересам общества. Она является результатом совместных усилий государства и общества, их структур и институтов. При этом, чем значительнее и слаженнее реальные усилия государства и общества по обеспечению данного состояния общественных отношений, тем более уверенно, спокойно и безопасно чувствуют себя граждане, вступая в различные социальные связи и выполняя свои социальные функции.

Согласно ст. 4 Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (далее — Закон «О безопасности»), это «достигается проведением единой государственной политики в области обеспечения безопасности, представляющей собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер. Государственная политика в области обеспечения безопасности реализуется федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления на основе Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов, разрабатываемых Советом Безопасности и утверждаемых Президентом Российской Федерации»¹.

Обеспечение общественной безопасности выступает элементом и результатом выполнения государством его правоохранительной функции, что выражается в своевременной, адекватной и эффективной реакции в ответ на всякие правонарушения и отклонения от нормы. Государство обеспечивает правовую охрану общественной безопасности в соответствии с законом, в том числе уголовно-правовыми средствами.

¹ О безопасности : Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 10.11.2022).

Основопологающим документом стратегического планирования, определяющим государственную политику в сфере обеспечения общественной безопасности, а также основой для конструктивного взаимодействия в этой сфере сил обеспечения общественной безопасности, институтов гражданского общества и отдельных субъектов, является Концепция общественной безопасности РФ¹. Этот программно-политический документ представляет собой систему взглядов на обеспечение общественной безопасности как части национальной безопасности Российской Федерации. В ней определяются основные источники угроз общественной безопасности в Российской Федерации, цели, задачи, принципы и основные направления деятельности уполномоченных государственных органов, а также органов местного самоуправления, иных органов и организаций, принимающих участие в обеспечении общественной безопасности на основании законодательства Российской Федерации (далее — силы обеспечения общественной безопасности).

Концептуальные подходы к обеспечению общественной безопасности разработаны в соответствии с положениями Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года и Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года².

Вместе с тем очевидно, к настоящему времени необходима подготовка новой Концепции общественной безопасности РФ на период до 2030 года (далее — Концепция-2030), в которой следует по-новому обозначить угрозы, цели, задачи, принципы и направления обеспечения общественной безопасности.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили нормы российского законодательства, Уголовный кодекс Российской Федерации, судебная и следственная практика, научные работы, посвященные проблемам объекта преступления

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (дата обращения: 10.11.2022).

² <О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года> (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») : Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 10.11.2022).

и правовой оценки нарушения требований пожарной безопасности, а также научные труды в области уголовного права, авторами которых являются Е. А. Дрожжина, В. П. Тихий, И. Я. Козаченко, В. И. Антипов, И. И. Бикеев, Р. В. Закомолдин, С. В. Максимов, Т. Ф. Миняева, О. Н. Расщупкина, Я. В. Гармышев и др.

Рассматриваемая в рамках статьи проблема правильного определения объекта нарушения требований пожарной безопасности определяют необходимость использования совокупности общенаучных и частнонаучных методов, в числе которых формально-логический, анализ и синтез, индукция и дедукция, логический, системный, структурно-функциональный, лингвистический, формально-юридический методы.

Результаты исследования

Исходя из месторасположения ст. 219 в системе УК РФ, можно сделать вывод о том, видовым объектом этого преступления выступает общественная безопасность. Налицо ситуация, когда перейдя к четырехзвенной классификации объекта, законодатель в отдельных случаях не удосужился более четко и корректно определить родовой и видовой объекты посягательств.

Многие авторы пытаются дать этому объяснение (а по сути, обосновать неудачное юридико-техническое решение законодателя), определяя общественную безопасность в широком (как родовой объект) и в узком (как видовой объект) смысле. Так, Е. А. Дрожжина прямо пишет, что выходом из реально создавшейся в уголовном законе ситуации является именно выделение нескольких смысловых значений термина «общественная безопасность» [5, с. 93]. А. В. Ростокинский определяет общественную безопасность в широком смысле как «состояние защищенности общества от преступлений, которое позволяет обеспечить уголовно-правовую охрану общественных отношений в сфере общественной безопасности (в узком смысле слова), здоровья населения и общественной нравственности, экологии, безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также компьютерной информации» [21, с. 25], а также в узком смысле — как «состояние защищенности общества от преступлений, которое позволяет обеспечить уголовно-правовую охрану общественных отношений в сфере общественной безопасности (в узком смысле слова), здоровья населения и общественной нравственности, экологии, безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также компьютерной информации» [21, с. 25], а также в узком смысле — как «состояние защищенности общества от преступлений, которое позволяет обеспечить уголовно-правовую охрану общественных отношений в сфере общественной безопасности, общественного порядка, правил безопасности при производстве различного рода работ и обращения с общепаспортными предметами» [21, с. 26].

Очевидно, что такой подход, когда одному понятию придается несколько значений

и дается несколько различных по содержанию определений, не выдерживает никакой критики и не решает сложившейся проблемы, а лишь усугубляет ее.

Некорректное определение законодателем объекта преступления порождает в данном случае невозможность выполнения объектом преступления своих функций при квалификации соответствующих преступлений. Такая позиция абсолютно верна, поскольку применение нормы права вторично по отношению к ее законодательной регламентации. Соответственно, права Е. А. Дрожжина, развивая данную мысль, что «применение объекта преступления при квалификации преступлений будет эффективным, лишь если он правильно определен не только правоприменителем, но и законодателем» [5, с. 93].

Верно установленный объект преступления лишь облегчает процесс квалификации, делая его более эффективным и быстрым. Поэтому некорректность объекта не делает квалификацию преступления невозможной.

При установлении объекта преступления правоприменитель, прежде всего, должен учитывать на позицию законодателя. Соответственно, если установка законодателя некорректна, размыта или ошибочна, то становится возможным и некорректное правоприменительное решение, в том числе и касающееся квалификации.

В связи с этим проблема некорректного установления видового объекта преступлений, предусмотренных главой 24 УК РФ, в том числе ст. 219 УК РФ, требует решения.

Предложения криминологов советского периода относительно данного вопроса мы приводить не будем, поскольку они весьма условно применимы к структуре и содержанию современного уголовного закона.

Современными же авторами высказываются многочисленные спорные и неоднозначные мнения.

Так, сторонники широкого и узкого понимания общественной безопасности в целом подразделяют преступления, предусмотренные в главе 24, на следующие группы:

- преступления против общей безопасности (ст. 205–212, 227 УК РФ);
- преступления против общественного порядка (ст. 213, 214 УК РФ);
- преступления, связанные с нарушением правил безопасности на общепаспных объектах и при ведении опасных видов работ (ст. 215–217.2 УК РФ);
- преступления, связанные с нарушением правил обращения с общепаспными предметами (ст. 218–226.1 УК РФ) [14, с. 47; 20, с. 8–9].

Такой подход неудачен по ряду причин. Во-первых, отсутствует системность и единых критерий группирования преступлений. Во-вторых, помимо имеющейся проблемы создается еще одна — дуализм трактовки понятия «общественный порядок».

Такое положение наглядно доказывает, что и наименование и содержание главы 24 УК РФ не являются логичными. В данную главу включены и искусственно объединены весьма разнообразные преступления, которые, безусловно, посягают на безопасность общества, но в качестве родового объекта, а не видового, как предусмотрел законодатель, поскольку не являются преступлениями одного вида.

В связи с этим представляют интерес концептуально схожие между собой предложения, высказываемые И. И. Бикеевым и Р. В. Закомолдиным. Так, И. И. Бикеев предлагает выделить по видовому объекту в главе 24 УК РФ деяния двух групп: преступления против общественного спокойствия и преступления против безопасности обращения с объектами повышенной опасности [3; 10]. Р. В. Закомолдин также предлагает закрепить общественное спокойствие и безопасность обращения с источниками повышенной опасности в качестве видовых объектов соответствующих групп преступлений, разделив главу 24 на две отдельные главы [10]. Мы полностью разделяем это мнение и предлагаем исключить из УК РФ главу 24, заменив ее двумя новыми: главой 24.1 «Преступления против общественного спокойствия» (ст. 205–214, 227) и главой 24.2 «Преступления против безопасности обращения с источниками повышенной опасности» (ст. 215–226.1).

Видовым объектом преступного нарушения требований пожарной безопасности следует признавать безопасность обращения с источниками повышенной опасности. Под безопасностью обращения с источниками повышенной опасности как видовым объектом преступлений принято в доктрине понимать состояние общественных отношений в сфере обращения предметов и объектов, а также выполнения работ, имеющих общепаспный характер и потенциально способных причинить вред неограниченному кругу лиц, собственности, окружающей природной среде и иным охраняемым благам при нарушении специально регламентированных правил и требований [9; 10].

Вопрос о непосредственном объекте состава преступления, предусмотренного ст. 219 УК РФ, является не менее дискуссионным.

В. П. Тихий понимал под таковым «совокупность общественных отношений по предотвращению пожаров и воздействия их опасных факторов на людей, материальные ценности

и нормальную деятельность предприятий, учреждений и организаций» [15, с. 147]. В. И. Антипов утверждал, что «непосредственным объектом данного преступления выступают отношения пожарной безопасности как составная часть общественной безопасности» [2, с. 51]. О. Л. Дубовик, не акцентируя внимания на видах объекта, отмечает, что в целом к объектам данного преступления относятся общественная безопасность, жизнь и здоровье людей [19, с. 657].

И. Я. Козаченко под основным объектом этого состава понимает «официально установленный порядок обращения с пожароопасными источниками во всех сферах деятельности, а здоровье человека он рассматривает как дополнительный объект» [18, с. 224]. Р. Л. Габдрахманов придерживается схожего мнения, полагая, что «основным объектом выступает безопасность в сфере обращения с пожароопасными источниками, а дополнительным — жизнь и здоровье человека» [16, с. 417].

Несколько иной точки зрения придерживается В. В. Сверчков, отмечая, что «основным объектом этого преступления является общественная безопасность, урегулированная правилами пожарной безопасности, дополнительным — здоровье человека и отношения собственности, а факультативным — жизнь человека, экологическая безопасность, интересы предприятий, учреждений и организаций» [12, с. 641].

С. В. Максимов пишет: «Первым непосредственным объектом нарушения требований пожарной безопасности выступают общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность в сфере защиты общества и человека от пожаров, а вторым непосредственным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие жизнь и здоровье человека, а также жизнь многих людей» [17, с. 375].

Р. В. Закомолдин в своих работах неоднократно указывает, что «в качестве основного непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного ст. 219 УК РФ, выступает пожарная безопасность как разновидность общественной безопасности, а дополнительным обязательным непосредственным объектом — здоровье и жизнь человека» [9, с. 120]. Автор также пишет, что «факультативным непосредственным объектом данного состава преступления может быть собственность, поскольку пожаром может быть уничтожено имущество, как движимое, так и недвижимое (здания, сооружения, склады, продукция и т. д.). Кроме того, в качестве его

факультативного объекта может выступать экологическая безопасность, поскольку одной из весьма распространенных разновидностей пожаров являются природные пожары (лесные, торфяные, степные)» [9, с. 121].

Весьма оригинально определяет непосредственный объект данного преступления Я. В. Гармышев. По его мнению, участники общественных отношений и выступают ядром последних. Тем самым он фактически отождествляет указанных субъектов — лиц, профессиональная деятельность которых сопряжена с пожарной безопасностью, — с непосредственным объектом данного состава преступления [4, с. 15]. Безусловно, такой подход неприемлем с позиции устоявшейся доктрины уголовно-правовой науки. Данная позиция близка с тезисом Г. П. Новоселова, который понимает под объектом преступления того, против кого направлено посягательство, другими словами конкретное лицо или множество лиц, а также материальные и нематериальные ценности, которые подвергаются преступному воздействию [13].

Существует и такое мнение, что данный состав преступления является однообъектным, поскольку последствия в виде причинения физического, материального или иного вреда полностью охватываются понятием пожарной безопасности и исключают наличие дополнительных непосредственных объектов. Соответственно в качестве основного и единственного непосредственного объекта данного состава преступления следует рассматривать пожарную безопасность как общественные отношения, обеспечивающие состояние защищенности жизни и здоровья людей, имущественных отношений и окружающей среды от угроз, проистекающих в ходе процесса неконтролируемого горения и связанных с ним химических реакций вне специально предназначенных для этого мест, возникающих в результате совершения умышленного или неосторожного деяния, запрещенного уголовным законом (нарушения требований пожарной безопасности) [7]. Полагаем, что такой подход необоснованно расширяет рамки пожарной безопасности как непосредственного объекта и не позволяет дифференцировать ответственность за нарушение требований пожарной безопасности и отграничивать данный состав от смежных составов преступлений.

Обсуждение и заключения

Проведенный формально-логический анализ различных подходов к определению непосредственного объекта состава нарушения

требований пожарной безопасности в современной доктрине уголовного права свидетельствует о сложности и неоднозначности данного вопроса.

Прежде всего необходимо отметить ряд однозначных для нас тезисов, которые прослеживаются у большинства ученых, соответствуют позиции законодателя и поддерживаются правоприменителем.

1. Посягая сразу на несколько объектов, состав преступного нарушения требований пожарной безопасности следует отнести к категории многообъектных. Основной объект позволяет раскрыть социальную сущность рассматриваемого преступления, его направленность и соответственно ориентировать правоохранительные органы на правильную квалификацию.

2. Основным непосредственным объектом рассматриваемого состава преступления является пожарная безопасность, то есть состояние защищенности личности, общества и государства от пожаров и их последствий,

обеспечиваемое государством через систему нормативных правовых актов и документов, содержащих соответствующие требования пожарной безопасности. Пожарная безопасность является смежной с общественной безопасностью в части интересов общества. Именно в этой части общественная и пожарная безопасность соотносятся как объекты преступного нарушения требований пожарной безопасности.

3. Помимо основного, данный состав имеет и дополнительные непосредственные объекты. Так, исходя из содержания и конструкции ст. 219 УК РФ, дополнительные непосредственные объекты данного преступления можно подразделить на обязательные и факультативные. Обязательным непосредственным объектом выступают жизнь и здоровье человека, поскольку причинение им вреда является одним из условий квалификации деяния по данной статье. Факультативными объектами следует рассматривать собственность и экологическую безопасность.

Список источников

1. Агапов П. В. Бандитизм: социально-политическое, криминологическое и уголовно-правовое исследование. Саратов : СЮИ МВД России, 2002. 152 с.
2. Антипов В. И. Уголовно-правовая борьба органов внутренних дел с посягательствами на общественную безопасность : учеб. пособ. Киев : КВШ МВД СССР, 1987. 86 с.
3. Бикеев И. И. Ответственность за преступления против общественной безопасности, связанные с незаконным обращением с материальными объектами повышенной опасности: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Казань, 2008. 500 с.
4. Гармышев Я. В. Проблемы квалификации объективных признаков нарушений правил пожарной безопасности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 3 (17). С. 13–19.
5. Дрожжина Е. А. Общественная безопасность как объект преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Москва, 2015. 188 с.
6. Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. Определенность уголовно-правовой терминологии // Государственно-правовые исследования. 2021. Вып. 4. С. 116–120.
7. Евдокимов А. А. Нарушение специальных правил безопасности в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Москва, 2013. 31 с.
8. Закомолдин Р. В. О тройственности понятия «общественная безопасность» в нормах действующего УК РФ // Проблемы российского законодательства: история и современность : материалы Межрегиональной науч.-практ. конф. (Тольятти, 31 января — 1 февраля 2005 г.). В 2 частях. Ч. 2. Тольятти : Изд. Самар. гуманит. акад., 2005. С. 3–10.
9. Закомолдин Р. В. Обеспечение специальных правил и требований безопасности уголовно-правовыми средствами : монография. Москва : Юрлитинформ, 2017. 192 с.
10. Закомолдин Р. В. Преступные нарушения специальных правил и требований безопасности : монография. Тольятти : филиал РГСУ, 2013. 168 с.
11. Закомолдин Р. В., Дуюнов В. К. Об объекте правовой охраны в свете охранительной функции права // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 6-4 (75). С. 46–50. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.4.75.855
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. А. Чекалин ; под ред. В. Т. Чекалина, В. С. Устинова, В. В. Сверчкова. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2006. 1228 с.
13. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. Москва, 2001. 208 с.
14. Расщупкина О. Н. Уголовная ответственность участников организованной преступной группы, совершающих преступления против общественной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Омск, 2004. 167 с.

15. Тихий В. П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности. Харьков : Вища школа : Изд-во при Харьк. ун-те, 1981. 172 с.

16. Уголовное право. Особенная часть : учебник / Н. Н. Афанасьев и др. ; под ред. Н. И. Ветрова и Ю. И. Ляпунова. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Новый юрист, 1998. 767 с.

17. Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. Л. Д. Гаухмана и С. В. Максимова. Москва : Эксмо, 2004. 705 с.

18. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. 4-е изд., изм. и доп. Москва : НОРМА, 2008. 341 с.

19. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : монография / О. Л. Дубовик и др. ; под общ. ред. А. Э. Жалинского. Москва : Эксмо, 2005. 1088 с.

20. Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Задоян А. А. Преступления против общественной безопасности : учеб.-практ. пособ. Москва : Проспект, 2016. 256 с.

21. Энциклопедия уголовного права. В 35 томах. Т. 21. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. Санкт-Петербург : Издание профессора Малинина, 2013. 1072 с.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 18.11.2022.

Дата рецензирования статьи / Revised: 11.12.2022.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 30.01.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВДОНИН ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Аспирант кафедры судебной деятельности и уголовного процесса, Уральский государственный юридический государственный университет им. В. Ф. Яковлева.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

v.a.avdonin@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8425-1565>

АЛИЕВ МАКСИМ МУСТАКИМОВИЧ

Адъюнкт, Академия управления МВД России.

125171, Москва,

ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

aliev.alievso@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1544-2982>

БЕЛОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Аспирант, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП).

420111, Казань, ул. Московская, д. 42.

firesecurity.kzn@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4076-8076>

БУТОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

Адъюнкт, факультет подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ.

198264, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилутова, д. 1.

scorpioserg@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5775-0713>

ВОЛКОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции, Московский финансово-промышленный университет «Синергия».

Москва, Россия.

mvolkova2013@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5928-6929>

INFORMATION ABOUT AUTHORS

VLADIMIR A. AVDONIN

Postgraduate Student, Department of Judicial Activities and Criminal Procedure, Ural State Law State University named after V. F. Yakovlev.

21 Komsomolskaya st., Yekaterinburg 620137, Russia.

v.a.avdonin@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8425-1565>

MAKSIM M. ALIEV

Adjunct Academy of Management of the Interior Ministry of the Russia.

8 Zoi i Aleksandra Kosmodemyanskikh st., Moscow 125171, Russia.

aliev.alievso@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1544-2982>

ANDREY N. BELOV

PhD student, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML).

42 Moskovskaya st., Kazan 420111, Russia.

firesecurity.kzn@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4076-8076>

SERGEY V. BUTOV

The post graduate of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training and Additional Professional Education, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation.

1 Letchika Pilyutova st.,
St. Petersburg 198264, Russia.

scorpioserg@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5775-0713>

MARIA A. VOLKOVA

Candidate of Law Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal regulation of Business and Applied Law Moscow Financial-Industrial University "Synergy".

Moscow, Russia.

mvolkova2013@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5928-6929>

ГАДЖИЕВ ДАЦИ МАГОМЕДОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Дагестан, заслуженный работник образования и науки РАЕ, действительный государственный советник Республики Дагестан 1 класса (в отставке), доцент кафедры уголовного права и государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства.

367018, Республика Дагестан, Махачкала, Ленинский район, ул. Мятная, д. 16.

dmgadzhiev@yandex.ru

DATSI M. GADZHIEV

Candidate of Law Science, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Dagestan, Honored Worker of Education and Science of the RAE, Full State Advisor of the Republic of Dagestan 1st Class (retired), Associate Professor of Criminal Law and State-Legal Disciplines Department of Dagestan State University of National Economy.

16 Myatnaya st., Makhachkala 367018, Republic of Dagestan, Russia.

dmgadzhiev@yandex.ru

ГЛУШКОВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, преподаватель, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Уральский институт (филиал), нотариус.

620026, Екатеринбург, ул. Красноармейская, д. 78-а.

elena.zatsepina@mail.ru

YELENA M. GLUSHKOVA

D. in Law, Associate Professor, Lecturer, Urals Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Russian Ministry of Justice), notary public.

78 Krasnoarmeyskaya st., lit. A, Yekaterinburg 620026, Russia.

elena.zatsepina@mail.ru

ГОЛУБОВ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ

Заместитель министра природных ресурсов и охраны окружающей среды Ставропольского края.

355006, Ставрополь, ул. Голенева, д. 18.

mprsk@mpr26.ru

MIKHAIL A. GOLUBOV

Deputy Minister of Natural Resources and Environmental Protection of Stavropol Krai.

18 Goleneva st., Stavropol 355006, Russia.

mprsk@mpr26.ru

ГОРШЕНКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

603115, Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, д. 4.

gen7976@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0314-2488>

GENNADY N. GORSHENKOV

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor, Department of Criminal Law and Procedure, N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

4 Ashkhabadskaya st., Nizhny Novgorod 603115, Russia.

gen7976@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0314-2488>

ДОЛГОПОЛОВ КИРИЛЛ АНДРЕЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет.

355017, Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1.

nadal06@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>

KIRILL A. DOLGOPOLOV

Candidate of Law Science, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, North Caucasus Federal University.

1 Pushkina st., Stavropol 355017, Russia.

nadal06@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>

ЗАДОРЖНАЯ ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Судебной и правоохранительной деятельности, Южно-Уральский государственный университет (НИУ).

454080, Челябинск, пр. Ленина, д. 76.

verum_z@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0001-2661>

VERA A. ZADOROZHNYAYA

Candidate of Law Science, Associate Professor, Associate Professor (Department of Law Enforcement and National Security), South Ural State University (National Research University).

76 Lenina ave., Chelyabinsk 454080, Russia.

verum_z@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0001-2661>

ЗАЦЕПИН МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, вице-президент Российской криминологической ассоциации, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева.

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

mnz-1958@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1006-4660>

MIKHAIL N. ZATSEPIN

Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Vice President of the Russian Criminological Association, Analyst at the Department of Scientific Research and International Cooperation of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

21 Komsomolskaya st., Yekaterinburg 620137, Russia.

mnz-1958@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1006-4660>

ИВАНОВ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет.

355017, Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1.

1koi@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3590-1071>

SERGEY A. IVANOV

Candidate of Law Science, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University.

1 Pushkina st., Stavropol 355017, Russia.

1koi@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3590-1071>

КОБЕЦ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.

121069, Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

pkobets37@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

PETR N. KOBETS

Doctor of Law Sciences, Professor, Chief Researcher, All-Russia Scientific-research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs.

25 Povarskaya st., building 1, Moscow 121069, Russia.

pkobets37@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>

КОНДРАТЮК СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс», Тольяттинский государственный университет.

445020, Тольятти, ул. Белорусская, д. 14.

kondratyuk.serzh@mail.ru

ResearcherID WoS: AAZ-2563-2021

Author ID Scopus: 57212942343

<https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

SERGEY V. KONDRATYUK

Candidate of Law Science, Senior lecturer at the Department of Criminal Law and Process, Togliatti State University.

14 Belorusskaya st., Togliatti 445020, Russia.

kondratyuk.serzh@mail.ru

ResearcherID WoS: AAZ-2563-2021

Author ID Scopus: 57212942343

<https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

КРАСНОВА КРИСТИНА АЛЕКСАНДРОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал.

197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5.

Председатель Санкт-Петербургского отделения Российской криминологической ассоциации им. Азалии Ивановны Долговой, Санкт-Петербург.

krasnova_vnii@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1545-8025>

KRISTINA A. KRASNOVA

Candidate of Law Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law North-Western branch of the Russian State University of Justice.

5 Aleksandrovskiy park, St. Petersburg 197046, Russia.

Chairman of the St. Petersburg branch of the Russian Criminological Association named after Azalia I. Dolgova,

krasnova_vnii@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1545-8025>

ЛЫСЕНКОВ СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ.

198264, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.

sergey.lysenkov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2791-8247>

SERGEY G. LYSENKOV

Doctor of Law Science, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation Order of Zhukov.

1 Letchika Pilyutova st., St. Petersburg 198264, Russia.

sergey.lysenkov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2791-8247>

НАЦИЕВСКИЙ ОЛЕГ ДМИТРИЕВИЧ

Заслуженный работник МВД СССР, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, генерал-майор милиции в отставке.

OLEG D. NATSIEVSKIY

Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Retired Major General of Militia.

НИФТАЛИЕВА МАРГАРИТА БИЛЬМАНОВНА

Инженерное Бюро Франке Интернешенал.

117246, Москва, ул. Бутлерова, д. 17Б.

niftalieva.margarita@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3722-289X>

MARGARITA B. NIFTALIEVA

Engineering Bureau Franke International LLC.

17 Butlerova st., lit. B, Moscow 117246, Russia.

niftalieva.margarita@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3722-289X>

НОВИКОВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.

Доцент кафедры юриспруденции, Южно-Уральский технологический университет.

454100, Челябинск, Комсомольский проспект, д. 113а.

Julia_nov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8724-3619>

YULIYA S. NOVIKOVA

Candidate of Law Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Chelyabinsk State University.

129 Bratyev Kashirinykh st., Chelyabinsk 454001, Russia.

Associate Professor of the Department of Jurisprudence, South Ural Technological University.

113 Komsomolskiy prospekt, litera A, Chelyabinsk 454100, Russia.

Julia_nov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8724-3619>

ПАВЛОВА АННА ДМИТРИЕВНА

Магистрант, 1 курс, кафедра теории и истории
российского и зарубежного права, Владивосток-
ский государственный университет;
юрисконсульт аппарата управления,
ООО «Наладка-ДВ».

690014, Приморский край, Владивосток,
ул. Гоголя, д. 41, оф. 5501.

pavlovvaaa@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8764-230X>

ANNA D. PAVLOVA

Master's student, 1st year, Vladivostok State University,
Department of Theory and History of Russian and
Foreign Law; legal adviser of the management office
of Naladka-DV LLC.

41 Gogolya st., kabinet 5501, Vladivostok 690014,
Primorskiy kray, Russia.

pavlovvaaa@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8764-230X>

СЕМЕНОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Кандидат исторических наук, доцент,
почетный сотрудник МВД, полковник полиции
в отставке.

alex_s2711@rambler.ru

ALEKSANDR I. SEMENOV

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Honorary employee of the Ministry of Internal Affairs,
retired police colonel.

alex_s2711@rambler.ru

СУВЕРОВ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории права
и государства, Барнаульский юридический
институт МВД России.

656038, Барнаул, ул. Чкалова, д. 49.

suverovev69@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9988-7390>

YEVGENIY V. SUVEROV

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of
Department of Theory and History of Law and State,
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia.

49 Chkalov st., Barnaul 656038, Russia.

suverovev69@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9988-7390>

ТИМОФЕЕВА АЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА

Кандидат исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории
российского и зарубежного права,
Владивостокский государственный
университет.

690014, Приморский край, Владивосток,
ул. Гоголя, д. 41, оф. 5501.

alla-al.tim@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-000107166-2683>

ALLA A. TIMOFEEVA

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Theory and History
of Russian and Foreign Law,
Vladivostok State University.

41 Gogolya st., kabinet 5501,
Vladivostok 690014, Primorskiy kray, Russia.

alla-al.tim@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-000107166-2683>

УПОРОВ АЛЕКСАНДР ГЕННАДЬЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры государственно-правовых дисциплин,
Кузбасский институт Федеральной службы
исполнения наказаний.

654066, Кемеровская область–Кузбасс,
Новокузнецк, проспект Октябрьский, д. 49.

uporov65@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0211-4231>

ALEKSANDR GENNADEVICH UPOROV

Candidate of Law Science, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of State and
Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal
Penitentiary Service.

49 Oktyabrskiy ave., Novokuznetsk 654066,
Kemerovo region–Kuzbass, Russia.

uporov65@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0211-4231>

ФРИЗЕН ПЕТР ДМИТРИЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства, Барнаулский юридический институт МВД России.

656038, Барнаул, ул. Чкалова, д. 49.

frizenpd@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5655-3750>

PETR D. FRIZEN

Candidate of Law Science, Associate Professor, Professor of Department of Theory and History of Law and State, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

49 Chkalov st., Barnaul 656038, Russia.

frizenpd@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5655-3750>

ШМИДТ АРТЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Судебная и правоохранительная деятельность», Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

454080, Челябинск, проспект Ленина, д. 76.

Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия, Уральский филиал.

454135, Челябинск, ул. Энергетиков, д. 63.

artem-shmidt@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9753-6527>

ARTEM A. SHMIDT

Candidate of Law Science, Associate Professor, Associate Professor of Judicial and Law Enforcement, South Ural State University (National Research University).

76 Lenina ave., Chelyabinsk 454080, Russia.

Associate Professor of State and Legal Disciplines, Ural Branch of Russian State University of Justice.

63 Energetikov st., Chelyabinsk 454135, Russia.

artem-shmidt@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9753-6527>

Правила предоставления рукописей статей в научно-практический журнал
«ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА»

Общие рекомендации

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике журнала и требованиям к структуре и оформлению статей.

Текст для публикации объемом **8–15 страниц формата А4** должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: «*Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые*». Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание своей статьи редакции.

Требования к структуре статьи

- Научные статьи оформляются согласно требованиям ГОСТ Р 7.0.7-2021.

Метаданные на русском языке

- ✓ УДК
- ✓ Название статьи заглавными буквами
- ✓ Имя, отчество, фамилия; наименование организации (учреждения), город, e-mail, ORCID автора(ов).
- ✓ Аннотация от 150 до 250 слов.
- ✓ Ключевые слова.
- ✓ Благодарности.
- ✓ Финансирование.

Метаданные на английском языке

- ✓ Название статьи заглавными буквами
- ✓ Имя, отчество, фамилия автора(ов), город* – транслитерация; наименование организации (учреждения) – перевод; e-mail, ORCID.
- ✓ Abstract (перевод).
- ✓ Keywords (перевод).
- ✓ Acknowledgements (перевод).
- ✓ Funding (перевод).

Текст статьи

- *Язык публикации* статей – русский. Смешивание в одной статье текстов на двух и более языках не допускается. Текст должен быть структурирован, иметь введение, основной текст (материал и методы, результаты, обсуждение результатов, выводы), заключение.

Списки источников

- *Список цитируемых источников* (не менее пяти) оформляется согласно требованиям ГОСТ Р 7.0.5-2008, источники приводятся в порядке упоминания в тексте. Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки. Библиографические сведения о цитируемых нормативно-правовых актах, учебной литературе, диссертациях (авторефератах) приводятся в подстрочных ссылках (ГОСТ Р 7.0.5-2008).
- Раздел *References* оформляется в **Ванкуверском** стиле. Транслитерация названий, имен собственных выполняется по стандарту Госдепартамента США.

* Названия городов Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону имеют англоязычное написание и не транслитерируются: Moscow, Saint-Petersburg (St. Petersburg), Rostov-on-Don.

Дополнительные сведения об авторе(ах) (на русском и английском языках)

- *Персональные сведения.* Фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, подразделение, полное наименование места работы, юридический адрес, контактный телефон, адрес электронной почты, международные идентификационные номера ученого, иные сведения.
- *Вклад авторов.* Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов.
- *Конфликт интересов.* Указание об отсутствии или наличии конфликта интересов.
- *Приложения, примечания* — при необходимости.

Требования к оформлению рукописи статьи

- *Страница* — формат А4; поля по 2 см с каждой стороны.
- *Редактор* — Microsoft Word (.doc). Шрифт (гарнитура) — Times New Roman.
- *Размер шрифта (кегель)* — 14 пт. без уплотнения, разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12 пт.
- *Абзацный отступ («красная строка»)* — 0,75 см.
- *Междустрочный интервал* — полуторный. Выравнивание текста — по ширине.
- *Автоматическая расстановка переносов* допускается.
- При необходимости в текст статьи можно включить иллюстрации (черно-белые рисунки, таблицы) и формулы. Нумерация рисунков и таблиц сквозная арабскими цифрами. *Приложения и примечания* к статье размещаются после *дополнительных сведений об авторе(ах)*.

Для размещения статьи в журнале к рукописи необходимо предоставить

- *Файл со статьей*, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
- *Анкету автора(ов)* по представленной на сайте журнала форме (скан-копию).
- *Аспиранты и соискатели* ученой степени кандидата наук предоставляют рецензию (отзыв) научного руководителя с подписью (скан-копию оригинала).

Подготовленные материалы следует отправить на e-mail pravoporyadok74@bk.ru, либо заполнить электронную форму заявки на сайте журнала <http://правопорядок74.рф/author.php>

В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

Редакция оставляет за собой право редактировать и сокращать статьи.

Подробная информация доступна на сайте журнала <http://правопорядок74.рф>.

Редакция журнала

«Правопорядок создается нравами, а не законом»

Равиль Алеев

*www.правопорядок74.рф
www.pravoporyadok74.ru*